

МОНЕТЫ ОЛЬВИИ

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ОДЕССКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

МОНЕТЫ ОЛЬВИИ

*Очерк денежного обращения
Северо-Западного Причерноморья
в античную эпоху*

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1988

В монографии впервые в отечественной науке прослеживается процесс возникновения, расцвета и упадка денежного обращения в Ольвийском полисе рубежа VII—VI вв. до н. э. — IV в. н. э. Показаны особенности денежного обращения в Нижнем Побужье, выделена роль иноземных и местных монет на разных этапах истории Ольвии. В связи с датировками отдельных эмиссий затрагиваются вопросы, связанные с монетным делом Ольвии. Учитываются монетные находки в регионе. Особо рассматриваются надписи, содержащие данные по истории денежного обращения.

Для историков, археологов, всех, кто интересуется античными монетами и древней историей Северного Причерноморья.

Ответственный редактор
В. Л. ЯНИН

Рецензенты
С. А. МАТВЕЕВ, Н. А. ФРОЛОВА

Редакция литературы по социальным проблемам,
зарубежных стран, археологии
и документалистике

0503000000-127
К $\frac{\text{M221(04)-88}}{\text{КУ-1-155-88}}$

ISBN 5-12-000104-1

© Издательство «Наукова думка», 1988г.

К моменту появления первых ионийских поселений в Нижнем Побужье социально-экономическое развитие Восточного Средиземноморья достигло такого уровня, который обусловил появление металлической монеты. Сравнительно развитое денежное обращение — одна из существенных черт античного рабовладельческого общества вплоть до его кризиса и гибели. Поэтому монеты принадлежат к числу первостепенных вещественных источников древней истории. Изучение античных монет представляет немалый научный интерес и значительно расширяет сведения, сообщаемые греческими и латинскими авторами и эпиграфическими документами о жизни греко-римского общества.

Среди более чем тысячи центров античной ойкумены, выпускавших металлические монеты, Ольвии принадлежит особое место. Небольшой северопонтийский полис является едва ли не единственным центром греческого мира, где наблюдается процесс зарождения денег в виде полноценной литой бронзовой монеты; здесь достаточно определенно устанавливаются моменты перехода денежных функций к серебру, а затем к золоту и отчетливо прослеживаются последствия такого перехода, а также дальнейшая эволюция денежного хозяйства в период подъема и упадка Римской империи. Этим определяются задачи настоящей работы: изучение особенностей денежного обращения Ольвии на фоне общих закономерностей, характерных для античной экономики. Ольвийские монеты рассматриваются не в качестве объекта нумизматических штудий — чисто нумизматические проблемы освещаются лишь в той мере, которая представлялась необходимой для характеристики основных этапов развития денежного обращения, а возможности монетного материала для раскрытия политических событий и культурно-исторических явлений не затрагиваются вовсе; такие проблемы, впрочем, наиболее охотно разрабатывались нумизматами.

Задачи работы определили ее структуру и некоторые элементы. Она не является корпусом ольвийских монет и не претендует на полноту привлечения литературы по различным вопросам ольвийской нумизматики — предлагается лишь попытка освещения денежного обращения в одном из регионов античного Причерноморья, и только отсутствие соответствующих сведений в памятниках греко-латинской литературы и сравнительно малое количество таких данных в эпиграфических документах выдвигают монеты на первый план. Поэтому при изложении итогов классификации и хронологии ольвийских мо-

нетных эмиссий автор ограничивается ссылками на известные исследования и останавливается на самых важных результатах многолетней работы нумизматов. Равным образом автор не стремился к полноте иллюстративного материала. Добавим, что при оформлении научного аппарата предпочтение было отдано позиционной системе: использованные работы цитируются в тексте под номерами, соответствующими прилагаемому списку, который, следует заметить, не является библиографическим указателем и не охватывает всех работ, посвященных монетам Ольвии. Произведения древних авторов документируются традиционно оформленными ссылками («книга», «глава», «параграф») и используются по своду В. В. Латышева [11]. Надписи цитируются по соответствующим сборникам [9, 10, 12] по номерам (без страниц); таковы же и ссылки на монеты в изданиях, имеющих характер каталогов [13—19]. Перекрестные ссылки приводятся в тексте в скобках (указываются параграф и раздел).

Автор выражает искреннюю признательность всем, кто помог ему критикой или советами, и особенно благодарит музейных и библиотечных работников, без чьей помощи эта книга не могла быть написана.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ОЛЬВИИ В XIX—XX вв.

1. Уже в конце первой четверти XIX в. монеты Ольвии были достаточно полно описаны [17], а находка декрета в честь Протогена вызвала первую попытку изучения монетной системы ольвиополитов [237], но денежное обращение этого полиса за весь тысячелетний период его существования никогда не было предметом специального исследования. Впрочем, А. С. Уваров (1828—1884) стремился связать антикварно-нумизматический анализ монет с выявлением особенностей денежного обращения Ольвии; он пытался, к примеру, определить номиналы и весовую систему древнейших литых монет, выделить серии, изготовленные по римскому образцу и т. п. [159. С. 104—119, табл. XXII—XXIV]. Такие тенденции не получили, к сожалению, дальнейшего развития вплоть до начала XX в., однако к указанному времени были удовлетворительно опубликованы едва ли не все известные в настоящее время типы и разновидности ольвийских монет и в общих чертах намечена их типологическая и стилистическая классификация [13. № 1—257, табл. I—IX; 15. № 1—119; 14. № 8—275, табл. I; 19. № 1—146, табл. II; 16. № 115, 129—306, табл. I]. Наглядным итогом этой работы явились таблицы ольвийских монет в зарубежных изданиях конца XIX — начала XX в. [254. Табл. VIII—XII; 247. Табл. II—III].

Новый этап в изучении денежного обращения Ольвии связан с деятельностью А. Л. Бертье-Делагарда (1842—1920). Одним из первых он приступил к серьезному и самостоятельному исследованию сложной монетной метрологии античного мира, разработал методику определения реального веса отдельных номиналов и проследил изменения весовых норм и монетных систем древних городов Северного Причерноморья; все это сознательно делалось «для познания их экономической жизни» [29. С. 1]. Вслед за разрешением таких задач «становятся, — по его словам, — возможными соображения о перемене денежных систем, о причинах и порядке этого, об относительной стоимости металлов, о бедности и полноте чеканов, об основном номинале систем, о допускавшейся терпимости веса или пробы металла, об их

изменяемости в различных номиналах монет, об уклонении от норм под влиянием особых причин, об изнашивании монет и о многом подобном» [30. С. 51]. Хотя в приведенном перечне смешаны вопросы из области монетного дела и относящиеся, собственно, к сфере денежного обращения, само стремление использовать античные монеты как полноценный источник для восстановления утраченных черт важной и мало исследованной экономической стороны древней жизни [30. С. 51—52] было для начала XX в. незаурядным явлением в мировой нумизматической литературе.

А. Л. Бертье-Делагард не успел реализовать намеченную им программу в полном объеме даже по отношению к Херсонесу, всегда находившемуся в центре его исследовательских интересов. Однако он раскрыл несостоятельность широко распространенных в зарубежной научной литературе представлений о необыкновенном обилии золота в Скифии [29. С. 2—10, 47, 58, 95], установил значение серебра для денежного хозяйства ольвиополитов в IV в. до н. э. [29. С. 59—63, 81—83, 99]. Исследователь наметил также группировку всех золотых и серебряных монет Ольвии по номиналам, собрав для этого весовые материалы из многих русских и зарубежных коллекций [30. С. 62—67]. Наконец, он разработал проблему обращения в Ольвии полноценной литой монеты и ее последующей редукции [29. С. 67—77, 91—93], показал, опираясь на эпиграфические данные, роль электровых монет Кизика в денежном хозяйстве ольвиополитов [29. С. 54—55, 60—61], попытался определить для IV в. до н. э. относительную стоимость монетных металлов [29. С. 56—59, 76—77, 85—86]. Терминологические неточности и недостаточная обоснованность некоторых выводов не лишают и сейчас научное наследство А. Л. Бертье-Делагарда ценности и значения.

И все же, в начале XX в. проблемы денежного обращения Ольвии едва намечались. Крайне медленно продвигалась и работа по введению в научный оборот монетных собраний — крупнейшие коллекции ольвийских монет в Эрмитаже и в Одесском музее не были даже описаны, монетные находки из Ольвии и ее окрестностей издавались эпизодически [161. С. 63—66; 162. С. 231—237; 52. С. 90—93, 100—114]. Такое положение не случайно: планомерные раскопки древнего города начались поздно, изучение экономики и культуры Ольвии отражало как сильные, так и слабые стороны дореволюционного русского антиковедения. Не удивительно, что наиболее существенные черты ольвийского хозяйства оставались нераскрытыми; непомерное преувеличение роли торговли сочеталось с почти полным пренебрежением к изучению земледельческого и ремесленного производства; искажалась картина взаимоотношений греческих поселенцев с местными племенами.

В научной литературе европейских стран денежное обращение Ольвии также не получило серьезной разработки. Если не останавливаться на публикациях ольвийских монет на страницах

музейных и аукционных каталогов и на кратких и немногочисленных замечаниях в общих трудах по истории античного хозяйства или древней нумизматики, можно назвать лишь статью Б. Ляума об ольвийских дельфинах [232], в которых автор искал подтверждения своей шаткой гипотезе о возникновении денежного обращения в культовой практике древнегреческих храмов [233; 143], и брошюру Г. Шмица, который при изучении денежного обращения Ольвии в IV в. до н. э. исходил из предположения о ранних и обильных эмиссиях золотых монет в Ольвийском полисе [270]. На фоне таких домыслов выгодно выделяются статьи С. Робинсона о серебряных монетах эллинистической Ольвии и С. Сорда о древнейших литых бронзовых монетах Северо-Западного Причерноморья [268; 278].

2. Предпосылки для всестороннего и углубленного изучения истории античных полисов Северного Причерноморья и, в частности, их экономики и денежного обращения стали складываться лишь в ходе становления и развития советской исторической науки. На основании материалов, полученных в ходе раскопок Ольвии и памятников Нижнего Побужья, стал возможным новый подход к истории этого региона в античную эпоху. Разумеется, было бы преждевременным считать завершенным изучение развития производительных сил на разных этапах существования Ольвийского полиса, этнического состава его населения, общественно-политического строя, связей с эллинским и племенным миром, культуры и религии, но исследование этих проблем и многих частных вопросов поставлено на твердую методологическую и источниковедческую базу в соответствии с общим уровнем советского антиковедения. Тем самым созданы необходимые условия и для углубленной разработки истории монетного дела и денежного обращения Ольвии.

Такие условия сложились не сразу. Советская нумизматика прошла сложный путь развития [170], и создание общей картины развития ольвийского монетного дела наряду с разработкой основных проблем истории денежного обращения в античном Причерноморье завершилось лишь к началу 40-х годов в результате многолетних исследований А. Н. Зографа (1889—1942).

Филолог-классик по образованию, участник ряда археологических экспедиций, А. Н. Зограф владел огромным монетным материалом из музейных фондов и раскопок и был подготовлен к этой задаче лучше, чем кто-либо из его предшественников. Начав в 20-х годах с публикаций чисто нумизматического и искусствоведческого характера, он обращается затем к углубленному изучению монетных находок и монетной техники и издает ряд работ по истории денежного обращения Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии в античную эпоху. К началу Великой Отечественной войны исследователь завершил увидевшую свет лишь в 1951 г. фундаментальную работу о древних монетах, в которой впервые прослежен ход развития денежного хозяйства северопонтийских полисов [70. С. 111—212].

В Ольвии выпуск монеты начался рано, и притом на основе дешевого металла — меди; в силу сложившейся традиции ольвиополиты и в дальнейшем долго пользовались крупными литыми медными монетами. Первоначально монетные слитки имели форму дельфинов, но еще до конца VI в. до н. э. произошло их резкое обесценение и на смену дельфинам приходят полноценные круглые монеты — так называемые ольвийские ассы. Однако они мало подходили для междугородского обмена и в Ольвии, как и вообще на северных берегах Понта, долго находились в обращении электроновые монеты Кизика. В V—IV вв. до н. э. ольвиополитами выпускались и чеканенные серебряные монеты, но этот металл не играл, по мнению А. Н. Зографа, существенной роли в процессе обращения [70. С. 121—127].

В последней четверти IV в. до н. э. ольвиополиты осуществили, как полагал А. Н. Зограф, редукцию полноценной медной монеты, и город перешел к чеканке золота, серебра и разменной меди. Впрочем, Ольвия не могла соперничать с золотыми эмиссиями Александра и Лисимаха, статеры которых пришли на смену кизикинам в причерноморской области. В начале III в. до н. э. в связи с общим ухудшением экономического и политического положения города чеканка золотой монеты была прекращена, а во времена Протогена (автор помещал декрет в его честь между 279 и 213 гг. до н. э.) в обращении не стало серебра и наблюдались все признаки острого денежного кризиса [70. С. 127—132]. С конца III в. до н. э. ольвиополиты снова выпускают серебро, но низкопробное, и неоднократно подвергают свои серебряные монеты клеймению [70. С. 132—137].

В последней четверти II в. до н. э. Ольвия попадает в зависимость сначала от скифского царя Скилура, а затем от Митридата Евпатора. Характерной чертой денежного обращения первой половины I в. до н. э. является массовое проникновение на ольвийский рынок городских медных монет Понта и Пафлагонии [70. С. 136; 68]. В середине указанного столетия город был разгромлен гетами, и чеканка монеты возобновилась не ранее времени правления Августа.

В I—II вв. н. э. денежное обращение Ольвии строится на основе римской монетной системы, причем в течение всего периода наблюдается неуклонное обесценение медной монеты. На рубеже II—III вв. н. э., а также в начале второй четверти III в. н. э. ольвиополиты чеканят медь с изображениями и именами римских императоров. Денарии Траяна и его преемников до Северов включительно нередко встречаются в Ольвии; они, очевидно, обращались как в самом городе, так и в его окрестностях [70. С. 138—145; 66]. В I—II вв. н. э. на ольвийском монетном дворе были выпущены также золотые монеты Фарзоя и серебряные — Иненсимея (Инисмея); эти эпизодические эмиссии не оказали влияния на денежное обращение, а сами монеты, по Зографу, носили, скорее всего, характер донативов [70. С. 137—139].

Изложенная в общих чертах разработанная А. Н. Зографом схема истории денежного обращения Ольвии не может оспариваться в целом. Однако не все ее звенья представляются одинаково прочными, да и само освещение проблем, касающихся лишь одного из северопонтийских городов, в рамках сводного труда, посвященного монетам всего античного мира, лишало автора возможности подтвердить свои взгляды анализом всего относящегося к ним материала. Привлечение данных, ставших известными в послевоенные годы, позволяет уточнить, видоизменить и порой даже отвергнуть некоторые из его утверждений, а также поставить на очередь изучение таких вопросов, которые были едва затронуты в трудах А. Н. Зографа. Необходимо, однако, подчеркнуть, что всякая дальнейшая работа над монетами Ольвии должна исходить из выводов и предположений А. Н. Зографа, которые в своей совокупности в основном верно отражают наиболее существенные особенности истории ольвийского монетного дела и денежного обращения.

В довоенные и послевоенные годы история монетного дела и денежного обращения на территории юга СССР в античное время привлекала и многих других специалистов. При этом еще четверть века назад приходилось констатировать, что внимание и силы ученых распределялись очень неравномерно, причем именно по ольвийской нумизматике до половины 50-х годов было сделано сравнительно не так уж много [170. С. 8]. За три последних десятилетия советская нумизматика добилась немалых успехов: расширился диапазон исследований по всем отраслям истории монетного дела и денежного обращения, поднялся их теоретический уровень, значительно усовершенствовалась методика нумизматических штудий; возросло за эти годы и количество работ, посвященных денежному обращению Ольвии. Так, была поставлена проблема обращения в Нижнем Побужье литых бронзовых наконечников стрел [156; 54; 127; 64; 147; 23], уточнены данные об обращении в регионе кизикинов и других архаических электровых монет Малой Азии [173; 83; 119; 109; 33—36], а также золотых монет македонских царей и Лисимаха [88; 37; 125], с различных позиций разрабатывался вопрос о стоимости монетных металлов в Причерноморье [77; 21; 41], об особенностях обращения широко распространенных бронзовых ольвийских монет с изображением Борисфена [100; 22; 160] и понтийской городской меди времени Митридата Евпатора [95], была, наконец, освещена история утверждения в Ольвии римской монетной системы [111; 112]. Если принять во внимание, что в это время были также уточнены классификация и хронология многих ольвийских эмиссий, то следует признать своевременным комплексное изучение истории денежного обращения Ольвийского полиса за все время его существования, что и является задачей настоящей работы.

§ 2. К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ОЛЬВИИ

1. Античная литературная традиция не сохранила ни одного прямого свидетельства о монетах и денежном хозяйстве ольвиополитов. Не слишком много и соответствующих указаний эпиграфических документов — как памятников лапидарной эпиграфики, так и граффити. Среди последних, впрочем, можно отыскать несколько текстов, имеющих прямое отношение к денежному обращению архаического времени.

Одно из граффити представляет собой фрагмент деловой записи на внешней стороне стенки ионийского килика первой половины VI в. до н. э., найденного на Березани. Сохранилось два не сходящихся краями обломка, на которых был записан реестр расходов и доходов неизвестного по имени купца. Денежные суммы выражены в гектах и гемигектах (*hektai, hēmiektai*), т. е. в подразделениях электровых статов, характерных для ранней монетной системы малоазийских полисов [38. С. 64—67]; это самое раннее письменное свидетельство об обращении монет в Нижнем Побужье (ср. § 4.1.).

Не меньший интерес представляет происходящее из Ольвии частное письмо второй половины VI в. до н. э., процарапанное тонким острием на свинцовой пластинке. В первой части плохо сохранившегося документа читается упоминание о нескольких десятках статов (*statēres*) — речь идет, надо полагать, о тех же электровых монетах Малой Азии [288. С. 19].

Третий документ представляет собой граффито на чернолазовом аттическом скифосе конца VI — начала V в. до н. э. и относится к категории застольных текстов. Из надписи следует, что наконечники или «острия» (*ardeis*) служили в Ольвии разменной монетой [54. С. 115; 55. С. 126—127]. Граффито удостоверяет денежные функции двулопастных бронзовых наконечников стрел, находимых на Березани, в Ольвии, на других поселениях Нижнего Побужья, Нижнего Подунавья и западного побережья Черного моря (ср. § 4.2.).

2. Рассматривая памятник монументальной эпиграфики, необходимо подчеркнуть значение такого содержательного документа, как декрет о денежном обращении [10. № 24 = 12. — № 218]. Надпись обнаружена в 1876 г. в селении Анадолу-Кавак, на восточном берегу Босфора, среди руин знаменитого в древности святилища Зевса Урия. Можно полагать, что копия с постановления ольвиополитов была выставлена при входе в Черное море у храма божества, считавшегося покровителем мореплавателей, в числе других важных документов, регулировавших междуполисную торговлю на черноморских рынках [98. С. 79].

Декрет, принятый ольвиополитами по предложению некоего Каноба, сына Трасидаманта, определял условия въезда в «Борисфен», под которым подразумевался город Ольвия или даже

весь Ольвийский полис [98]. На территории последнего все были обязаны использовать в процессе торговли только ольвийские монеты (to nomisma to tēs poleōs) и устанавливался единый пункт обмена иноземных монет на местные — «на камне в эkkлeсиастeрии», т. е. на возвышении, с которого произносили речи в народном собрании [129. С. 49]; обмен иноземных монет на монеты Ольвии освобождался от пошлин, а ввоз и вывоз любых монет объявлялся открытым. Декрет устанавливал также обменный курс наиболее распространенных в Причерноморье монет метрополии — статеров города Кизика на южном берегу Мраморного моря.

Плита с надписью повреждена и вдоль правого и левого краев (рис. 1), но в большинстве таких мест дополнения однозначны и были сделаны при публикации [250]. Наиболее важно восстановление утраченного окончания 24-й строки, где устанавливается курс кизикинов. На камне читается: *pōlein kai ðneisth[ai to]n men statēra ton Kyzikēnon [...]to hēmistatēro* («золото продавать и покупать по... с половиной статеров за статер кизикский»). В. Диттенбергер предположил, что здесь могло находиться [dōdeka]to или [hendeka]to, т. е. кизикин приравнивался к 11,5 или к 10,5 ольвийским статерам [196]. Поскольку в начале лакуны удалось различить верхнюю горизонтальную черту буквы E [251. С. 314; 129. С. 48—49], большинство издателей и исследователей предпочли второе дополнение.

Если текст декрета восстановлен в первые годы после его обнаружения, то определение даты документа и составление к нему нумизматического комментария потребовали продолжительных усилий. Первые истолкователи памятника датировали его началом [196], первой половиной [129. С. 48—49] или концом IV в. до н. э. [250], но авторитет таких мастеров эпиграфического анализа, как В. Диттенбергер и В. В. Латышев, надолго сделал раннюю дату декрета общепринятой. В. Диттенбергер отверг путанные рассуждения первого издателя надписи, полагавшего, будто ольвиополиты определяли стоимость кизикского статера через его же половины (!), и разъяснил, что курс кизикина выражен в упоминаемом несколькими строками выше «ольвийском серебре», которое он представлял себе в виде статеров милетской монетно-весовой системы [196]. Ф. Линдиш согласился с его толкованием, но предположил, что речь должна идти о статерах еврейско-аттической системы [240. С. 41]. Поскольку среди ольвийских монет образцы таких статеров неизвестны, Т. Рейнак правильно обратил внимание на ольвийские серебряные статыры с профильным изображением Деметры и городской эмблемой — орлом, стоящим на дельфине (рис. 12, 7), которые выпускались в IV в. до н. э. по эгинской системе. К сожалению, французский нумизмат namного завысил средний вес указанных им статеров (12,5 г) и к тому же приравнивал электровый кизикский статер к 12,5 таких монет, что

привело его и других ученых к заключению о необычайно высокой тарификации кизикинов в Ольвии [266. С. 68—69].

Существенный шаг в изучении декрета Каноба был сделан А. Л. Бертье-Делагардом. Главную цель этого документа он видел в стремлении нуждавшихся в драгоценных металлах ольвиополитов привлечь золото из метрополии путем искусственного завышения местного курса кизикинов [29. С. 1—14, 60, 99]. Он не ограничился данными Т. Рейнака о весе ольвийских статеров и впервые воспользовался для вычислений средним весом двадцати монет этого типа [29. С. 54—63]. Метод его расчетов верен, но, располагая сравнительно небольшим нумизматическим материалом, А. Л. Бертье-Делагард не учел того, что по стилю, наличию или отсутствию дифферентов и по весу эти статеры распадаются на две группы, причем с декретом Каноба могут быть сопоставлены только сравнительно легкие экземпляры первой группы [75. С. 69—73; 76. С. 48—52] (§ 9.2; § 11.1).

Если А. Л. Бертье-Делагард подошел к интерпретации ольвийского декрета во всеоружии нумизматических знаний, то многие западноевропейские ученые, обращавшиеся к той же теме, были слабо знакомы с ольвийскими монетами. Более того, основные его выводы, сжато изложенные Э. Миннзом [247. С. 459, 472, 485], не привлекли внимания специалистов. В результате О. Фидебант пытался объяснить непомерно высокий курс кизикинов низким качеством ольвийского серебра [286. С. 104—106], тогда как проба рассматриваемых статеров не опускается ниже 850 ‰ (см. приложение к настоящей работе). Еще более свободно подошел к документу Г. Шмиц: по его утверждению, с конца VI в. до н. э. в Ольвии началась эмиссия золотых монет [270. С. 7, 13]; в дальнейшем к золоту присоединилось серебро, причем ольвиополиты были озабочены его отливом за границы полиса — хотя первый пункт декрета разрешает вывоз любого (следовательно, и местного) «чеканенного серебра» (*argyriou epistemon*). По мнению Г. Шмица, декрет был издан специально для того, чтобы воспрепятствовать выгодному для иностранцев вывозу серебряной монеты из Ольвии [270. С. 20—21, 31—33]; попутно он вычитывает из документа, будто ольвийский полис не извлекал ни малейшей пользы из установленного им курса кизикинов [270. С. 7, 13].

В дальнейшем показания ольвийской надписи неоднократно привлекались и интерпретировались в ходе дискуссии о курсе кизикинов и о стоимости благородных металлов в греческом мире [ср. 77. С. 123—124]. Й. Хазебрек полагал, что постановление было принято в связи со стремлением ольвиополитов поднять курс своих серебряных статеров выше их фактической металлической стоимости, причем городские власти, устанавливая обменный курс этих монет, предусмотрели получение некоторого дохода и потому сочли целесообразным воздержаться от прямого налога на обменные операции. Справедливо и осно-

вательно критикуя Г. Шмица за модернизацию всей системы античного хозяйства и игнорирование действительных условий тогдашнего денежного обращения, И. Хазебрек показал беспочвенность гипотезы о вывозе серебра из Ольвии в метрополию, но вместе с тем отказался от анализа конкретных числовых показаний документа — ведь невозможно установить, каков был размер дохода, извлекавшегося ольвиополитами из завышенного ими курса собственных серебряных монет [214. С. 86, 179—180; 212. С. 410—411]. В отличие от него Ф. Хайхельхайм солидаризуется с учеными, считавшими, напротив, что кизикины оценивались в Ольвии выше их действительной стоимости; такое завышение курса этих монет он устанавливает, впрочем, во всем ареале их обращения, и потому декрет Каноба блестяще подтверждается всей совокупностью сведений о греческом хозяйстве IV в. до н. э., а сам документ должен быть признан одним из важнейших письменных источников по истории денежного обращения в античном мире [216. С. 8—10, 37—38; 218. С. 310—311]. Фактическое повышение стоимости кизикских статеров по отношению к ольвийским констатирует и В. Цибель, утверждающий при этом, будто низкая тарификация ольвийского серебра должна была служить ему защитой на «международном» рынке [299. С. 52]; впрочем, о распространении этих монет за пределами Ольвийского полиса он не приводит никаких данных.

Заключение Т. Рейнака о слишком высокой цене кизикинов на ольвийском рынке признает также Р. Богарт, подчеркивающий при этом, что искусственная гипотеза Г. Шмица, будто декрет Каноба имел целью предотвратить вывоз серебряных монет из Ольвии, не встретила поддержки. Он оспаривает и мнение тех, кто полагал, что город хотел закрепить за собой определенный доход при обмене кизикинов — отсутствие пошлин на обмен и вывоз монеты, а также применение к нарушителям закона такой санкции, как конфискация и обмениваемых не по установленному курсу кизикинов и уплаченных за них ольвийских статеров, показывают, что город не преследовал фискальной цели. Смысл и назначение ольвийского закона состояли в утверждении монопольного положения ольвийской государственной монеты внутри полиса и в закреплении ее курса путем «привязки» к самой распространенной интерлокальной монете Причерноморья — к кизикинам; последние могли, конечно, и в дальнейшем обращаться в Ольвии, но утратили свое ведущее место на внутриволиском рынке [185. С. 89, 104, 115; 187. С. 121—125, 397—398]. Заслуживает внимания и взгляд М. Лялу, считающей, что высокая оценка кизикинов составителями ольвийского декрета была призвана остановить нелегальную спекуляцию этими монетами и несколько задержать их поступление на местный рынок, создав тем самым благоприятные условия для утверждения здесь местной ольвийской монеты [231. С. 63].

В советской научной литературе ольвийская надпись упоминалась многими, но часто — в связи с отдельными сообщениями [59. С. 291—298]. Впрочем, Г. Д. Штейнванд признавал ее важным документом и обоснованно критиковал В. В. Латышева, полагавшего, будто в силу этого постановления кизикинам придавалось в Ольвии право обращения наряду с собственной монетой, а также Г. Шмица, который видел его смысл в предотвращении и прекращении вывоза ольвийской серебряной монеты за пределы полиса. Цель декрета, по Г. Д. Штейнванду, заключалась в том, чтобы при помощи высокого принудительного курса на кизикины укрепить их пошатнувшееся положение [173. С. 19—21]. А. Н. Зограф, цитирующий с явным сочувствием скептические замечания О. Фидебанта, ограничивает значение документа тем, что им удостоверяется роль кизикинов в ольвийской торговле; курс этих монет А. Н. Зограф, подобно многим исследователям, признает завышенным и объясняет это тем, что здесь они могли обмениваться на медь [70. С. 48, 126—127, 175].

Как видно из приведенного обзора, высокая оценка кизикинов в Ольвии породила немало предположений о назначении декрета, а иногда и отступления от его содержания. Так, А. Серге, знающий, что надпись приравнивает кизикин к 10,5 или к 11,5 ольвийским статерам [273. С. 212], при попытке интерпретации денежного счета декрета в честь Протогена исходит из того, что кизикин разменивался в Ольвии на 13,5 статеров эгинской системы, каждый из которых состоял в свою очередь из 30 медных драхм (?!), и объясняет на этом основании как оценку кизикина, так и смысл выражения «из четырехсот» в декрете [273. С. 515]. Не менее произвольны и рассуждения о том, что, поскольку декрет Каноба датируется началом IV в. до н. э., а связываемые с ним со времен Т. Рейнака ольвийские статеры с изображением Деметры (рис. 12, 7) относятся ко второй половине указанного столетия, приходится отождествлять упоминаемые в нем серебряные статеры с монетами Эминака (рис. 11, 21), причем средний вес последних, значительно уступающий нормальному весу статеров эгинской системы, был специально понижен, чтобы предупредить их вывоз из Ольвии [21. С. 7—10].

Не останавливаясь на критике впервые высказанного Г. Шмицем предположения о возможности сколько-нибудь заметного вывоза серебра из Ольвии, где не было собственных источников металла (эта гипотеза достаточно убедительно опровергнута И. Хазебреком) [213], следует подчеркнуть, что отнесение ольвийского декрета к началу IV в. до н. э. не выдерживает критики. Твердая датировка ольвийских статеров с Деметрой [75; 80; ср. 70. С. 127; 21. С. 7—8] ставит под сомнение столь раннюю дату секрета [76. С. 65; 106], а палеографический анализ совокупности эпиграфических документов Ольвии доэллинистического времени позволил Ю. Г. Виноградову отнести

декрет Каноба к третьей четверти IV в. до н. э. [41. С. 23—27], примерно к 340—335 гг. до н. э. [42. Ч. 2. С. 25, 36]. С другой стороны, непомерно высокая оценка кизикинов оказывается фикцией: Ю. Г. Виноградов убедительно показал, что традиционное дополнение [hendeka]to в 24-й строке памятника (рис. 1) не вмещается в имеющуюся лауну и что поврежденное место следует читать [ena]to hēnistatēro [41. С. 23, рис. 1, 2]; другими словами, кизикин оценивался в Ольвии не 11,5 и не 10,5, а всего лишь 8,5 местных серебряных статеров (ср. § 11.2).

3. Переходя к оценке декрета по существу, необходимо прежде всего отметить, что установление курса кизикинов не было его целью. Если рассматривать сохранившуюся часть документа в целом¹, нетрудно убедиться, что самым существенным в нем является постановление о том, что все акты купли-продажи предписывается совершать на местные деньги, причем указана мера наказания для нарушителей (конфискация) и разъяснен порядок ее применения (п. 3). Остальные пункты декрета лишь уточняют способ осуществления этой главной части: поскольку «в Борисфене» (Ольвии) воспрещено продавать и покупать что-либо не на ольвийские «медь и серебро», становится необходимым назначить место обмена иноземных монет на местные (на площади, где проводятся народные собрания, п. 2) и установить твердый курс наиболее распространенного вида иноземной монеты (кизикинов), предоставляя в остальных случаях условия обмена свободному соглашению вступающих в сделку (п. 4). Так как новый закон нарушал привычные порядки, его постарались сделать как можно менее обременительным для иностранных купцов — отсюда первый и последний пункты декрета, которыми разрешается не только ввоз, но и вывоз из Ольвии любого сорта и любого количества иностранных или ольвийских монет (п. 1), причем все операции по обмену объявляются беспошлинными (п. 5). Закон Каноба продиктован, таким образом, стремлением значительного, отчетливо сознающего свои потребности и свой суверенитет полиса укрепить и

¹ Вот текст декрета в переводе В. В. Латышева с незначительными исправлениями: «Въезжать в Борисфен (дозволено) всякому желающему на следующих (условиях). Совет и народ постановили по предложению Каноба Трасидамантова: (1) разрешается ввоз и вывоз всякого чеканного золота и чеканного серебра; (2) всякий желающий продать или купить чеканное золото или чеканное серебро должен продавать и покупать на камне в экклезиастерии; кто же продаст или купит в другом месте, подвергается конфискации: продавец — продаваемого серебра, а покупатель — цены, за которую купил; (3) продавать же и покупать все на городские деньги, на медь и серебро ольвиопольское; кто же продаст или купит на другие (деньги), будет лишен: продавец — того, что продаст, а покупатель — цены, за которую купит; взыскивать будут с нарушивших в чем-либо это постановление порядком; (4) золото продавать и покупать по восьми с половиною статеров за статар кизикский, не дешевле и не дороже, а всякое другое чеканное золото и чеканное серебро продавать и покупать (так), как убедят друг друга; (5) пошлины никакой не взыскивать ни за чеканное золото, ни за чеканное серебро, ни с продавца, ни с покупателя» (нижняя часть плиты отбита) [10. С. 35].

упорядочить внутреннюю торговлю и денежное обращение; ближе всех к такому пониманию его смысла подошел Р. Богарт [187. С. 123, 124, 397].

Что касается кизикских статеров, то они в V—IV вв. до н. э. были самым распространенным средством обращения на берегах Черного моря. Находки кизикинов в Нижнем Побужье (§ 4.1) подтверждают, что они обращались и на Березани и в Ольвии, но декрет Каноба был направлен против такой практики. Действительно, согласно декрету серебряные ольвийские статеры не только провозглашаются наряду с ольвийской же «медью» единственным законным средством обращения, но и выступают в качестве меры стоимости по отношению к кизикинам, которые рассматриваются не как деньги, а как слитки драгоценного металла. Поэтому нельзя не признать, что именно «ольвийское серебро» должно было в дальнейшем выполнять в Ольвии основную функцию денег — функцию меры стоимости [1. С. 11—13; 2. С. 124—125].

Это прямое указание рассматриваемого источника отвергнуто А. Н. Зографом, утверждавшим, что «серебряная монета в Ольвии никогда не играла первенствующей роли» [70. С. 126], а «необычно высокий» курс кизикских статеров находит объяснение в том, что «к размену кизикина привлекается наряду с серебром и медь» [70. С. 175]. В другом месте говорится даже, будто декрет Каноба «предписывает размен кизикинов на медную и серебряную монету» [71. С. 148]. Такую интерпретацию источника приходится признать произвольной: декрет ольвиополитов не предусматривает ни прямого, ни тем более обязательного размена кизикских электровых монет на ольвийскую «медь»; сопоставление этой «меди» с местным же «серебром» помещено составителями документа в том пункте, где действительно «предписывается» совершать все торговые операции при посредстве «городских (точнее — «полисных») денег», которые представлены «медью и серебром ольвиопольским» (п. 3). Этим декрет и ограничивает отведенную меди меру обращения, тогда серебро, в отличие от нее, не только выполняет ту же функцию средства обращения на местном рынке, но и выступает ниже (п. 4) как мера стоимости по отношению к кизикскому электру. Разумеется, кизикин мог размениваться и на медную монету, но мерой стоимости и при такой операции оставалось серебро, так что количество медных монет, на которые разменивался кизикин, определялось их счетным отношением к серебряному ольвийскому статеру. Таким образом, именно собственная серебряная монета и только она одна была в представлении составителя декрета законной мерой стоимости, т. е. выполняла функции денег, которые всегда принадлежат в каждом данном месте и в каждый данный момент одному монетному металлу [1. С. 60].

Исходя из чисто нумизматических наблюдений, в декрете Каноба следует выделить две детали. Во-первых, в декрете

назван номинал ольвийского серебра, находившегося в обращении в третьей четверти IV в. до н. э., — статер (дидрахма); этот термин косвенно указывает на принятую ольвиополитами монетную систему (§ 9.2). Во-вторых, в нем «медь» названа в качестве средства обращения ранее «серебра», что противоречит обычному словоупотреблению, следующему стоимости металлов, — в этом позволительно видеть не только стремление подчеркнуть перед иноземцами полноправность медной монеты на местном рынке [71. С. 150], но и намек на полноценность ольвийской «меди» [70. С. 126].

4. Весьма важным документом о денежном обращении Ольвии примерно того же времени является складывающийся из трех найденных в Ольвии в 1848 и 1900 гг. обломков постамент статуи с высеченным на фронтальной стороне декретом (рис. 2) [10. № 25, 31; 42. Ч. 1. С. 28—30, рис. 1, 2]. Последний был принят в честь ольвийского гражданина Каллиника, сына Евксена, в начале последней четверти IV в. до н. э.² Среди других заслуг чествуемого отмечено, что он был причастен к осуществленному его согражданами новшеству в деле выпуска медной монеты: в 10-й строке документа читается, что народ «обновил чеканку меди» — *kai tēn kopē [nt]ou chalkou kata-d[edeiktai]*; чтение «уменьшил чеканку меди согласно расчету» — *kata l[ogon ēchen]* [42. Ч. 1. С. 39] — менее удачно, а «прекратил выпуск медной монеты» — *[katal[elyken]* [176. С. 211, 212] — не подходит по числу дополняемых букв (и плохо согласуется со всем смыслом документа). По-видимому, в этом случае речь идет о переходе от тяжеловесных и полноценных литых монет к обычной чеканке медной разменной монеты (ср. § 9.1—3).

5. По сравнению с двумя рассмотренными надписями прочие эпиграфические документы Ольвии содержат сравнительно немного данных о монетах и финансах полиса. Среди них выделяется группа памятников, которые указывают на ведущую роль золотой монеты.

Первое упоминание о золотой монете (*chrysiōn episēmon*) находится в декрете о деньгах, но под «золотом» здесь подразумевалось «белое золото», или электр. Однако в декрете в честь Каллиника отмечено, что за свои заслуги он был награжден постановкой статуи и «тысячью золотых» (*chrysous chiliois*), в которых, учитывая дату надписи, трудно видеть кизикины или другие электровые монеты. В следующем столетии, когда ольвийская казна не всегда бывала полной, соответственно уменьшаются и награды — неизвестный по имени гражданин был удостоен венка стоимостью в 30 «золотых» [9. № 34], а жрец пожертвовал храму Афродиты Понтии венок ценой всего в пять

² Невозможно согласиться с отнесением декрета ко второй четверти III в. до н. э., которое опирается на поверхностные аналогии с письмом истрийских надписей и игнорирует развитие ольвийской лапидарной эпиграфики [176. С. 210, 213]; о датировке декрета в честь Каллиника и других ольвийских документов см.: 41. С. 26—27; 42. Ч. 1. С. 30—31; Ч. 2. С. 37.

«золотых» [9. № 68]. Эти же «золотые» упоминаются и в других документах: херсонесит Аполлоний, сын Евфрона, ссудил во второй четверти III в. до н. э. Ольвийскому полису три тысячи таких монет [9. № 28], а в знаменитом декрете в честь Протогена, сына Геросонта, «золотые» сыплются настоящим дождем и являются узаконенной мерой стоимости [10. № 32 = 12. № 495]: ими исчисляются цены вина [А. 19—23], зерна [А. 23—32, 58—82], стоимость храмовой утвари [А. 14—19] или строительных работ [В. 27—64].

Первый исследователь денежного счета Протогенова декрета предположил, что упоминаемые в нем «золотые» были статерами аттической системы, равными 20 драхам каждый, скорее всего — монетами Александра Македонского или его преемников [237. С. 285—287]. Однако В. В. Латышев решительно высказался за признание этих монет ольвийскими, хотя и равноценными золотым статерам Александра [129. С. 50, прим. 5]. Наконец, А. Л. Бертье-Делагард пытался рассматривать их как кизикские гекты или как золотые ольвийские монеты, но не статеры, а тетарты или гемидрахмы [29. С. 63—67]. Тем не менее правильность первоначального определения не вызывает сомнений — статеры македонских царей и Лисимаха упоминаются под тем же собирательным названием в эпиграфических документах как вообще эллинистических государств, так и западных соседей Ольвии, да и сам термин *chrysoi*, согласно разъяснениям древних лексикографов, был синонимом прежде всего золотых статеров Филиппа II и Александра [179. Ч. 1. С. 437—438, 440, 482].

6. Таким образом, в эллинистическое время в Ольвии обращались и выполняли основные функции денег золотые статеры. Показательно, что в надписях этого времени упоминается и медь, но никогда серебро. Об обращении медной монеты прямо говорится в Протогеновом декрете: одна из заслуг чествуемого как раз состояла в том, что этот богатый гражданин внес на закупку зерна для города тысячу золотых, причем «дав всю сумму золотом, получил медью из четырехсот» (*chalkon ekomisato ek tetrakosiōn*) [А. 66—71]. В другом случае Протоген издержал на строительство стен полторы тысячи золотых и получил долг снова медной монетой по тому же расчету «из четырехсот» [В. 41—44]. Не останавливаясь здесь на выяснении реального содержания этого технического термина (см. § 13.3), отметим, что в конце III в. до н. э. в Ольвии обращалась какая-то медная монета и существовал ее узаконенный курс по отношению к золотым статерам.

О роли меди на ольвийском рынке дает возможность судить и другая надпись, относящаяся, по всей вероятности, к третьей четверти III в. до н. э. Смысл документа, представляющего собой постановление коллегии Семи [10. № 76 = 12. № 1039], ведавшей священной казной и участвовавшей в законодательной деятельности полиса [40. С. 76—79], не вполне ясен: согласно

традиционному представлению, коллегия Семи вводила этим актом особый налог на жертвоприносителей; примеры таких сборов можно отыскать в некоторых греческих городах [158]. В. В. Латышев, принимавший приведенное объяснение, полагал, что счет в надписи идет на халки, которых обычно шло восемь на один обол [129. С. 101]. В таком случае величина налогообложения оказалась бы слишком высокой — 25 драм за быка, по 6 с лишним драм за овцу или козу, а потому вероятнее, что в постановлении Семи счетными деньгами служат те же единицы, которые составляли по декрету в честь Протогена $\frac{1}{400}$ часть «золотого». При таком предположении налог оказывается примерно равным рыночной стоимости упоминаемых жертвенных животных — три статера за быка, $\frac{3}{4}$ статера за овцу или козу. Поэтому следует принимать, что речь идет не о налоге как таковом, а о цене приносимых в жертву животных — желающие могли приобрести их при храме [31. С. 104, 205—206]. При строгости требований, предъявлявшихся к жертвенным животным [12. № 1025—1026], такая возможность приобрести по одинажды установленной цене быка или овцу непосредственно перед жертвоприношением (и, как можно полагать, с гарантией пригодности купленного при храме животного для сакральных целей) была удобна для граждан и обеспечивала храму дополнительные доходы.

Перечисленные выше надписи относятся к эллинистическому времени; к сожалению, в ольвийских эпиграфических документах I—III вв. н. э. нет никаких упоминаний об обращающихся в городе иноземных или собственных монетах; полностью отсутствуют также сведения о ценах, денежных штрафах, пожертвованиях, налогах и т. п. Поэтому при изучении денежного обращения в Ольвии послегетского времени приходится довольствоваться данными, которые удается извлечь из самих монет (§ 16.1).

§ 3. ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ОЛЬВИИ

Немаловажной составной частью изучения денежного обращения Ольвии является установление научной периодизации этого процесса. Первая попытка такого рода принадлежит А. С. Уварову, который не отделял периодизацию монетного дела и денежного обращения от общей периодизации истории города. А. С. Уваров различал при этом три периода: греческий — «от основания Ольвии до нашествия Биребиста, царя гетов» (655—54 гг. до н. э.), скифо-греческий — «от разорения Ольвии до совершенного подчинения ее Риму» (54 г. до н. э. — 196 г. н. э.) и римский период, когда Ольвия «пребывала под властью римских императоров» (196—235 гг. н. э.) [159. С. 104, 112, 116]. Недостатки такой схемы очевидны — она объединяет, за исключением последнего сорокалетия, в одно целое периоды, весьма различные с точки зрения историка, археолога и нумиз-

Таблица 1. Периодизация

В. В. Латышев (1887)	Б. В. Фармаковский (1915, 1926)
Период процветания (от основания Ольвии до осады ее Зопирионом, т. е. 645—331 гг. до н. э.) 1-й этап — до конца V в. до н. э. 2-й этап — первая — третья четверти IV в. до н. э.	Ионийская эпоха (вторая треть VII — первая треть VI в. до н. э.)
	Афинская эпоха (вторая треть VI — IV в. до н. э.)
Период упадка (от осады Зопириона до разрушения Ольвии гетами, т. е. от 331 до 60 гг. до н. э.) 1-й этап — до подчинения скифским царям (около начала II в. до н. э.) 2-й этап — под властью скифских царей	Эллинистическая эпоха (начало III — вторая треть II в. до н. э.)
Греко-скифский период (от возрождения Ольвии до полного подчинения ее Риму, т. е. I—II вв. н. э.)	Греко-варварская эпоха (последняя треть II — I в. до н. э.)
Ольвия под главенством Римской империи (196—235 гг. н. э.)	Римская эпоха (начало I — вторая треть IV в. н. э.)

мата, а внутри каждого раздела хронологическая классификация монет подменяется чисто типологической.

В дальнейшем периодизация истории Ольвии привлекала внимание многих ученых. Так как результаты проделанной работы необходимо принимать во внимание при разработке периодизации собственно денежного обращения, целесообразно представить главные попытки подразделения истории древней

В. Д. Блаватский (1959)	Л. М. Славин (1959)	С. Д. Крыжицкий (1985)
Эмпориальный период (вторая половина VII — начало VI в. до н. э.)	Период греческой колонизации Побужья и основания Ольвии (середина VII — конец VI в. до н. э.)	Первый период (середина VI — середина I в. до н. э.)
Полисный период (вторая четверть VI, V — первая четверть IV в. до н. э.)		1-й этап — третья четверть VI в. до н. э.
Период протоэллинизма (вторая четверть — конец IV в. до н. э.)	Период процветания Ольвии (начало V — конец III в. до н. э.) 1-й этап — V — первая половина IV в. до н. э.; 2-й этап — вторая половина IV — III в. до н. э.	2-й этап — последняя четверть VI — начало V в. до н. э.
Период эллинизма (конец IV — первая половина I в. до н. э.)	Период кризиса и подчинения Ольвии скифскому государству в Крыму (начало II в. до н. э. — начало I в. н. э.)	3-й этап — начало V — середина IV в. до н. э.
Период сарматизации (середина I в. до н. э. — середина III в. н. э.)	Период подъема Ольвии и ее связей с Римской империей (начало I — середина III в. н. э.)	4-й этап — последняя треть IV — середина III в. до н. э.
Период готско-гуннских нашествий (вторая половина III — последняя четверть IV в. н. э.)	Период упадка Ольвии (середина III — конец IV в. н. э., до прекращения ее существования)	5-й этап — последняя четверть III — первая половина I в. до н. э.
		Второй период (середина I в. до н. э. — середина III в. н. э.) 1-й этап — вторая половина I в. до н. э. — первая половина II в. н. э. 2-й этап — вторая половина II — первая половина III в. н. э. 3-й этап — вторая половина III — начало IV в. н. э.

Ольвии в виде таблицы (табл. 1). Из нее видно, что периодизация В. В. Латышева [129. С. 37—38, 61, 66, 114, 136—137, 149, 160—161, 195] весьма близка к схеме А. С. Уварова. Она построена исключительно на интерпретации письменных источников. Периодизация, предложенная Б. В. Фармаковским [163. С. 21—22, 29—30; 164. С. 152], напротив, является чисто археологической (характерно, что «эпохи» подразделяются здесь не-

посредственно на слои). Особого внимания заслуживает периодизация, выдвинутая советскими учеными, стремившимися учесть всю совокупность вещественных и письменных источников по истории Ольвии. При этом В. Д. Блаватский рассматривает судьбы Ольвии в рамках не только локальной истории Северного Причерноморья, но как составную часть развития всего античного мира в целом [32]; периодизации Л. М. Славина [157] и С. Д. Крыжицкого [126. С. 173—178] разработаны специально для Ольвии и отражают итоги ее исследования к концу 50-х — середине 80-х годов, но терминологически не безупречны.

Первая периодизация истории ольвийского монетного дела и денежного обращения разработана А. Н. Зографом, который различал три этапа в их развитии: «период обращения литой монеты» (конец VI — вторая треть IV в. до н. э.); период «от начала чеканки монеты до гетского разгрома» (последняя треть IV — середина I в. до н. э.) и «период после гетского разгрома» (середина I в. до н. э. — первая треть III в. н. э.). Эта периодизация почти в точности совпадает с хронологической классификацией античных монет, предложенной им же [70. С. 95—96, 121, 127, 139]. Впрочем, в качестве чисто нумизматической схемы она не вполне учитывает все особенности эволюции ольвийских монет; рамки периодов слишком широки, а их терминологические обозначения чисто описательны; при этом первый и второй периоды перекрывают друг друга (ведь, по А. Н. Зографу, в течение всего IV в. до н. э. ольвиополиты выпускали и литую, и чеканенную монету); характерно, что выпущенные в Ольвии монеты с именами царей вообще не вместились в рамки намеченных автором периодов. Наконец, в периодизации не учтены в достаточной мере особенности процесса денежного обращения в разные эпохи едва ли не тысячелетней истории Ольвии. В этом отношении она близка к традициям науки XIX в. Так, например, схемы периодизации античных монет, разработанные такими специалистами, как Б. Хед [215. С. LXI — LXIX] или К. Реглинг [263. С. 6—7, 47, 106—107], представляют, по существу, не историю античного монетного дела и денежного обращения, а историю одного только монетного искусства с учетом некоторых общеисторических и формально-технических моментов; для наглядности сопоставляем эти схемы с периодизацией А. Н. Зографа на прилагаемой таблице 2.

При разработке периодизации истории монетного дела и денежного обращения Ольвии имеются существенные трудности. Не подчеркивая значения таких моментов, как фрагментарность письменных источников и недостаточная изученность истории Ольвии в целом, необходимо принимать во внимание, во-первых, что основные функции денег в Ольвии почти всегда выполняла не собственная, а иноземная монета, во-вторых, что монеты выпускались ольвийским монетным двором не строго

Т а б л и ц а 2. Периодизация истории античного монетного дела

Б. В. Хед (1887, 1911)	К. Реглинт (1924)	А. Н. Зограф (1951)
Период архаического искусства (700—480 гг. до н. э.)	Раннеархаический период (700—570 гг. до н. э.)	Архаический период (700—480 гг. до н. э.)
	Период «высокой архаики» (570—520 гг. до н. э.)	
	Период «зрелой архаики» (520—480 гг. до н. э.)	
Период переходного искусства (480—415 гг. до н. э.)	Период «связанного стиля» (480—440 гг. до н. э.)	Классический период (480—323 гг. до н. э.)
Период прекрасного искусства (415—336 гг. до н. э.)	Период стиля Парфенона (440—400 гг. до н. э.)	
	Период Скопаса и Праксителя (400—359 гг. до н. э.)	
	Период Филиппа и Александра (359—323 гг. до н. э.)	
Период позднего прекрасного искусства (336—280 гг. до н. э.)	Период эллинизма (323—31 гг. до н. э.)	Эллинистический период (323—31 гг. до н. э.)
Период упадка искусства (280—146 гг. до н. э.)		
Период продолжающегося упадка искусства (146—27 гг. до н. э.)		
Императорский период (от Августа до Галлиена, 31 г. до н. э. — 268 г. н. э.)	Период Империи (от Августа до Кара, 31 г. до н. э. — 284 г. н. э.)	Императорский период (от Августа до Анастасия, 31 г. до н. э. — 491 г. н. э.)

регулярно, а по мере надобности, подчас с большими перерывами, и, в-третьих, что наряду с выпускаемыми в обращение на городском рынке почти всегда находилось немало монет прежних эмиссий. Не следует забывать и об относительности многих дат, к которым по различным соображениям некоторых нумизматов приурочивались те или иные группы ольвийских монет. Поэтому периодизацию денежного обращения Ольвии можно наметить лишь в общих чертах, а хронологические грани между ее подразделениями являются в значительной мере условными: еще более условными следует признать их названия.

Основные периоды истории денежного обращения Ольвийского полиса различаются между собой, прежде всего, по тому признаку, какая монета была в каждом из них деньгами, выполняя в первую очередь функции меры стоимости. В раннюю эпоху эта основная функция денег принадлежала в Ольвии и во всем Причерноморье электровым монетам Малой Азии, главным образом кизикинам. Об этом свидетельствуют и соответствующие находки и письменные источники, из которых на первом месте стоит декрет о денежном обращении. Однако из этого документа видно, что в 30-х годах IV в. до н. э. ольвиополиты пытались передать основные функции денег серебряной монете собственной чеканки. Эта попытка окончилась неудачей, и в эпоху эллинизма функции меры стоимости в Ольвии, как и в большинстве древнегреческих государств, выполняли золотые статеры Филиппа, Александра и Лисимаха; находки и сравнительно частые упоминания в эпиграфических документах достаточно обосновывают это предположение. Наконец, со времени Траяна (98—117 гг. н. э.) в Ольвии обращаются монеты императорского Рима, а городская медь уже при Нероне (54—68 гг. н. э.) чеканится соответственно подразделению денария на асари, принятому в восточных провинциях Римской империи. Поэтому с точки зрения истории денежного обращения возможно наметить, во-первых, период обращения кизикинов (с древнейших времен до третьей четверти IV в. до н. э.); во-вторых, период обращения золотых статеров Македонии и эллинистических государств (от конца IV в. до н. э. до первых десятилетий I в. н. э.) и, в-третьих, период обращения римских монет, прежде всего денариев (со второй половины I в. до кризиса денежного обращения, охватившего Римскую империю в середине III в. н. э.). Наиболее простыми и удобными наименованиями этих трех периодов представляются термины «доэллинистический», «эллинистический» и «римский».

Предлагаемая периодизация не охватывает, строго говоря, звеньев истории денежного хозяйства ольвиополитов. Одним из них является время Александра и первых диадохов, когда ольвиополиты пытались противопоставить свое серебро кизикским статерам, но вскоре были вынуждены принять распространенный в Восточном Причерноморье золотой стандарт; это время целесообразно выделить в качестве особого периода, который можно условно назвать «предэллинистическим» (вторая половина IV в. до н. э.). Другим переходным периодом, который можно столь же условно назвать «предримским», было время утверждения в Ольвии римской монетной системы (третья четверть I в. н. э.). В качестве отдельного, заключительного, периода можно выделить и последние десятилетия существования Ольвийского полиса, когда выпуск собственных монет был прекращен, но в Нижнем Побужье продолжалось обращение римских монет.

Каждый из трех периодов истории денежного хозяйства

Т а б л и ц а 3. Периодизация истории денежного обращения Ольвии

Периодизация истории монетного дела Ольвии (по А. Н. Зографу)	Предлагаемая периодизация истории денежного обращения и монетного дела Ольвии	
	Период	Подпериод, или этап
Время обращения литой монеты (конец VI — вторая треть IV в. до н. э.)	Образование Ольвийского полиса (середина VI в. до н. э.)	
	Доэллинистический — время обращения электровых кизикинов (до середины IV в. до н. э.)	Архаический
		Позднеархаический или классический
От начала монетной чеканки до гетского разгрома (конец IV — середина I в. до н. э.)	Предэллинистический (вторая половина IV в. до н. э.)	
	Эллинистический — время обращения золотых статеров (начало III в. до н. э. — середина I в. н. э.)	Раннеэллинистический (первая половина III в. до н. э.)
		Этап кризиса (вторая половина III — первая половина II в. до н. э.)
		Позднеэллинистический (вторая половина II в. до н. э. — первая половина I в. н. э.)
После гетского разгрома (конец I в. до н. э. — первая треть III в. н. э.)	Предримский (третья четверть I в. н. э.)	
	Римский — время обращения римской монеты (конец I в. н. э. — прекращение эмиссии)	Псевдоавтономный (время Флавиев и Антониннов)
		Провинциальный (время Северов)
	Позднеримский (III в. н. э.)	

Ольвии подразделяется на этапы в зависимости от особенностей ее монетного дела и обращения. В первом периоде выделяется архаический этап — время обращения стрело- и дельфиновидных денежных слитков из бронзы. Хотя первые оставались в обращении до начала V, а вторые — до начала IV в. до н. э., отливка полновесных круглых ассов открывает переход к следующему этапу, когда в обращении появляются чеканенные монеты: сначала серебряные, а затем — в первой половине IV в. до н. э. — многочисленные серни меди; этот этап можно условно назвать позднеархаическим или классическим. Второй период начинается этапом относительной стабильности денежного обращения, когда на ольвийском монетном дворе чеканится немало серебра, а медные монеты сохраняют устойчивость типа и стабильность

веса (первая половина III в. до н. э.). Этот «раннеэллинистический» этап, как и последний этап предшествующего периода, является эпохой расцвета ольвийского монетного искусства. Следующее столетие, напротив,— период кризиса денежного хозяйства и попыток его преодоления. Кризис выражается в прекращении чеканки серебра, в падении искусства монетных мастеров, в измельчании и быстрой смене типов разменной медной монеты, наконец, в неоднократных клеймениях и перечеканках находящейся в обращении монеты. Элементы некоторого оздоровления денежного обращения, выражающиеся в возобновлении выпуска серебра, в стабилизации типов и веса меди, не успели получить полного развития, так как Ольвия перешла в третьей четверти II в. до н. э. под власть скифов, а затем (примерно в конце II в. до н. э.)— под покровительство понтийского царя Митридата Евпатора. Это время составляет «позднеэллинистический» этап истории ольвийского монетного дела, к которому, строго говоря, относятся и первые десятилетия восстановленной после гетского разгрома Ольвии. В третьей четверти I в. н. э. Ольвия переходит к римской монетной системе, и с этого времени начинается последний период ее денежного обращения, в котором, в свою очередь, различаются этапы псевдоавтономной и провинциальной чеканки.

Периодизация истории денежного обращения Ольвии конкретизируется в дальнейшем изложении и иллюстрируется табл. 3, в которую для сравнения включена также периодизация А. Н. Зографа.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ОЛЬВИИ В ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (середина VI — середина IV в. до н. э.)

§ 4. ЗАРОЖДЕНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

1. Ионийская колонизация Нижнего Побужья приходится на тот исторический период, когда в складывающихся полисах греческой метрополии развивалось товарное производство и наряду с земельной собственностью существовали зачатки денежного обращения [7. С. 113]. Время расцвета Березанского поселения — последняя четверть VII — первая половина VI в. до н. э. — было в греческом мире периодом формирования купечества, вместе с которым «появляются металлические деньги, чеканная монета» [7. С. 166]. Несмотря на непрекращающиеся дискуссии о времени и месте появления металлической монеты [226; 211; 187. С. 308—315] и удивительные порой объяснения причин этого [233; 194; 296], ее реальное существование на западном побережье Малой Азии в последней трети VII в. до н. э. не вызывает сомнений [260; 188. С. 11—37; 229. С. 20—30].

Первые поселения на северо-западном побережье Черного моря — Истрия и Борисфен (Березань) — возникли близ устьев Дуная и Днепра на полуостровах, не особенно пригодных для сельского хозяйства, но зато безопасных и удобных для рыбной ловли и организации торговли. Не касаясь всей проблемы ранней ионийской колонизации Северо-Западного Причерноморья [24. С. 128—154; 374—394; 127; 133; 150], отметим, что многие исследователи предполагали изначально эмпориальный характер Борисфена, но демографическая ситуация в Нижнем Побужье делает такое предположение довольно шатким [24. С. 370—371; 27. С. 33—34]. Во всяком случае самые ранние греческие импорты обнаружены не на побережье, а значительно севернее — на границе степи и лесостепи [136. С. 178—179; 27. С. 14—16, 37—38].

Ионийские апойкии рано становятся для метрополии источником сырья и продуктов питания. Зарождающаяся торговля с местными племенами долго сохраняла форму безмонетного обмена [27. С. 183; 136. С. 8, 46, 50—51, 53], однако на территориях Березанского эмпория и Ольвии, превратившейся во второй половине VI в. до н. э. в поселение городского типа [126.

С. 57—63; 27. С. 35—36], можно предполагать иной характер торгового обмена, в котором принимали участие как монеты малоазийских центров, так и местные денежные знаки.

Основные функции денег в рождающемся Ольвийском полисе и в других греческих апониях выполняли архаические монеты Малой Азии, которые, если речь идет об Ионии, чеканились в это время из так называемого «белого золота» (*leukos chrysos*) — сначала естественного, а в дальнейшем и искусственного сплава золота с серебром; в нумизматической литературе за этим сплавом закрепилось название «электр» (греки чаще обозначали термином *to elektron* янтарь) [70. С. 24; 179. Ч. 1. С. 356—358; 290. С. 42].

Из многих видов ранней электровой чеканки, изготовлявшихся в городах Западного побережья Малой Азии [290; 179. Ч. 2, т. 1. С. 5—148; 181—222], в Черноморском бассейне получили монеты основанного милетянами Кизика, выпускавшиеся по фокейской системе (статер ± 16 г) [229. С. 330; 70. С. 41]. Эмиссия этих монет началась на рубеже VII—VI вв. до н. э., и до самого конца (середина IV в. до н. э.) кизикины сохранили основные внешние признаки архаических памятников греческого монетного дела — отсутствие надписи и наличие сменяющихся монетных изображений лишь на одной стороне монетного кружка, тогда как на другой имеется обусловленное техникой изготовления монеты квадратное углубление [203; 179. Ч. 2, т. 1. С. 148—180; Т. 2. С. 1389—1456].

Ведущая роль кизикинов в западной части Черноморского бассейна определилась не сразу. Древнейшие монетные находки в регионе ведут к Ионии и Лидии, где чеканка монеты зародилась в третьей четверти VII в. до н. э. [229. С. 22; 260. С. 4; 267. С. 7—8]. В основе ранних эмиссий здесь лежал милетский весовой стандарт (статер весил ± 14 г) [229. С. 330; 70. С. 41—42]. Статер этой системы с изображением протомы львицы (рис. 11, 1; вес 13,61 г) и три монеты достоинством в $\frac{1}{3}$ статера (трите) с изображением крестообразной розетки (рис. 11, 2—4; вес: 4,67—4,52—4,39 г) обнаружены на Березани в милетском кувшинчике (из группы *Reifenkännchen*) VI в. до н. э. [209. С. 86, 110, табл. 31, 132]. Вместе с монетами находился золотой лом (общий вес 7,03 г) — пара дугих серег-калачиков с отломанными дужками [155. С. 113, рис. 1, 4], две сплюсненные бутоновидные подвески и поврежденная бусина [155. С. 124, рис. 5, 1]. Судя по единственному надежному аналогу для статера [290. С. 21—22, табл. VII, 57—58; 275. Табл. I, 11; 215. С. 645, рис. 311], он относился к концу VII в. до н. э., а вся находка — к первой половине VI в. до н. э. [119]. Другой ранний клад, найденный на северном берегу Бургасского залива, состоял из трети лидийского статера и двух кизикинов — гекты и гемигекты [283. № 689]. К первой половине VI в. до н. э. относятся первые находки кизикинов в Истрии [195. С. 101—105, рис. 1; 35. Табл. 2, 24] и в Ольвии [83. С. 8, № 1; 35.

Табл. 2, 3/], где также обнаружен лампсакский статер последней четверти VI в. до н. э. (рис. 11, 6) [109]. Если принять во внимание, что в Побужье приобретены две электровые монеты «Кизика и, вероятно, Эрифр» [83. С. 8, № 12; 35. Табл. 2, 38], то можно констатировать, что в этот регион проникали ранние монеты многих малоазиатских центров. В V в. до н. э. положение изменилось: за исключением одной митиленской гекты (рис. 11, 5) [109] из Ольвии, все остальные находки электровых монет в Северо-Западном Причерноморье принадлежат к числу кизикинов. Это статеры, найденные при невыясненных обстоятельствах на Нижнем Дунае [256], статер из окрестностей Очакова [35. С. 101, табл. 2, 27], клад статеров, найденный в 1965 г. в Ольвии [33; 283. № 1003], а также десять мелких фракций статера, обнаруженных в разное время в Ольвии [83. С. 8, табл. 1; 35. Табл. 2, 32—41], наконец, гемигекта с Березани [36]³. При сопоставлении этих данных с упоминавшимся березанским граффити (§ 2.1), удостоверяющим, что гекты и гемигекты служили в Нижнем Побужье счетными деньгами, можно предполагать, что роль кизикинов в греческих поселениях региона, т. е. на Березани, в Ольвии и в Истрии, с одной стороны, и в среде гето-фракийских или скифских племен, с другой, была в начальный период не вполне одинаковой. Если оптовая торговля греческих купцов с верхушкой местных племен постепенно утрачивает характер натурального обмена, а кизикские статеры превращаются в излюбленное средство обращения на рынках Причерноморья и накаплиются в виде сокровищ, то в Ольвии мелкие номиналы электра по необходимости должны выполнять функции отсутствующего на внутреннем рынке серебра [83. С. 7—10]. Учитывая к тому же, что в раннюю эпоху малоазиатские полисы чеканили в большом количестве дробные фракции основной счетной единицы — гекты, гемигекты, мисгемигекты, тартемории, гемитартемории (т. е. монеты, равные $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{12}$, $\frac{1}{24}$, $\frac{1}{48}$ и даже $\frac{1}{96}$ статера), то такое использование чужеземного электра в сфере внутригородского обращения не приходится считать слишком неудобным — гекты и гемигекты так или иначе являлись в VI—V вв. до н. э. на северных побережьях Понта счетными деньгами [38]. При обычном для архаического периода соотношении ценности электра и серебра 1:10 [70. С. 41; 275. С. 31; 215. С. XL] гемигекта милетской системы (вес 1,18 г) приравнивалась к десяти серебряным милетским оболам ($\frac{1}{12}$ статера — средний вес 1,2 г) [253. С. 8—11], а тартеморий системы кизикинов (0,33 г) — к десяти серебряным милетским монетам достоинством в $\frac{1}{32}$ статера (вес 0,35 г) [253. С. 7]. Поэтому находки мелких номиналов кизикского электра VI — первой половины V в. до н. э. на

³ В настоящее время известна еще одна гемигекта из березанских находок [тип: 203. Табл. IV, 32; 179. Ч. 2, т. 2. Табл. 174, 43].

Березани, в Ольвии и в Истрии представляются не делом случая, а выражением одной из существенных особенностей раннего денежного обращения в этих центрах.

Обращение мелких номиналов кизикского электра на городских рынках Борисфена, Ольвии или Истрии не удовлетворяло, однако, всех обиходных потребностей их населения, и во второй половине VI — начале V в. до н. э. в Милете для внутреннего рынка стали чеканить серебряные монеты достоинством в $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$, $\frac{1}{48}$ и $\frac{1}{96}$ статера [253. С. 6—7, 20—21, табл. I]. Равным образом и на Боспоре в указанное время чеканились мелкие номиналы серебра — гемнобол, тартеморий, гемитартеморий ($\frac{1}{24}$, $\frac{1}{48}$ и $\frac{1}{96}$ статера) [70. С. 164; 169. С. 96—97, табл. II]. Потребность в разменной монете существовала, несомненно, и в Северо-Западном Причерноморье, но местные греки пользовались для этой цели не серебром, которого здесь не было или было слишком мало, а медью (точнее, бронзой).

2. Действительно, на всем побережье Черного моря от Бургасского залива до Бугского и Днепровского лиманов засвидетельствованы находки литых двуполостных наконечников стрел, явно не приспособленных для использования в качестве оружия. Находки таких наконечников в виде кладов, насчитывающих по много сотен экземпляров, а также в погребениях в роли «обола Харона» доказывают, что они употреблялись в качестве примитивных разменных монет. Мнения исследователей о происхождении этих наконечников различны — в них видели домонетные денежные знаки фракийцев, скифов или греков [критический обзор этих концепций см. 255. С. 145—150; 23. С. 68—75]. Датировали наконечники также по-разному, но стратегия монетных находок в западнопонтских городах [257. Р. 17—19; 272. Р. 26, 29] и особенности их распространения на поселениях Нижнего Побужья [147] позволяют отнести обращение наконечников к VI и к первым десятилетиям V в. до н. э. [28. С. 8, 10; 64. С. 24—25; 23. С. 78, 81, 86]. К рубежу этих столетий относится и ольвийское граффити, удостоверяющее, что наконечники (*ardeis*) служили в быту разменной монетой [54. С. 115; 55. С. 127].

Такая датировка подтверждается и типологическим анализом. Оставляя в стороне орнаментированные и другие редкие разновидности [23. С. 76, типы II—IV], наконечники основного типа можно разделить на три группы: среди них различаются удлиненные стрелы, напоминающие по форме лист ивы, затем более широкие, приближающиеся по очертаниям к овалу наконечники лавролистной формы и, наконец, еще более широкие наконечники подромбовидной формы (рис. 3, 1—3).

Эти разновидности денежных слитков имеют аналоги среди раннескифских наконечников боевых стрел: иволистным соответствуют, по классификации А. И. Мелюковой, наконечники четвертого варианта III типа, лавролистным — наконечники первого варианта II типа и подромбовидным — четвертого ва-

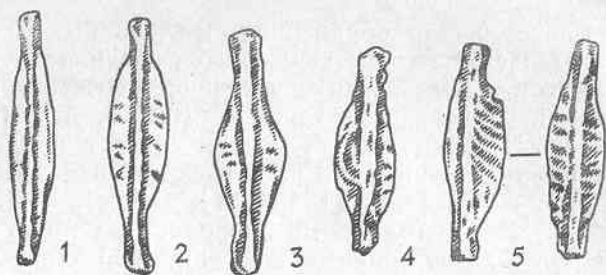
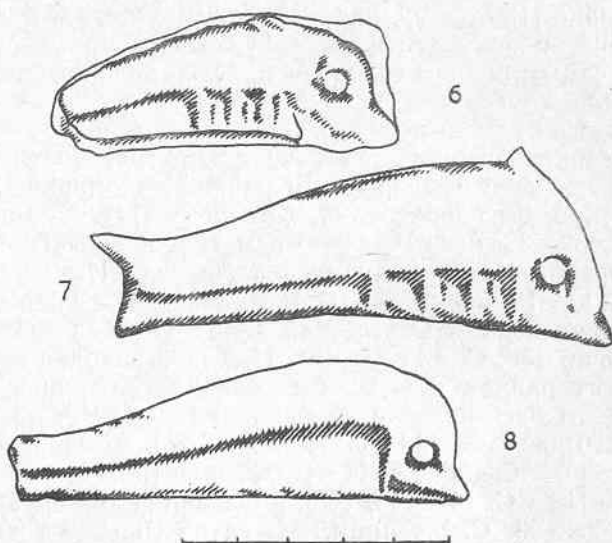

Рис. 3. Стреловидные и дельфиновидные монеты Ольвии (конец VII — начало V в. до н. э.).

Монеты-стрелки: 1, 2 — Ольвия; 3 — Роксоланское городище; 4, 5 — Каменский клад (1—5 — ОАМ). Крупные дельфины: 6 — ГИМ; 7 — ИА АН УССР; 8 — Николаевский музей.

рианта I типа [135. С. 18—19, 28, рис. 1]. Перечисленные типы и варианты относятся к первой хронологической группе указанной классификации и датируются VII—VI вв. до н. э.; среди наконечников второй хронологической группы (вторая половина VI — начало V в. до н. э.) такие формы встречаются крайне редко, причем стрелы I и III типов полностью выходят из употребления [135. С. 18, 21].

Из сопоставления наконечников, носящих денежные функции, с наконечниками боевых раннескифских стрел видно, что начало изготовления первых относится не ко второй половине или к концу VI в. до н. э., а, скорее, к тому периоду, когда соответствующие типы наконечников имели широкое распространение, т. е. к первой половине VI или даже к концу VII в. до н. э. Это не исключает, разумеется, возможности того, что определенный вид литых монет, однажды возникнув, мог по традиции сохраняться и тогда, когда для военных целей изготавливались уже стрелы совсем иных типов. О сравнительно ран-

ней дате начала обращения стреловидных денежных слитков свидетельствуют и встречающиеся среди них экземпляры с орнаментом в виде петли или нервюр, пересекающих лопасти под углом к центральному стержню (рис. 3, 4, 5) [64. С. 24, рис. 2, 8—14; 241. С. 21, рис. 4, 11, 12]; аналогичный орнамент имеют, к примеру, наконечники из предскифского захоронения в кургане Малая Цимбалка [135. С. 11, табл. I, В—6]. Можно также добавить, что сама форма лавролистных монет-стрелок приближается, если не принимать во внимание длину черешка, к стрелам, соответствующим литейной форме из Новочеркасского клада [168. С. 99, рис. 74]. Таким образом, начало выпуска наконечников с денежными функциями может быть сопоставлено с самым ранним этапом ионийской колонизации Северного Причерноморья.

Как отмечено выше, находки стреловидных денежных слитков концентрируются вокруг Березанского лимана (Березань, Викторовка I, Бейкуш, Большая Черноморка II, Кабарга I, Куцуруб, Закисова балка, Каменка) [147. С. 15—16, рис. 1; 148. С. 32—33, рис. 1], в Нижнем Подунавье (Тариверде, Нунташь, Ограме, Ватина, Журиловка, Энисале, Извоареле, Измаил) [257. С. 17—18, рис. 1; 248. С. 186, № 22, 28] и в бассейнах мелких рек, впадающих в Бургасский залив (Русокастро, Черково, Болгарово) [58. С. 43—44, рис. 1]. Такие находки известны также на всех ранних греческих поселениях западной части Черноморского бассейна — в Аполлонии [58. С. 40, 46, прим. 3], Антии [180], Одессе [28. С. 11, прим. 28], Томах [272], Истрии [257. С. 17—19, табл. I, 1—8], Никонии [60. С. 111—112], на Березани [127. С. 142, 144, 145], в Ольвии [156; 23. С. 77] и в Керкинитиде [23. С. 80, прим.]. В глубь Скифии такие находки неизвестны, а легенда об Арианте [Нег. IV, 81, 3—6] не дает оснований для заключения, будто наконечники стрел выполняли в скифском обществе функции денег.

Несколько иначе обстоит дело во Фракии. Находки наконечников вдали от моря и греческих поселений — в Страндже [58. С. 46, прим. 2], в Пловдиве и Смоляне [28. С. 11, прим. 27, 29] и, наконец, на северо-западе Болгарии, в бассейнах Лома [28. С. 11, прим. 26] и Арчара [180. С. 40, прим. 6] невозможно игнорировать. Ранняя датировка стрел, послуживших образцом для денежных слитков, крайне затрудняет отнесение последних к числу изобретений греческих поселенцев. К тому же, обращение стрел в качестве разменной монеты чуждо монетному делу архаической Греции, и, во всяком случае, они не попали на берега Черного моря из Милета или из любого другого центра метрополии, поскольку там в эпоху колонизации уже существовала и постепенно завоевывала всеобщее признание чеканенная металлическая монета [65. С. 66—67]. Между тем не приходится отрицать возможности возникновения зачаточных форм денежного обращения в социальной среде, стоящей у порога классового общества и вступающей в частые контакты с други-

ми общественными коллективами [2. С. 97]. Складывающаяся на этом этапе развития обмена всеобщая форма эквивалента «прочно закрепляется исключительно за определенными видами товаров или кристаллизуется в форму денег», а в эпоху раннего металла форма денег, естественно, переходит к последнему [2. С. 98—99]. В археологии и этнографии известны многие пути такого перехода и многие формы первобытных металлических денег, имеющих вид слитков или изделий — орудий труда, сосудов, украшений [134; 199; 261]. Из числа близких аналогов можно назвать сегментовидные слитки из Кольхиды [132] или миниатюрные двойные топоры из Центральной Европы [134. С. 9], а также монеты-колеса или монеты-секиры древних галлов [199. С. 239—240]. Фракия не была в этом отношении исключением: отсюда происходит клад небольших топориков с проушиной, слишком маленькой для рукоятки [44]. Во всех этих случаях, как и при изготовлении двулопастных наконечников из Северо-Западного и Западного Причерноморья, обращает внимание намеренное отступление от пригодных для производственного применения размеров или формы изделий, т. е. характерный для первобытных денег переход от изготовления предметов, обладающих потребительной стоимостью, к изделиям, воплощающим лишь меновую стоимость [134. С. 9].

Считая, таким образом, что обращение наконечников бронзовых двулопастных стрел могло зародиться в среде фракийских племен или, точнее, в зонах соприкосновения фракийских племен (а, возможно, и при контактах фракийцев со скифами), нельзя не согласиться, что расцвет обращения литых бронзовых монет связан с понтийскими центрами Западного и Северо-Западного Причерноморья. Потребность в разменной монете для формирующихся внутривосточных рынков и полное отсутствие местных источников серебра заставляют аполлонидов, истриан и борисфенитов использовать в качестве сырья дешевый металл — медь, залежи которой вблизи от Аполлонии и Истрии интенсивно разрабатывались в античную эпоху [65. С. 48; 23. С. 81—83]. В греческой метрополии медных или бронзовых монет в это время не было [259], и поэтому понятно использование гражданами ионийских апейки, группировавшихся вокруг культа Аполлона Врача [23. С. 83—85; 152. С. 49—50], формы (наконечник стрелы) и способа изготовления (отливка) денежных слитков, зарождавшихся во фракийской среде [45; 65. С. 62—68; 28. С. 11—13].

Греческая колонизация фракийских побережий Черного, Мраморного и Эгейского морей [56. С. 217—294] «включала Фракию в круг широких культурных и торговых средиземноморских связей и послужила в определенном смысле ускорителем тех внутривосточных экономических процессов, которые были подготовлены собственным развитием этой страны» [65. С. 18]. В обстановке экономического подъема [65. С. 30—62] в

Южной Фракии в конце VI — первой половине V в. до н. э. выпускаются обильные серии серебряных монет, на смену которым во второй половине столетия приходят эмиссии одрисских правителей [65. С. 68—73; 298. С. 4—25; 215. С. 194—196, 199—203, 282—283]. В V—IV вв. до н. э. на территориях фракийских и гетских племен продолжается обращение кизикинов [43; 193; 65. С. 77—79, карта 7; 35. С. 100—102, табл. 2, 1—25], а в Причерноморье проникают серебряные монеты Париона и Фракийского Херсонеса [65. С. 72—76, карта 6; 283. № 392, 393, 695, 697, 734—755, 757—762, 764, 772]. В то же время разворачивается серебряная чеканка Аполлонии и Истрии [215. С. 275, 277], монеты которых получают широкое распространение в Западном [65. С. 76—77, карта 6; 283. № 734, 739, 740, 742, 749, 751, 756, 760, 762—771, 878—881] и Северо-Западном Причерноморье [257. С. 26—28, 251, рис. 1; 283. № 439, 700, 704, 722, 734—735, 809—818, 870, 1010]. Все это делает излишним дальнейший выпуск наконечников, выполняющих функции денег, и лишь в Нижнем Подунавье продолжалось обращение как двуплостных, так и трехгранных наконечников боевых стрел с обломанными остриями и залитыми свинцом втулками [255; 258; 272].

3. Сложившаяся в ионийских центрах Северо-Западного Причерноморья в VI в. до н. э. денежная система основывалась, как показано выше, на параллельном обращении электра и меди (бронзы). Было бы очень важно установить относительную стоимость электровых монет и бронзовых наконечников, но вес последних колеблется в широком диапазоне, и разные исследователи получают различный средний вес [54. С. 106; 55. С. 125; 257. С. 17; 178. С. 18—21; 272. С. 26; 255. С. 148—150]. Поэтому попытки определить стоимость наконечников по отношению к серебру [255. С. 149—150] или по отношению к электру [23. С. 86—87] представляются в высшей степени шаткими. На данном этапе изучения архаической денежной системы Западного Причерноморья заслуживает внимания гипотеза, согласно которой наконечники обращались по условному курсу, основывавшемуся не на относительной стоимости металлов, а на установленном в законодательном порядке счетном соотношении между ними и электровыми монетами [278; 190. С. 58—62]. Трудно предположить, что на столь раннем этапе развития денежного хозяйства наконечники были простыми знаками стоимости, но такая гипотеза устраняет многие трудности и не может считаться невероятной.

§ 5. ОЛЬВИЙСКИЕ ДЕЛЬФИНЫ

1. Традиция обращения небольших бронзовых поделок в виде разменной монеты во второй половине VI в. получила в главных центрах Северо-Западного Причерноморья новое материальное оформление. В Истрии начинается выпуск литых

бронзовых монет с изображением солярного колеса и начальными буквами названия города [70. Табл. XXX, 5—6; 257. С. 32—37, табл. III], а в Ольвии — денежных слитков в форме дельфина [70. Табл. XXX, 1, 2, 7—10]. С этого времени и начинается, по сути, история собственного денежного обращения Ольвийского полиса.

В настоящее время денежный характер дельфиновидных монетных слитков не вызывает сомнений [153. С. 55—58]. Они часто встречаются в виде единичных или групповых находок в Ольвии и на Березани [283. № 981—991, 993, 995], на многих поселениях второй половины VI — первой трети V в. до н. э. в Нижнем Побужье [147. С. 16—17, карта; 148. С. 33—36, рис. 2, 3]; известны находки таких дельфинов и в могилах ольвийского некрополя в роли «оболов Харона» [121. № 41, 97, 105, 140, 192, 216, 218].

Отмечая монетный характер и сравнительно широкое распространение ольвийских дельфинов — отдельные их находки засвидетельствованы в Добрудже [241. Рис. 4, 10; 178. С. 21, прим. 14] и на Боспоре [94. С. 140, прим. 1], — необходимо остановиться на их классификации. А. Н. Зограф предполагал, что дельфины с надписями предшествовали анэпиграфным, причем монеты с буквами ΘΥ старше, чем монеты с надписью ΑΡΙΧΟ; относя самые ранние к рубежу VI—V вв. до н. э., он датировал все остальные V — началом IV в. до н. э. [70. С. 121—122, 124]. В дальнейшем стало известно, что монеты с надписями не являются самыми ранними [153. С. 51—55; 167. С. 330], и была разработана классификация этого нумизматического материала. Суммируя соответствующие наблюдения [153. С. 49—50; 167. С. 323—330; 128], можно констатировать, что дельфины группы А (рис. 4, 1, 2), Б и Б-1 (рис. 4, 3—6), Г (рис. 4, 8—9) и Д (рис. 4, 12, 14, 15) составляют единый эволюционный ряд, в котором находят место дельфины с надписями ΑΡΙΧΟ (рис. 4, 7) и ΘΥ (рис. 4, 13). «Остроносые» или «стреловидные» дельфины (рис. 4, 10, 11) не укладываются в этот ряд и составляют особую стилистическую группу.

Если с точки зрения формальной классификации предложенная схема в общем удовлетворительна, то ее хронологическая сторона, столь стройно представленная Л. П. Харко (группа А — вторая половина VI в., Б — конец VI — начало V в., В и ΑΡΙΧΟ — середина V в., Г и ΘΥ — конец V — начало IV в., Д — IV в. до н. э.), вызывает определенные сомнения. В. В. Лапин, специально изучивший групповую находку дельфинов на Березани, подчеркнул, что в составе находки были представлены монеты всех групп (кроме «дельфинов» с надписями), и пришел к заключению, что временной диапазон их изготовления и обращения должен быть сужен. В пользу этого, кроме факта совместной находки «дельфинов» разных групп, говорит и то обстоятельство, что анализ фактуры и стиля этих монет свидетельствует об их одновременности — ранние «дельфины»

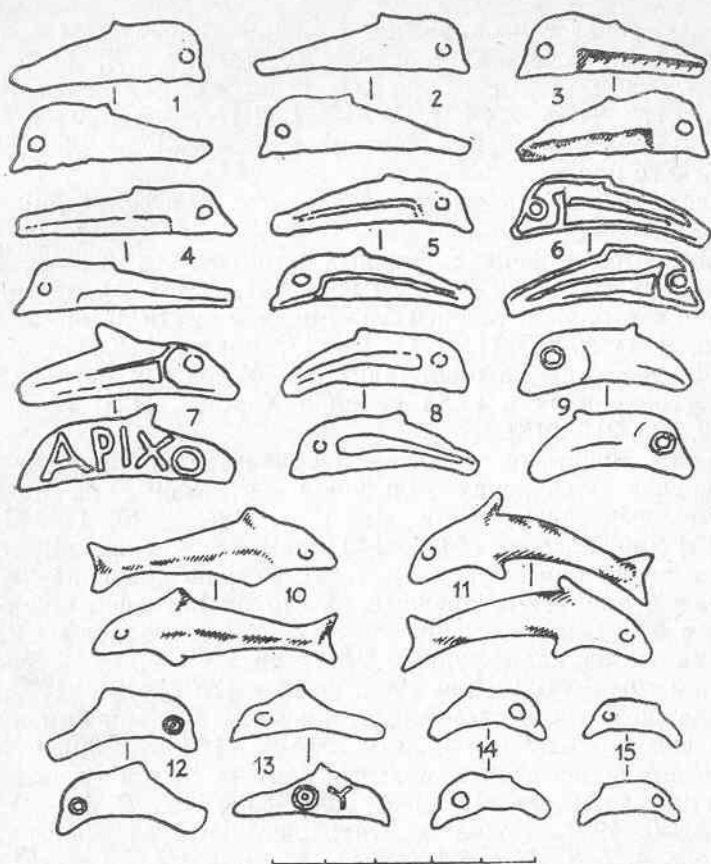

Рис. 4. Ольвийские бронзовые дельфины (конец VI — начало IV в. до н. э.):
1—6— Ольвийский заповедник (Козырский клад); 7, 8, 11, 14, 15— ГЭ; 9, 10, 12, 13— ГИМ.

группы В предшествовали поздним представителям группы А; ранние монеты группы С, в свою очередь, изготовлены ранее последних выпусков группы В и т. д. Он же уточнил и формальную характеристику этих монет, выделив особую группу В-1 и подчеркнув изолированное положение монет группы С [128].

Из этих наблюдений и на основании материалов из других коллективных находок «дельфинов» [283, № 985—993] следует, что монеты разных по своим формальным признакам групп «дельфинов» следовали друг за другом без перерывов и даже частично совмещались в процессе обращения. Но в таком случае вряд ли есть основания настаивать на двухсотлетнем сроке изготовления этих монет — они, можно полагать, не выпускались

в IV в. до н. э., хотя и оставались в обращении вплоть до широкого распространения мелких номиналов чеканенной медной монеты. С другой стороны, начало их изготовления не выходит за рамки второй половины VI в. до н. э. [147], так что весь период эмиссии этих своеобразных денежных знаков вряд ли намного превышает одно столетие.

Существенной особенностью ольвийских дельфинов является наличие среди них крупных экземпляров (рис. 3, 6—8) [70. Табл. XXX, 1, 2]. Некоторые из крупных денежных слитков (рис. 3, 8; вес 28,2 г) [70. Табл. XXX, 2; вес 14,9 г] представляют настолько близкий аналог обычным дельфинам группы Б (рис. 4, 3—5; средний вес 2,5 г), что их одновременность не вызывает сомнений; это дает основание видеть здесь последовательный ряд номиналов, относящихся друг к другу как 12:6:1. Сложнее определить место самых крупных дельфинов, отличающихся сравнительно сложной графической характеристикой (рис. 3, 6—7); [70. Табл. XXX, 1], однако по общему контуру корпуса они могут быть объединены в одну серию с мелкими и сравнительно редкими дельфинами группы А (рис. 4, 1, 2). Принимая такое предположение, пришлось бы согласиться с тем, что тяжеловесные дельфины входили в самую раннюю эмиссию таких монет, в составе которой были полноценные медные деньги [70. С. 121—122; 71. С. 149—150]. К сожалению, определить исходный вес полноценных дельфинов — крайне редких нумизматических памятников — очень трудно. Наиболее архаичный, но поврежденный экземпляр (рис. 3, 6) [13. № 18] весит 71,5 г, во всем сходные между собой дельфины из Британского [247. Табл. II, 6; 70. Табл. XXX, 1] и Одесского музеев [153. С. 52, рис. 1 — хвост отломан] и два экземпляра из ольвийских находок (рис. 3, 7) весят 103—70,7—92,7—58,0 г [122. С. 110]. Попытки рассмотреть эти памятники как гири, соответствующие к тому же разным весовым стандартам [122. С. 106, 110—111], не только выводят их из сферы нумизматики, но и отрывают от обычных мелких дельфинов, монетный характер которых не вызывает сомнений. Однако и средний вес пяти крупных, явно однородных экземпляров (около 80 г), не внушает доверия в силу малого количества взвешиваний и резких различий между исходными данными.

2. Ко всему сказанному добавим, что изучение роли дельфинов в денежном обращении оставляет без ответа и другие вопросы. При огромном количестве мелких монет, находившихся в обращении в конце VI—V в. до н. э., непонятно, каким образом ольвийские органы власти, которые, как обычно полагают, выпускали дельфины в качестве государственной монеты, могли обеспечивать необходимый контроль за их изготовлением и как им удавалось регулировать эти эмиссии. При очень высоком уровне развития бронзолитейного производства, характерном для Ольвии уже со второй половины VI в. до н. э. [26.—С. 163—164; 166], и при доступности и дешевизне сырья

любой литейщик мог практически безнаказанно изготавливать эти монеты в любом количестве, что неизбежно должно было относительно скоро привести к избытку мелких дельфинов во всех каналах обращения и к катастрофическому падению их ценности.

Значительная часть трудностей, связанных с производством и обращением ольвийских дельфинов, может быть устранена при допущении, что они являлись не государственной, а частной монетой, как это было в древнем Китае, где фигурные литые монеты отливались частными лицами [190. С. 50, 265—268]. В связи с этим нелишне вспомнить, что и во многих греческих городах выпуск монеты носил вначале частный характер и только в дальнейшем перешел в исключительное ведение государства [70. С. 58—59; 190. С. 75—82; 275. С. 27, прим. 2]. Более того, и в V—VI вв. до н. э. в некоторых центрах греческого мира наряду с государственной монетой сохранились в качестве реликта частные монеты, выпускавшиеся крупными торговцами из принадлежавших им запасов драгоценных металлов [224. С. 94—101]. В силу этого нет ничего невозможного в том, что своеобразные литые дельфины древней Ольвии принадлежали к той же категории ранних греческих монет [91. С. 223—226]. Такое предположение без натяжки объясняет тот факт, что дельфины различных стилистических и весовых групп встречаются вместе в коллективных находках и находились в обращении, по-видимому, одновременно [128. С. 42, 44, 46, 48; 167. С. 224—226]. Именно поэтому среди дельфинов чрезвычайно трудно уловить предполагаемую упорядоченную систему номиналов [247. С. 483—485]: самые крупные монеты этого сорта настолько редки и настолько различны по весу (от 103 до 58 г), что их невозможно поставить в однозначную связь ни с весами литых круглых монет Ольвии, ни с мелкими дельфинами, вес которых колеблется между 4,5 и 2 г. Если учесть, что вес стреловидных денежных слитков, в свою очередь, колеблется в широких пределах — от 6,5 до 4 г, то мысль о том, что ольвийские дельфины пришли на смену березанским наконечникам [147. С. 17—18; 152. С. 55—56], лишь выиграет в своем правдоподобии. Определить, однако, какой номинал выражался литыми монетами, мы не беремся, равно как и установить, в каком отношении находились эти фигурные бронзовые монеты к электровым кизикинам, обращавшимся в Ольвии в одно время с ними.

3. Гораздо менее вероятным, чем предположение о частном изготовлении монет в форме наконечников стрел или дельфиноподобных слитков, представляется другое объяснение особенностей последних: отнесение их к категории монет, выпускавшихся храмами и святилищами. Храмовые монеты известны в античном мире; таковы, например, серебряные статеры, выпускавшиеся храмом Зевса и Геры в Олимпии [275. С. 96—97, 163—165, табл. XIII, 9—12, XXXV, 1—7], святилище Аполлона

Дидимейского близ Милета выпускало мелкие серебряные монеты еще в начале эллинистической эпохи [179. Т. 2, Ч. 2. С. 1051—1054, табл. 149, 6]. Отнести ольвийские дельфины к числу таких сакральных монет было предложено Б. Ляумом, согласно которому денежное обращение вообще зародилось у греков в культовой сфере и берет свое начало в практике жертвенных пиров и общественных жертвоприношений; в дельфинах Б. Ляум видел архаические вотивные символы, которые стали выполнять функции разменной монеты лишь впоследствии, при соответствующем уровне развития внутривосточной торговли [232. С. 449—450; 233. С. 142—151]. А. Н. Зограф не исключал и того, что мелкие дельфины служили разменной монетой «главным образом в религиозно-культовой сфере», и полагал, что находки их в погребениях подтверждают такое предположение. «При расплате с богами и загробным миром,— писал он,— предпочитают пользоваться утратившими ценность средствами обращения, сохраняя полноценные деньги для живых» [71. С. 149—150]. Сама форма ольвийских монет наталкивает на мысль о связи их с одним из главных культов Ольвийского полиса — с культом Аполлона [131; 151. С. 12—17].

Культ Аполлона в Северо-Западном Причерноморье был тесно связан с оракулом этого божества в Дидимах [198. С. 130—133, 142—147], который сыграл немалую роль в процессе ионийской колонизации [184. С. 98; 152. С. 29—31]. В понтийских апоикниях Милета Аполлон почитался как Врач (*Iēt-gos*) — эта эпиклеса известна в Аполлонии, Истрии, Тире, Борисфене, Ольвии, на Боспоре и в Синопе [198. С. 144—145], причем новейшие находки позволяют утверждать, что именно Аполлон Врач был главным божеством Ольвийского полиса в период формирования последнего [152. С. 38—49]. С этим культом связывается и зарождение денежного обращения — стрела, символ и атрибут Аполлона, приобрела функции денег именно в трех центрах культа Аполлона Врача — в Аполлонии, в Истрии и в Борисфене [23. С. 83—84; 152. С. 49, 51, 55].

Главным божеством Милета являлся, однако, не Врач, а Дельфиний [208], с культом которого был связан союз мольпов, глава которого был эпонимом полиса [198. С. 130]. Аполлон Дельфиний почитался и ольвиополитами, причем можно полагать, что соответствующий культ утвердился в Ольвии лишь во второй половине VI в. до н. э. [152. С. 51—58], и в результате «где-то в пределах третьей четверти VI в. началось литье дельфинчиков как символа и атрибута Аполлона Дельфиния» [152. С. 55, 62—65; 23. С. 83—85]. В начале V в. до н. э. в ольвийском темене был воздвигнут монументальный храм этого божества, просуществовавший после перестройки на рубеже IV—III до середины II в. до н. э. [74. С. 34—36, 41, 49—51, 69—71]. Найденные в немалом количестве фрагменты лапидарных надписей [9. № 55—61] и многочисленные обломки сосудов с вотивными надписями [130. С. 140—164] не вызывают сомнений

в том, что с момента окончательного становления Ольвийского полиса почитание Аполлона Дельфиния заняло ведущее место в религиозных верованиях его граждан. Действительно, в V в. до н. э. в Ольвии, как и в Милете, эпонимами были айсиметы мольпов, а в эллинистическое время — жрецы Аполлона [108].

Как покровитель мореплавания Аполлон Дельфиний первоначально сам мыслился в образе дельфина [73. С. 269—270], поэтому дельфины, сообразительность которых не ускользнула от наблюдательности древних народов, рассматривались в Греции как священные животные, связанные с морскими божеествами. Более того, жизнерадостность дельфинов, их веселые игры, любопытство, способность при известных обстоятельствах проявлять интерес к музыке рано возбудили фантазию греков, и дельфинам стали приписывать спасение потерпевших кораблекрушение моряков, вынесение на берег утопленников, предсказание погоды, даже помощь в делах любви и многое другое. Поэтому их охотно изображали скульпторы, вазописцы, ювелиры, монетные мастера, костерезы и т. п. [225. С. 212—214, 218—220]. Нет ничего невозможного и в том, что, перестроив во второй половине VI в. до н. э. денежную систему, основанную на обращении электровых монет Малой Азии и бронзовых двулопастных наконечников стрел, ольвиополиты придали литым монетам нового образца форму дельфина — священного животного Аполлона Дельфиния [152. С. 75].

Заметим также, что при значительном количестве дельфинов, ежегодно находимых в ходе раскопок Ольвии, крайне трудно отнести их к числу votivных предметов, тем более, что принесение в жертву дельфинов Аполлону или любому другому божееству совершенно неизвестно древнегреческой культовой практике. Необходимо добавить, что и именные сокращения на двух эмиссиях дельфинов (рис. 4, 7, 13) при анэпиграфности огромного большинства их противоречат гипотезе о votивном характере этих своеобразных бронзовых поделок. Таким образом, отмеченную А. Н. Зографом роль дельфинов в области похоронного ритуала следует признать вторичной: они занимали, наряду с обычными чеканенными монетами, место оболв Харона при погребениях уже после того, как достаточно долго выполняли роль разменной монеты. Устойчивости и длительности последующего их применения в сфере культа для расчетов в потустороннем мире в качестве традиционных оболв Харона способствовало, можно полагать, свойственное древнегреческим религиозным верованиям представление о дельфинах как покровителях счастливого перехода в царство мертвых [225. С. 215—217].

1. В первых десятилетиях V в. до н. э. Ольвийский полис вступает в период своего расширения и экономического подъема [24. С. 388—394; 398—404; 126. С. 62—86]. Развитие товарного производства и обмена приводит к необходимости видоизменения сложившейся в VI в. до н. э. архаической денежной системы. Уже крупные дельфины (рис. 3, 6—8) показывают, что при введении нового вида фигурных литых монет ольвиополитам, которые сталкивались с непомерно низкой стоимостью стреловидных денежных слитков по сравнению даже с самыми дробными номиналами малоазиатского электра, не были чужды идеи изготовления полноценных монет из дешевой меди. Эта идея находит воплощение в отливке крупных круглых монет, которые обычно называют по аналогии с итальянским монетным литьем ольвийскими ассами. Такие ассы действительно могли успешно выполнять функции разменной монеты по отношению к кизикинам, которые, судя по находкам, продолжали проникать на ольвийский рынок — об этом свидетельствуют и отдельные находки мелких номиналов кизикского электра, и клад статеров (рис. 11, 7—11). Вместе с кизикинами попала в Ольвию, надо полагать, фокейская гекта V в. до н. э. (рис. 11, 12).

Классификация ольвийских ассов составляет особую проблему и занимала многих исследователей [обзор и библиографию см. 78. С.* 54—55]; представляется, что верная их группировка дана Б. В. Кене [120. С. 33—37]. Первая серия этих монет состоит из двух номиналов с одинаковыми изображениями — голова Афины и небольшой дельфин на аверсе и соллярное колесо с четырьмя спицами — на реверсе (рис. 5) [70. Табл. XXX, 3, 4; 13. Табл. II, 9, 10, 12]. Во вторую серию входят три номинала: на аверсе всех монет находится горгонейон, на реверсе двух младших номиналов остается старый тип (колесо), на монетах старшего номинала помещена фигура орла с распластанными крестообразно крыльями и с дельфином в лапах [70. Табл. XXXI, 1—3; 13. Табл. I, 1—4]. Третья и четвертая эмиссии ассов представлены в обоих случаях одним номиналом; на аверсе этих монет изображены Горгона или Деметра, а на реверсе — варианты эмблемы Ольвийского полиса, т. е. орел и дельфин [70. Табл. XXXI, 4, 5; 13. Табл. I, 5—8; II, 11, 13].

Серия монет с изображением Афины неоднородна. Ранняя эмиссия этих ассов отличается особой фактурой: аверс окаймлен высоким ободком и рельефное изображение Афины не возвышается над ним, тогда как на монетах второй эмиссии такой ободок отсутствует. Указанные ранние монеты [13. Табл. II, 12; 29. С. 72, № 1] отнесены А. Н. Зографом к числу подделок [70. С. 125, прим. 1], но их подлинность надежно удостоверяется экземплярами, найденными в ходе раскопок Ольвии в 1974 и 1979 гг.⁴, а уникальная монета старшего

⁴ Сообщения С. Д. Крыжицкого и А. С. Русяевой (вес 62,01 и 57,54 г.).

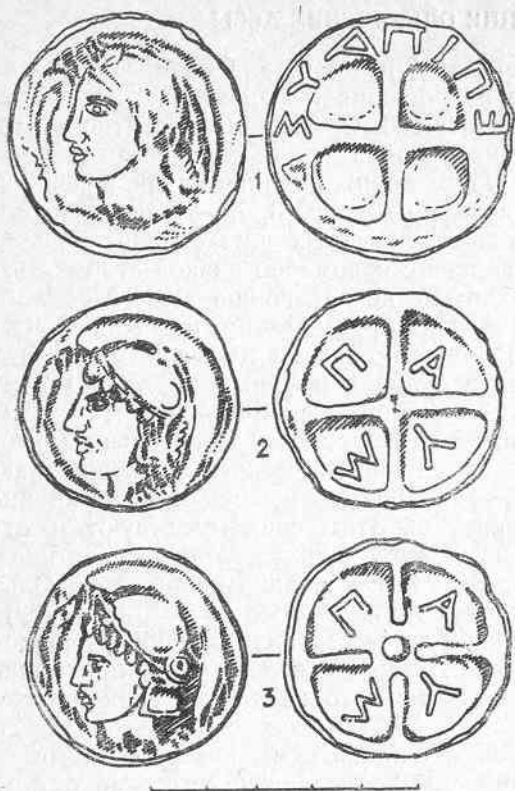

Рис. 5. Ольвийские бронзовые ассы с именем Павсания (вторая четверть V в. до н. э.):

1 — частная коллекция (Очаков); 2 — ГИМ; 3 — ГЭ.

номинала происходит из находок на Березани [142. С. 218]. На реверсе этих ассов между спицами колеса заметны небольшие выпуклости, а на ободке в одном случае находится ретроградная надпись ΕΠΠΑΥΣΑ (рис. 5, 1 — вес 66,71 г). На большинстве более поздних монет между спицами колеса помещены буквы Π — Α — Υ — Σ [70. Табл. XXX, 3, 4; 13. Табл. II, 9, 10], но известны и экземпляры без букв.

Между ассами первой серии имеются и другие различия. Колесо на реверсе представлено либо в реалистической манере, так что спицы сливаются в центре, образуя перекрестие или втулку (рис. 5, 1, 2) [254. Табл. VIII, 1], либо в виде солярного символа — спицы не пересекаются, а вместо перекрестия изображен шарик (рис. 5, 3) [13. Табл. II, 2]. По-разному изображена и богиня — на одних монетах она характеризуется крупным, поставленным в анфас глазом, удлиненным носом, толстыми губами, мясистым подбородком (рис. 5, 2) [254. Табл. VIII, 1; 118. Рис. 1, 16], на других глаз показан сбоку, нос невелик, губы тоньше и изящнее (рис. 5, 3) [247. Табл. II, 2; 118. Рис. 1,

17]. Все это позволяет предполагать, что ассы с Афиной отличались в течение сравнительно продолжительного времени.

Ассы второй серии объединяются надписью А — Р — I — Х, помещенной вокруг эмблемы или между спицами колеса, но они также не совсем одинаковы. Так, на монетах старшего номинала горгонейоны различаются не только количеством локонов Медузы (иногда их восемь, чаще шесть), но и стилистическими особенностями. На одних монетах, например, углы рта округлены и подняты кверху [254. Табл. VIII, 3; 18. Табл. 156, 1; 275. Табл. XL, 1], на других рот с такими же углами расположен горизонтально [18. Табл. 155, 6, 157, 1], на третьих углы его заострены [52. Табл. VI, 1; 18. Табл. 157, 2], причем в одних случаях сильно выгнута верхняя губа [52. Табл. V, 3], в других — нижняя [52. Табл. V, 2], а иногда углы рта не сомкнуты [52. Табл. V, 1; 18. Табл. 155, 1]; наконец, на многих ассах рот невелик, углы его плавно очерчены [52. Табл. VI, 3; 13. Табл. I, 3]. По-разному обозначен и контур нижней части лица — она бывает широкой, почти круглой [254. Табл. VIII, 3; 18. Табл. 157, 2] или подтреугольной [70. Табл. XXXI, 1; 52. Табл. VI, 2; 18. Табл. 155, 5], а в некоторых случаях оканчивается остро выступающим подбородком [52. Табл. V, 2, VI, 3; 18. Табл. 157, 1]. Неодинаково воспроизводятся ольвийскими мастерами брови, лоб и другие детали. На монетах среднего номинала облик Медузы более устойчив. Волосы всегда уложены шестью фестонами, рот горизонтальный, в одних случаях из рта свисает язык, как на ассах старшего номинала [254. Табл. VIII, 2; 52. Табл. VII, 4], на других его нет [52. Табл. VII, 2; 13. Табл. I, 1]. Что касается самых мелких литых монет, то волосы здесь передаются шариками, языка нет, но зато наравне с монетами, где рот изображен прямым [18. Табл. 156, 4; 159, 1; 13. Табл. I, 2], встречаются экземпляры, на которых углы его приподняты в «архаической» улыбке [70. Табл. XXXI, 3; 13. Табл. I, 4]. Колесо на реверсе этих монет повторяет варианты изображений на ассах предыдущей серии [254. Табл. VIII, 2; 18. Табл. 156, 3, 4; 159, 1; 70. Табл. XXXI, 2, 3]. Все эти детали дают основание допускать, что монеты рассмотренной серии также выпускались на протяжении, по крайней мере, десятка лет [78. С. 49—50].

2. Последовательность выпуска ассов двух серий (о двух других см. § 8, 9.) не вызывает сомнений [70. С. 123; 78. С. 54—55; 167. С. 331], но абсолютная их хронология определялась по-разному. Б. В. Хэд и Э. Бабелон относили все виды ольвийского монетного литья к эллинистическому времени [215. С. 272; 179. Ч. 2, вып. 5. С. 1021], Б. В. Кене и А. Л. Бертье-Деллард — к IV в. до н. э. [120. С. 36—37; 29.—С. 67—68], а Э. Г. Миниз и А. В. Орешников перемещали серии с надписями ΠΑΥΣ и ΑΡΙΧ даже в VI в. до н. э. [247. С. 484—485; 140. С. 221—225], с чем соглашался и В. В. Лапин [128. С. 50—51]. А. Н. Зограф датировал первую серию временем, близким к

Марафонской битве (490 г. до н. э.), а вторую — рубежом между первой и второй четвертями V в. до н. э. [70. С. 123]. Особо стоит мнение, согласно которому ассы с надписью ΠΑΥΣ отлиты между 440—435 гг., а с надписью ΑΡΙΧ — между 435—420 гг. до н. э. [78. С. 58—62, 66].

Касаясь оценки перечисленных датировок, следует подчеркнуть, что размеры и техника изготовления литых бронзовых ассов придает им грубые черты и видимость глубокой древности, тогда как признаки подлинно архаического монетного искусства здесь очень немногочисленны и выступают в смягченном виде [29. С. 68; 78. С. 40]. Наиболее отчетливо эта особенность ольвийских ассов прослеживается при изучении помещенных на серии с надписью ΑΡΙΧ горгонейонов. На ранних монетах Афин и других греческих центров горгоны характеризуются скуластым круглым лицом с подчеркнуто узким и низким лбом; им придаются торчащие уши, чудовищно оскаленный рот с высоко поднятыми углами, звериные клыки и свисающий толстый язык [275. Табл. III, 18; IV, 11, 12; 263. Табл. I, 6, III, 81, IV, 68, V, 130, VI, 159, IX, 216, XII, 283, XV, 357]. Такие черты типичны и для других архаических горгонейонов, в том числе и для горгонейонов из Северного Причерноморья [25. Рис. 35, 45, табл. 67, 103, 104, 144; 118. С. 99, прим. 27]. Среди последних выделяется медальон на ручке цельнолитого бронзового зеркала аргосско-коринфского типа, найденного в 1913 г. в Ольвии и изготовленного, возможно, в одной из ольвийских бронзолитейных мастерских [118. С. 99—100, прим. 28, 29, рис. 2, 1; 154. С. 124, № 12, рис. 1, 2].

При сравнении горгонейона на ручке зеркала с Горгонами на «ассах» убеждаемся, что они не только принадлежат к различным художественным типам (на этом основании ольвийское происхождение зеркала ставилось под сомнение) [136. С. 19, 34; 154. С. 113—115], но и относятся к разным периодам развития образа Горгоны в греческом искусстве. Изображение на ручке зеркала [118. Рис. 1, 2; 136. Табл. XIX, 4] является представителем «мясистой» разновидности архаических горгонейонов, характерных для Аттики, Халкиды и Пелопоннеса VI—первой половины V в. до н. э. (в Малой Азии волосы Горгон моделированы в виде извивающихся змей) [78. С. 58, прим. 77; 118. С. 100, прим. 33]. Горгоны на ольвийских монетах принадлежат уже к «среднему» типу горгонейонов, распространившемуся в греческом мире во второй половине V в. до н. э.: сохраняется широкое, но не карикатурно округленное лицо, узкий лоб, крупный рот со свисающим языком, но исчезают неестественно выступающие скулы, клыки и оттопыренные уши [78. С. 59, прим. 81; 118. С. 100, прим. 34; 263. Табл. XX, 452, XXII, 487, XXIII, 503, XXX, 617, XXXIV, 715]. При более внимательном изучении горгонейонов на ассах старшего номинала прослеживается постепенное смягчение отталкивающих признаков горгон: рот уменьшается, углы его приобретают плавные очер-

тания, язык укорачивается; одновременно смягчается овал лица, исчезают зубы и весь облик становится менее грозным [118. С. 99—101, рис. 2, 2—12; 78. С. 49—50, 58—61]. Изображение прически на ольвийских монетах вообще не имеет ничего общего со змеями и развевающимися волосами ранних горгонейонов: волосы аккуратно уложены симметричными локонами вокруг головы и скрывают уши [70. Табл. XXXI, 1, 2; 118. Рис. 2, 2—6] либо представлены рядом шариков [70. Табл. XXXI, 3; 118. Рис. 2, 7, 8], а на более поздних литых монетах (ср. § 8) прямые или слегка волнистые пряди разделяются пробором [70. Табл. XXXI, 5; 118. Рис. 2, 9—12].

Таким образом, горгонейоны на ольвийских ассах нельзя отнести ни к VI, ни даже к первой половине V в. до н. э. [78. С. 59]. Тем более, что монеты этой серии не встречаются на поселениях, возникших в Нижнем Побужье во второй половине VI и прекративших свое существование во второй четверти V в. до н. э., но зато известны на поселениях, сложившихся на рубеже V—IV вв. до н. э. [160. С. 111—112]; находки их на Бережани в арханческих комплексах не вызывают доверия [78. С. 63—65], а в приводимых В. В. Лапиным примерах ранний культурный слой был несомненно потревожен [128. С. 51]. Что касается орла с вертикально распластанными крыльями на ассах старшего номинала [254. Табл. VIII, 3; 13. Табл. II, 1; 70. Табл. XXXI, 1], которые А. Н. Зограф сопоставлял с подобными изображениями на монетах Олимпии, датируемых рубежом первой и второй четверти V в. до н. э. [70. С. 123; 231. Табл. XIII, 9—12], то такие орлы известны в той же Олимпии [275. Табл. XV, 4, 8] и в Абдере [244. Табл. XIV, 238—242] и в 30-х годах указанного столетия, к которым следует, по-видимому, отнести старший номинал ассов с буквами ΑΡΙΧ. Не исключено, что эмиссия началась с выпуска монет самого младшего номинала, многие из которых, как отмечено выше, созданы под влиянием арханческого искусства.

Относя вторую серию ассов к третьей четверти V в. до н. э., мы не видим оснований оспаривать предположение о связи первой серии этих монет с победами Афин в греко-персидской войне. Было бы трудно, однако, приурочить даже самые ранние из этих монет (рис. 5, 1) [13. Табл. II, 12] к 490—480 гг. до н. э. [52. С. 79—80; 70. С. 123]; более вероятно, что эмиссия относится ко времени формирования Афинского морского союза [14. С. 3—4; 140. С. 222], т. е. ко второй четверти V в. до н. э. На наш взгляд, более ранний и грубый тип Афины на ольвийских ассах [254. Табл. VIII, 1; 118. Рис. 1, 16] можно сопоставить с изображениями богини на аттических тетрадрахмах 70-х годов [254. Табл. XII, 18, XVI, 1], а более поздний и изящный [247. Табл. II, 2; 118. Рис. 1, 17] — с афинскими монетами конца второй четверти V в. до н. э. [254. Табл. XVI, 9].

3. Изображения на рассмотренных сериях ольвийского монетного литья ведут к культам Аполлона, Зевса и Афины, ко-

торые занимали главные места в пантеоне ольвиополитов VI—V вв. до н. э. Изображение Афины и помещенного перед ней дельфина (рис. 5) [70. Табл. XXX, 3, 4] не требуют комментария; орел с дельфином в лапах [254. Табл. VIII, 3; 70. Табл. XXXI, 1] — эмблема Ольвийского полиса, объединяющая символы Зевса и Аполлона [110]; солярное колесо [254. Табл. VIII, 1, 2; 70. Табл. XXX, 3, XXXI, 2, 3] — один из важнейших атрибутов Зевса [83. С. 4, прим. 7] и Аполлона [152. С. 45, прим. 95]; роль горгонейона в мифах культовой традиции об Афине также хорошо известна [78. С. 61, прим. 101].

Перечисленные изображения использовались и монетными мастерами Кизика, обильная чеканка которого в середине — второй половине V в. до н. э. дала повод считать его вторым монетным двором Афинского союза [70. С. 41]. Сопоставление аналогичных типов кизикинов и ольвийских ассов необходимо и для датировки последних и в плане констатации близких связей между обоими полисами. Наконец, найденные в Ольвии кизикские статеры или гекты повторяют изображения на ассах — здесь и Афина в шлеме [203. Табл. II, 16, 17; 33. С. 224, № 2], и колесо (рис. 11, 7) [83. С. 8, № 4, табл. I, 1, 2], и горгонейон [203. Табл. IV, 14, 15; 83. С. 8, № 11], и один из вариантов ольвийской эмблемы, в которой, правда, дельфин заменен тунцом — гербом Кизика (рис. 11, 9) [203. Табл. III, 13; 33. С. 224, № 4; ср. 70. Табл. XXXI, 5].

4. Наличие на ольвийском рынке V в. до н. э. электровых монет Малой Азии и полновесных ольвийских ассов позволяет поставить вопрос о соотношении между ними в процессе обращения. Поскольку в V в. до н. э. в Греции еще не было разменной бронзовой монеты [259], нет сомнения, что ольвиополиты определяли свои литые монеты не в счетных халках, а в виде фракций статера, как это делали по отношению к своему серебру милетяне до разрушения города персами [253]. Так как в Ольвии в рассматриваемое время не было своих монет и сюда не проникали, судя по находкам, серебряные монеты метрополии, напрашивается предположение, что крупные литые бронзовые ассы выполняли на ольвийском рынке те же функции, что и мелкое серебро в Милете [52. С. 83].

Серебряная эмиссия Милета строилась на основе того же весового стандарта, что и электрова чеканка, т. е. она исходила из статера весом 14,16—14,00 г [253. С. 6, 16; 275. С. 19, 31, 41, 87]. При относительной стоимости электра и серебра 1:10 [70. С. 48; 215. С. XL] наиболее обильно выпускавшийся милетянами номинал серебра — обол или $\frac{1}{12}$ статера весом 1,21—1,16 г [тип: голова и передняя лапа льва/розетка — 179. Ч. 2, т. 1, № 421—431, табл. XI, 2—8] — составлял $\frac{1}{10}$ электровой гемигекты весом 1,15—1,13 г [179. Ч. 2, т. 1, № 32, табл. I, 24]⁵.

⁵ Э. Бабелон считает старший номинал милетского серебра не статером, а татрадрахмой, и соответственно этому называет обол диоболом и т. п. [179. Ч. 2, т. 2. С. 265—272]; верное определение номиналов дает Б. Пфайлер [253].

До разрушения города персами милетяне наряду с оболами выпускали также серебро достоинством $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$ и $\frac{1}{64}$ статера, удобно сочетавшееся с царской лидийской чеканкой [253. С. 16—17]. Так как в конце V в. до н. э. относительная стоимость монетной бронзы и серебра не поднималась в Греции выше пропорции 93:1 и колебалась, скорее всего, между отношениями 100:1 и 120:1 [259. С. 103—104; 218. С. 308—309], ничто не мешает принять это соотношение и для Ольвии. Другими словами, вес литого бронзового обولا в Нижнем Побужье, если он соответствовал серебряному оболу Милета, должен был колебаться между 121 и 116 г или немного превосходить его.

Весовой системой ольвийских ассов занимались многие исследователи, но лишь сводка конкретных весов, составленная в начале XX в. А. Л. Бертье-Делагардом [29. С. 172], поставила соответствующие выкладки на твердую основу. Доступные в настоящее время веса монет, не учтенных в указанной сводке, не меняют выводов исследователя сколько-нибудь существенным образом. В частности, если А. Л. Бертье-Делагард считал средний вес больших ассов с Афиной и с горгонейоном [70. Табл. XXX, 3; XXXI, 1] равным 117 и 116 г, то, по новым данным, он составляет 122 и 115 г; средний вес малых ассов с Афиной и с горгонейоном [70. Табл. XXXI, 2, 3, 4] также почти не изменился (в первой серии 36 г вместо 38, во второй — 25 г вместо 28 и 11,5 вместо 12 г). Исходя из этих весовых показателей видно, что старший номинал ольвийского монетного литья действительно был в V в. до н. э. обол [70. С. 125] или двенадцатой частью статера милетской системы, а младшие номиналы — $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ обولا (т. е. $\frac{1}{36}$, $\frac{1}{48}$ и $\frac{1}{96}$ статера).

Вне этого ряда находятся веса самых ранних ассов (рис. 5) [13. Табл. II, 12]. А. Л. Бертье-Делагард не знал березанского экземпляра старшего номинала (ОАМ; вес 275,6 г), средний вес монет младшего номинала составлял по его расчету 71 г, а при учете новых находок равен 68 г; это дает основание утверждать, что номиналы этой эмиссии находятся в соотношении 4:1; старший представляет, скорее всего, диобол, а младший — гемибол, чеканившиеся в большом количестве в ранний период на Боспоре [70. С. 164; 169. С. 16, 61—74]. Различие в весе между диоболами и оболами с изображением Афины (276 и 122 г) объясняется, по-видимому, тем, что первоначально ольвиополиты исходили из действительной стоимости бронзы и серебра (примерно 118,5:1), а затем упростили это соотношение до 100:1.

Если отношение ольвийского литья к серебряным монетам Милета возможно установить, то этим самым определяется отношение ассов к электру. В V в. до н. э. главным представителем малоазийских электровых монет в Причерноморье являлись, без сомнения, кизикины, находки которых в Ольвии и Нижнем Побужье перечислены выше (§ 5; 6.1). Эти монеты легко увязывались в процессе обращения с эмиссиями милетской системы — ведь фокейский статер представлял собой по весу

сумму весов милетского статера и такой же гекты [275. С. 30—31], а милетские оболю (1/12 статера), как показывают находки их вкладах вдали от места чеканки [283. № 1638, 1640; 253. С. 11—14, А—F], предназначались не столько для внутреннего, сколько для внешнего рынка [253. с. 8], где они соответствовали не только электроной гемигекте, но и серебряному статеру эгинской системы. Впрочем, такие серебряные номиналы, как 1/8, 1/16, 1/32 и 1/64 статера, тоже давали возможность легко сочетать их с лидийской монетной системой [253. С. 17, 18—19] и системой кизикинов — десять монет по 1/8 и десять монет по 1/16 статера равнялись по стоимости кизикской электроной гекте.

Общая картина обращения двух серий ассов позволяет предполагать, что их анепиграфная эмиссия отливалась от имени Ольвийского полиса, а затем на монетах стали помещать имя эпонима Павса (ния), в котором, учитывая время выпуска, следует видеть главу коллегии мольпов [108. С. 83—85]. В дальнейшем этот же гражданин отливал монеты с одним своим именем, без предлога ері, и стилистическая эволюция этих монет дает основание считать его власть не ограниченной одним годом. Так как ассы второй серии с именем Ариха также выпускались на протяжении нескольких лет, то вполне вероятно предположение, что перед нами имена ольвийских тиранов [39. С. 52—56, 67—74], а не «верховных распорядителей финансов», как полагал В. В. Голубцов [52. С. 76]. Он был, однако, вполне последователен, присоединяя к ассам также группу сравнительно редких дельфинов с надписями АΡΙΧΟ или АΡΙΧ:Ο [52. С. 76—77, табл. IV, 8; 247. Табл. II, 7, 8; 13. Табл. III, 17, 18]. Предположение А. Н. Зографа, допускавшего одновременный выпуск дельфинов с надписью АΡΙΧΟ и ассов с буквами АΡΙΧ, трудно признать сколько-нибудь убедительным. Но в одновременном выпуске дельфинов и ассов с одним и тем же именем не приходится все же, вслед за В. В. Голубцовым, усматривать монетную реформу, которая «отличалась удивительной планомерностью и обдуманностью» и сущность которой состояла якобы в замене дельфинов литыми ассами. Напротив, скорее всего ассы и дельфины составляли единую серию, где первым отводилась традиционная роль самых мелких номиналов разменной монеты; а поскольку обе эмиссии ассов с Афиной предшествовали ассам и дельфинам серии Ариха, в последней трудно видеть указание на монетную реформу, ограничимся констатацией того, что она подтверждает монетный, а не вотивный характер дельфинов, которые уже во второй четверти V в. до н. э. обращались в Ольвии одновременно и параллельно с полноценными литыми ассами.

5. Ассы с Афиной принадлежат к сравнительно редким монетам, и кроме Ольвии и Березани их находки известны лишь на поселениях Дидова хата I и Матвеевка [148. С. 37], на Роксоланском городище [60. С. 102, № 11] и на о-ве Левке [113. С. 168, № 1]. Монеты с надписью АΡΙΧ, напротив, встречаются

сравнительно часто — не говоря опять-таки об Ольвии и Березани, следует отметить клад литых обол, обнаруженный между Богдановкой и Козыркою [283. № 999], и отдельные экземпляры, происходящие из Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья (Куцуруб, Козырка II, Дидова хата I, Варваровка I, Новая Одесса, Христофоровка, Сиверсов Маяк, Лиманы III, Кисляковка, Цюрупинск) [148. С. 37—38, рис. 4; 63. С. 75, прим. 43—47, 50; 160], из низовий Тилигульского и Григорьевского лиманов (Коблево, Беяры) [63. С. 74—75, прим. 38], из Нижнего Поднестровья (Овидиополь, Роксоланы) [113. С. 170, № 3, 13], из Нижнего Подунавья (Измаил, Махмудия) [116. С. 34, рис. 1; 113. С. 170, № 34]; найдены такие ассы на о-ве Левке [113. С. 168, № 1, рис. 1, 1], в Истрии [257. № 795] и в Херсонесе [97. С. 160]. Этот список дает основание утверждать, что ассы второй серии получили широкое распространение на поселениях ольвийской хоры и в Северо-Западном Причерноморье в целом.

§ 7. ПЕРВЫЕ СЕРЕБРЯНЫЕ МОНЕТЫ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ

1. Во второй половине V в. до н. э. в Истрии начинается чеканка серебряных монет, которые получают широкое распространение во всем Северо-Западном Причерноморье [257. С. 19—31, 251, рис. 1, табл. 2]. Самые ранние находки этих монет к северо-востоку от устьев Дуная происходят из Роксоланского городища на Днестровском лимане (рис. 11, 18), [63. С. 109—110; 283.—№ 707]; в начале IV в. до н. э. эти монеты проникают, как показывает клад из с. Висунцы (рис. 11, 22) [283. № 1010], в низовья Днепра; к V в. до н. э. относится и найденная на Березани самосская гемидрахма [127. С. 141, прим. 141]. Находки свидетельствуют, что в Ольвийском полисе также ощущалась потребность в серебряной монете, и ответом на нее стала эмиссия Эминака.

Монеты Эминака представляют собой серебряные статеры, на аверсе которых изображен коленопреклоненный Геракл, подобно одному из скифов на куль-обском сосуде [26. С. 114, рис. 232; 168. С. 18, рис. 9], а на реверсе — солярное колесо, окруженное четырьмя дельфинами (рис. 11, 21) [70. Табл. XXXII, 1]. Если и колесо, и дельфины на ольвийских монетах рассматривать как одну из эмблем этого полиса [84. С. 189, прим. 86], то на аверсе, несомненно, представлен один из центральных эпизодов сохраненной Геродотом [IV, 8—10] скифской этнографической легенды — «натягивание» лука, точнее — приведение его в боевую готовность [84. С. 189—195]. Такое изображение и явно негреческий характер помещенного перед Гераклом антропона Эминака позволяют согласиться с тем, что носитель этого имени был царем или предводителем одного из скифских племен, живших со второй трети V в. до н. э. в непосредственной близости от Ольвии [24. С. 398—404].

Ольвийское происхождение монет Эминака удостоверяется не только изображением ольвийской эмблемы, но и находками в Ольвии небольшого клада [283. № 1001; 115. С. 88—89, № 1, 2, 6, 8, 11—15, 17, 19—24] и отдельных экземпляров этой эмиссии [115. № 3—5, 10, 16]. Возможные сомнения устраняются найденным в Ольвии обломком мерного сосуда местного производства с энглифическим клеймом, выполненным не специальным штампом, а монетой: на обломке вместились колесо и три из четырех окружающих его дельфинов [115. С. 78, 81—82, рис. 3, 1, 2].

Использование ольвийским гончаром или агораномом серебряного статера для клеймения мерного сосуда безусловно доказывает, что такие статеры воспринимались ольвиополитами как полисная монета [39. Ч. 2. С. 55]. Это не дает, однако, основания рассматривать Эминака как простого городского магистрата [140. С. 225], — для любого из них изображение на монетах младшего сына Геракла, от которого, по словам Геродота [IV, 10, 3], «произошли нынешние цари скифов», было бы бессмысленным. Но если признать Эминака одним из скифских царей, то использование его монет для клеймения мерного сосуда неизвестным ольвийским агораномом не оставляет почвы для сомнения в том, что Эминак возглавлял Ольвийский полис [24. С. 403—404].

2. Не только статус Эминака, но и время отмеченной его именем эмиссии явились предметом острых дискуссий — статеры относили и к началу, и к концу V и к началу, и к середине IV в. до н. э. [84. С. 182—183, прим. 36—45; 115. С. 84, 87, прим. 47—51]. Сравнение монет Эминака с изображениями Геракла на серин фиванских статеров, относимых к 446—426 гг. до н. э. [179. Ч. 2, т. 3. С. 225—236, табл. 199, 19; 200, 2; 215. С. 349—350], и на монетах Баалмелека (479—449 гг. до н. э.) — правителя города Китиона на Кипре [179. Ч. 2, т. 2. С. 731—740, табл. 130, 1—4; 215. С. 737] — убеждает в том, что «эминаки» безусловно старше первых и несколько младше вторых [115. С. 85]. Если принять во внимание, что четко вдавленный квадрат оборотных сторон монет Эминака своей глубиной и почти незакругленными углами (рис. 11, 21) свидетельствует о второй половине V в. до н. э. и, возможно, даже ее первых десятилетиях [84. С. 183] и что найденный в Ольвии в 1971 г. статер [115. Рис. 1, 1] находился в яме вместе с обломками ионийской и аттической керамики и литыми дельфинами, т. е. в слое, не выходящем за рамки третьей четверти V в. до н. э. [115. С. 78], то эмиссию статеров Эминака, которые отчеканены многими штампами и на которых прослеживается определенная стилистическая эволюция [115. С. 79], следует поместить между 460 и 440 гг. до н. э.

3. Выше монеты Эминака называются статерами, и это не вызывает сомнений. А. Л. Бертье-Делагард, впервые сопоставивший веса известных ему экземпляров, получил средний вес,

равный 11,43 г [30. С. 62, № 2]; такой же результат получается и для 16 монет из клада, найденного в Ольвии в конце XIX в. [115. С. 80]. Однако А. Л. Бертъе-Делагард, определивший эти монеты как эгинские статеры еще тогда, когда он, не располагая весами монет из упомянутого клада [283. № 1001], знал лишь три индивидуальных веса, из которых один не был принят во внимание, вычислил их средний вес — 11,73 г [29. С. 58, прим. 2]. Констатируя идентичность этого веса среднему весу серебряных статеров Пантикапея — 11,72 г [29. С. 34, прим. 1], он, получив в свое распоряжение веса монет из упомянутого клада, счел необходимым увеличить полученный им средний вес монет Эминака (т. е. 11,43 г) на 2—3 % для получения «истинного» веса, вычисленного им как 11,75 г [30. С. 127, прим. 2]. А. Н. Зограф принял в качестве среднего веса этих монет 11,73 г, притом без всяких пояснений [70. С. 125].

Для оценки приведенных расчетов следует напомнить, что из мины серебра изготовлялось 100 драхм аттической (евбейской) системы и 70 драхм эгинской. Считая вес мины 436,6 г, средний вес этих драхм составляет 4,37 и 6,24 г, т. е. идеальный вес эгинского статера равен 12,48 г [265. С. 4—6]; некоторые исследователи принимали даже более высокий вес — по Б. В. Хэду, например, между 12,57 и 12,96 г [215. С. XLV]. Веса реальных монет редко достигают уровня идеального весового стандарта, и современные ученые принимают вес эгинского статера равным 12,2 [229. С. 329] или 12,14 г [275. С. 41]. По данным А. Л. Бертъе-Делагарда, наиболее древние статеры Эгины весят в среднем 12,12 г, статеры, чеканенные между 550 и 480 гг. до н. э., — 12,2 г, статеры 480—431 гг. до н. э. — 12,22 г и, наконец, статеры, выпущенные после 404 г. до н. э., — только 12,06 г [29. С. 37, прим. 3]. Для раннего периода эти выкладки подтверждаются монетами из трех кладов, опубликованных в 1971—1975 гг. [115. С. 80, прим. 10]: средний вес 126 экземпляров составляет 12,12 г (самый высокий вес — 13,13 г, самый низкий — 11,23 г).

Рассматривая 12,20—12,12 г как реальную весовую норму статера эгинской системы, нелегко видеть даже в упомянутых выше пантикапейских монетах [70. Табл. XL, 31; 169. Табл. V, 58] «легковесные» статеры этой системы. Еще труднее согласиться, будто монеты Эминака, средний вес которых составляет, по А. Л. Бертъе-Делагарду, 11,43 г, а с привлечением новых экземпляров — только 11,28 г [115. С. 81], также являлись статерами эгинской системы [30. С. 62; 247. С. 487; 140. С. 224; 70. С. 125; 84. С. 180—181; 21. С. 10]. Объяснить такое значительное снижение веса догадкой о том, что ольвиополиты хотели воспрепятствовать вывозу своих монет [21. С. 10], нельзя как ввиду шаткости всей «теории» о вывозе серебра из Ольвии (ср. § 2.2), так и потому, что при высоком качестве металла (проба «эминаков» не опускается ниже 900‰) вес монеты не отражается на возможности ее вывоза — за границей название

конкретных монет «не имеет значения и в расчет принимается только их содержание» [1. С. 130—131]. Поэтому не исключено, что монеты Эминака были статерами (точнее, двойными сиглами) персидской системы, идеальная норма которых 11,2 г [265. С. 4; 215. С. 826]. Увеличение веса до 11,28 г можно объяснить тем, что они рассматривались, подобно близким по времени монетам Самоса со средним весом 11,32 г, и как статеры персидской, и как тридрахмы хиосской системы [181.—С. 113, 210].

§ 8. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IV в. до н. э.

1. В начале IV в. до н. э. в жизни Ольвии произошли важные события. Найденные в 1970 и в 1985 гг. фрагменты поста-мента статуи неизвестного по имени гражданина, умертвившего тирана и способствовавшего освобождению «отечества и народа» [39. Ч. 2. С. 67—74], и группа посвящений Зевсу Элевтерию [39. Ч. 2. С. 63—65] указывают, что в это время в Ольвии была свергнута тирания и утвердилась рабовладельческая демократия [24. С. 403—404].

В первой половине IV в. до н. э. Ольвия была обнесена сырцовыми оборонительными стенами, началась новая фаза внутригородского строительства [126. С. 68] и новый этап расширения сельскохозяйственной округи [26. С. 43]. Развитие полисного хозяйства несомненно требовало преобразования его архаической денежной системы, и хотя кизикские статеры сохранили свою роль в понтийской торговле и после крушения Афинской державы, на внутреннем рынке Ольвийского полиса появляются новые монеты.

Ольвиополиты не сумели сразу и полностью отказаться от привычных литых монет, но эмиссия дельфинов была прекращена, ассы же поставлены в прямую зависимость от серебра: из трех номиналов прежней эмиссии теперь была восстановлена отливка лишь одного среднего. На аверсе этих ассов сохранился горгонейон, получивший несомненно переходные черты от среднего типа Медузы к так называемой «спокойной» разновидности «прекрасного» типа горгон, характерного для первых десятилетий IV в. до н. э. [78. С. 59, прим. 82; 81. С. 308, прим. 50]. На реверсе ассов изображен орел с поднятыми над корпусом крыльями и с дельфином в когтях — один из видов эмблемы Ольвийского полиса, представленный на одновременных серебряных монетах Синопы [110. С. 80—81, рис. 1, 1—3, табл. VII, 3—6].

Важной особенностью рассматриваемых ольвийских ассов — они прошли известную стилистическую эволюцию [78. С. 50—51] и могут быть подразделены на несколько выпусков различающихся трактовкой деталей горгонейона и эмблемы [167. С. 332—334, табл. X] — является надпись, заключающая на-

чальные слоги этника О—Λ—Β—Ι или О—Λ—ΒΙΟ [70. Табл. XXXI, 5; 52. Табл. VII, 1, 3; 18. Табл. 159, 2, 3; 13. Табл. 1, 5, 6, 8]. Замена личных имен на монетах названием полиса не оставляет сомнений в государственном характере этой эмиссии.

Выпуск ассов невысокого достоинства ($1/4$ оболы или $1/48$ статера) сопровождался небольшим уменьшением их веса — он составляет 22—23 г [29. С. 72, № 5]. Объяснение этому дают одновременные ассам серебряные монеты с изображениями букрания и тирса, окруженного теми же начальными буквами этника, которые находятся на описанных выше ассах (рис. 11, 20). Веса этих монет позволяют предполагать наличие среди них двух номиналов, различающихся надписью О—Λ—Β—Ι [0,96 г: 81. Рис. 2, 1] или О—Λ по сторонам тирса [0,53 и 0,49 г: 81. Рис. 2, 2]; старший представляет собой обол, младший — его половину. Таким образом, они объединяются в одну серию с ассами и образуют ряд: обол ($1/12$ статера) — гемиобол ($1/24$ статера) — тартеморий или тетартеморий ($1/48$ статера или $1/4$ оболы).

Существенное — более чем на пятую часть (21,5 %), по данным А. Л. Бертье-Делагарда [29. С. 72, № 3, 5], — снижение среднего веса литых ольвийских тартемориев по сравнению с их предшественниками дает А. Н. Зографу возможность видеть в них представителей разных номиналов и предполагать сложную редукцию первоначально полноценного бронзового оболы [70. Табл. XXXI, 2, 5; С. 124—125, 128, 132]. Возможно, что указанное снижение отражает отход ольвиополитов от традиционной системы их метрополии Милета, серебряную чеканку которого нарушил разгром города персами, так что после восстановления его здесь выпускались лишь очень редкие гемидрахмы аттической системы [253. С. 20; 179. Ч. 2, т. 1. № 1752, табл. 149, 1]. Считая, что большие ассы были первоначально эквивалентом милетских оболы ($1/12$ статера) со средним весом 1,2 г, отказ от этой системы должен был повлечь за собой уменьшение веса ольвийских оболы и их фракций.

К сожалению, занимающие нас серебряные монетки с букранием (рис. 11, 20) настолько редки, что затруднительно по трем известным весам определить их монетную систему. Считая вес оболы равным 0,91 г и вес гемиоболы — 0,51 г, их можно почти с одинаковым основанием относить как к персидской, так и к эгинской системе (идеальный вес оболы соответственно 0,933 и 1,036 г); представляется, однако, что первое предположение более вероятно. В этом случае вес серебряного номинала был убавлен по сравнению с милетской нормой также на одну пятую (20,6 %).

2. Если серебряные оболы и гемиоболы рассматриваемой серии принадлежат к числу нумизматических раритетов, то бронзовые ассы встречаются часто и оставались в обращении несколько десятилетий — во всяком случае, они известны в сов-

местных находках с чеканенными бронзовыми монетами как в Ольвии [283. № 1056, 1059, 1060], так и на других поселениях Северо-Западного Причерноморья [72. С. 97—98, табл. 1; 81. С. 305—306, рис. 2, 3, 10, 11].

Чеканенные бронзовые монеты, которые находят вместе с литыми тартемориями, открывают длинный ряд разменных ольвийских монет, изготовленных путем чеканки на заранее отлитых плоских кружках [167. С. 335—344]. Среди них отчетливо различаются, по крайней мере, два номинала. На монетах старшего представлена голова Деметры в профиль и очень близкий к своим истрийским образцам [110. С. 81—83, рис. 1, 4—8, табл. VII, 11—14] морской орел с тесно прижатыми к корпусу крыльями, клюющий дельфина [254. Табл. IX, 10, 11, 20; 70. Табл. XXXII, 11—13] или стоящий на колосе [254. Табл. IX, 21; 14. Табл. I, 51]. Монеты младших номиналов более разнообразны — на их аверсах встречаются та же Деметра [254. Табл. IX, 8, 12, 23; 15. Табл. IV, 55—57, 62, VI, 129—130] или коротко остриженный Аполлон [254. Табл. IX, 13, 14; 13. Табл. IV, 52—54], а на реверсах — дельфин в сопровождении колоса [254. Табл. IX, 12, 22; 13. Табл. IV, 55—57; VI, 129—130], зерна [254. Табл. IX, 13—14; 13. Табл. IV, 53—54], зерна и лука [254. Табл. IX, 23]; в одной группе на реверсе изображен орел с распушенными крыльями, стоящий на дельфине и повернувший голову назад [159. Табл. XXIII, 34; 14. Табл. I, 28]. Эти мелкие монетки встречаются иногда вместе с дельфинами [напр., 283. № 1018, 1019, 1021, 1061] и, по всей вероятности, заменили их в обращении.

Рассматриваемые бронзовые монеты были выпущены в большом количестве и представлены многими стилистическими вариантами, но на всех имеется сокращение этника в виде сокращения ОΛΒΙΟ, иногда в ретроградном начертании или в опрокинутом положении. При классификации монеты старшего номинала подразделяются на ряд групп и подгрупп, объединяемых в отдельных случаях общими штемпелями аверсов, которых в двух первых группах известно более сорока; в некоторых подгруппах часть монет имеет сокращения личных имен: ΒΑ, ΕΥ, ΑΓΟΡΑ, ΜΟΝΙ и т. п. — в первой группе: ΗΡΩΙ, ΘΕΟ, ΔΙΟ, ΠΟΣΕΙ и т. п. — во второй, всего более двух десятков сокращений [107. С. 88—92, рис. 1, 7 — рис. 3, 20]. Среди монет младшего номинала имеется небольшая эмиссия, отмеченная сокращениями ΑΘΝ (или ΗΘΑ) и ΦΟΒΕ [254. Табл. IX, 12; 17. Табл. X, 61, 62].

Стилистический анализ рассматриваемых монет не позволяет отделять подгруппы внутри двух первых групп значительными промежутками времени; не вызывает сомнений и последовательность этих групп. Разрыв между ними также невелик. Монеты третьей группы сравнительно немногочисленны, и она была, по всей вероятности, оторвана от двух первых. В последней, судя по характерным прическам Деметры, были монеты

нескольких номиналов [254. Табл. IX, 20--23; 13. Габл. IV, 57, 58; VI, 129, 130], но в других группах состав подобных серий не столь очевиден.

Очень важен для изучения всей этой меди большой клад, найденный в Ольвии в 1907 г. [52. С. 90, табл. XVI — XXVI; 283. № 1015]. Анализ опубликованных монет (278 экз.) показывает, что в кладе не только представлены монеты всех подгрупп, но и в такой пропорции, что количество экземпляров каждой из них отражает относительную интенсивность этих эмиссий. Отсюда следует, что период накопления клада не был слишком продолжительным, а момент тезаврирования не отделен от исходного пункта чеканки самой ранней подгруппы [107. С. 94—95]. Определяя продолжительность всей эмиссии примерно тремя десятилетиями и опираясь на сравнение этих монет с однотипными сериями истрийского и синопского серебра, следует относить ольвийскую медь ко второй половине первой и к большей части второй четверти IV в. до н. э., датируя самую раннюю подгруппу концом 80-х, а самую позднюю — началом 50-х годов IV в. до н. э. [107. С. 95—99].

Обзор денежного хозяйства ольвиополитов первой половины IV в. до н. э. будет неполным, если не упомянуть недавно обнаруженные и неопубликованные серебряные монетки, повторяющие основные типы мелкой меди — Деметра на аверсе и дельфин на реверсе [ср. 254. Табл. IX, 8, 17]. Невысокая сохранность обоих экземпляров затрудняет их точное сопоставление с медью, а вес (1,68 и 1,48 г) позволяет считать эти мелкие монеты диболами персидской монетно-весовой системы (идеальный вес 1,866 г).

3. Чеканенные бронзовые монеты Ольвии встречались, как отмечено выше, вместе с литыми тартемориями на Роксоланском городище [81. С. 305—306, рис. 2, 3, 10, 11] и на Лузановском поселении [283. № 1055]. Литые монеты этой группы обнаружены также на поселении Козырка II [144. С. 111, рис. 1] и на Белозерском городище [20. С. 30, № 1]. Известны и отдельные случайные находки чеканенных монет разных номиналов на поселениях ольвийской хоры, возникших на рубеже V—IV вв. до н. э. и просуществовавших до нашествия Зопириона. Это та же Лузановка, Кошары, Закисова Балка I, Чертоватое I, Котелино I, Козырка II, Новая Богдановка I, Малая Корениха I, Дидова хата I, Сиверсов маяк, Белозерка I [148. С. 40—41, рис. 5; 55. С. 241, рис. 1, 1; 174. С. 140, табл. I, 2, 3, 10; 160. С. 111, прим. 5, 6], а также Березань [79. С. 88, № 9] и Очаков⁶. Найдены монеты зарегистрированы и далее на Запад: в Ильичевске [57. С. 246—247, прим. 22], Роксоланах [60. № 70, 108, 109, 206; 113. С. 170—171, № 7—10], Тире [113. С. 170—171, № 14], на о-ве Левке [113. С. 168, № 3, 5, 6, 33, 34, 36, 37], в северной части Добруджи [113. С. 170—171, № 37]. Подобные

⁶ Сообщение С. В. Страшнова.

монеты встречались на Каменском городище [53. С. 146, № 5], в Херсонесе [97. С. 160, прим. 20, 21] и на Боспоре [94. С. 140, прим. 1, в—г]. Таким образом, чеканенная медь Ольвии получила быстрое признание и сравнительно широкое распространение.

Из изложенного видно, что к середине IV в. до н. э. монетное дело Ольвии сближается с монетным делом ее торговых партнеров. Судя по известному декрету о деньгах (ср. § 2.2, 3; 10.2), кизикины сохраняли свою ведущую роль в Нижнем Побужье; в самом городе известна, впрочем, лишь находка фокейской гекты конца V или первых десятилетий IV в. до н. э. (рис. 11, 12) [179. Ч. 2, т. 2, № 2120, табл. 158, 35], на обращение кизикинов последней группы косвенно указывают клад из Орловки на Нижнем Дунае [34; 283. № 726] и статер, найденный на берегу Днепра в районе Днепропетровска или Запорожья [35. С. 101, табл. 2, 30].

ПЕРЕХОД ОЛЬВИИ К ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МОНЕТНОЙ СИСТЕМЕ (вторая половина IV в. до н. э.)

§ 9. «МЕДЬ И СЕРЕБРО» ОЛЬВИЙСКОГО ДЕКРЕТА О ДЕНЬГАХ

1. К середине IV в. до н. э. Ольвийский полис достиг высокой степени экономического развития и был тесно связан как с Восточным Средиземноморьем, так и со скифским миром. Немалую роль играла в этом торговля, и архаическая монетная система, сложившаяся здесь в V в. до н. э., не соответствовала новым условиям. Отказ от изготовления дельфиновидных слитков и чеканка разменной меди, предпринятая ольвиополитами в первой половине IV в. до н. э., не спасали положения — ведь любые медные монеты «как господствующее средство обращения» предполагают слабость последнего [5. С. 325] и закрепляют ее. Тем не менее переход к эмиссии обычных для греческого мира серебряных монет осложнялся отсутствием надежных источников драгоценного металла, и не приходится удивляться, что около середины IV в. до н. э. ольвиополиты предприняли попытку возобновить в сравнительно широких масштабах эмиссию традиционных полноценных монет из бронзы. На этот раз стали отливать монеты старшего номинала (оболы), но на их аверсе вместо привычного горгонейона появляется изображение Деметры, занявшее к этому времени прочное место в ольвийской монетной типологии. На реверсе новых оболов помещен один из вариантов эмблемы Ольвийского полиса — орел с распушенными по сторонам крыльями и повернутой назад головой, стоящий на спине дельфина; над эмблемой помещена надпись ОΛΒΙΗ [13. Табл. II, 4; 52. Табл. VIII — XIV]. Стилистическая классификация этих монет позволяет выделить среди них ранние и поздние экземпляры⁷; такая линия эволюции контролируется наличием на последних этапах выпуска рассматриваемых монет эмиссионных знаков Α [46. Табл. IV, 11], Β (в ретроградном начертании) [52. Табл. IX, 1],

⁷ Основные этапы эволюции хорошо прослеживаются по монетам, опубликованным В. В. Голубцовым [52]: табл. XIV, 1; XI, 3; XII, 2 (ранний этап), табл. VIII, 2 (первый переходный этап), табл. XIV, 4; XII, 1; XI, 2 (средний этап), табл. XIII, 3; X, 3; XII, 2 (второй переходный этап), табл. X, 1 (заключительный этап). (Ср. 42, Ч. I. Рис. 3).

Г (рис. 6, 1) [52. Табл. XII, 4—XIII, 1], Δ (около дифферента находится ветвь или колос; два варианта) [254. Табл. VIII, 4; 52. Табл. X, 2; 70. Табл. XXXI, 4; 13. Табл. II, 13], Е [13. Табл. I, 7], колос; два варианта [52. Табл. XI, 1 и 13. Табл. III, 14], на-
конец, колос и буква Υ [13. Табл. II, 11].

Наличие перечисленных разновидностей рассматриваемых монет позволяет предполагать их эмиссию на протяжении двух-трех десятилетий. Наиболее ранние экземпляры обнаруживают определенное сходство с эмиссиями Тарса [275. Табл. XLII, 13, 14], киликийских сатрапов [275. Табл. XLIII, 2], Клазомен [275. Табл. XLI, 12, 13] или Лариссы [275. Табл. XXXIV, 10, 11] и Фер [275. Табл. XXXIV, 15], относящихся ко второй четверти IV в. до н. э. Если принять во внимание, что в Средиземноморье фасовые изображения божеств начинают отмирать к концу его третьей четверти [263. С. 83—84], ольвийские монеты следует датировать концом 50-х — концом 30-х годов IV в. до н. э. [70. С. 124; 42. Ч. 2. С. 25—26, прим. 130].

Ольвийские литые оболы с Деметрой дают редкую возможность уточнить нумизматическую дату на основании эпиграфических данных. Есть все основания согласиться с тем, что именно эти монеты упоминаются в известном декрете о деньгах [10. № 24]. Постановка в тексте документа слова «медь» (*chalkos*) перед словом «серебро» (*argyrios*) дает основание видеть в первой полноценную монету [70. С. 126; 71. С. 150], а такой «медью» во время принятия декрета — между 340 и 330 гг. до н. э. [41. С. 23—27; 42. Ч. 2. С. 25] — могли быть только ассы с Деметрой [70. С. 124, 126].

Если декрет о деньгах позволяет предполагать, что в 30-х годах IV в. до н. э. в Ольвии обращались полноценные бронзовые оболы, то декрет в честь Каллиника [10. № 25+31] содержит указание на возвращение ольвиополитов к чеканке медной монеты (§ 2.3). Характеризуя деятельность этого гражданина, составители декрета отмечают его активную роль в отмене долгов и упоминают, что вслед за этим народ отменил какие-то прямые поборы с граждан и ввел новшество, заключавшееся в чеканке медной монеты [41. С. 38—39]. Поскольку отмена долгов названа среди мер, позволивших ольвиополитам устоять перед войском Зопириона, полководца Александра Македонского, осаждавшего Ольвию летом 331 г. до н. э. [59. С. 41—46; 42. Ч. 2. С. 21—25], есть все основания принимать, что «чеканка меди» (*hē kopē tou chalkou*) относится к ближайшим годам после осады. С другой стороны, упоминание об этой «чеканке меди» среди важнейших мероприятий граждан и притом в контексте, позволяющем догадываться о том, что она была новшеством, связанным с отменой долгов и служившим облегчению положения неимущих, дает основание считать, что надпись Каллиника содержала указание на окончательный переход граждан Ольвии от отливки полноценных бронзовых обол к чеканке монет этого номинала, но уже в качестве обычной

разменной меди, монетная функция которой становится фактически совершенно не зависимой от веса таких монет [2. С. 137] или «от любой степени утраты ими металла» [1. С. 96].

2. Прежде чем перейти к рассмотрению чеканенных монет, сменивших литые ассы, необходимо остановиться на упоминании в ольвийском декрете о деньгах «серебре». Таким серебром не может быть эмиссия Эминака [21. С. 9—11], небольшая по объему и отделенная от надписи более чем столетием (§ 7), и очевидно, что в документе подразумеваются серебряные статеры с профильным изображением Деметры и эмблемой Ольвии, идентичной тому ее варианту, который представлен на последних ассах (рис. 6, 2, 8; 12, 7) [13. Табл. VI, 135].

Для одной группы этих статеров характерны ровный, плотный монетный кружок, четко выраженная вдавленность реверса, высокий рельеф изображений на слегка выпуклом аверсе, а также наличие дифференгов и сокращений личных имен. Деметра представлена здесь в духе лучших традиций греческого монетного искусства, орел и дельфин выполнены свободно и близко к натуре, причем обращает внимание детализированное оперение птицы (рис. 6, 2; 12, 7) [18. Табл. 155, 4; 48. Табл. XVIII, 2]. В эту группу входят и редкие статеры из свинца [48. Табл. XX, 74; 106. Рис. 8, 12; 42. Ч. 2. С. 126, прим. 129], а также серебряные драхмы, повторяющие типы статеров [42. Ч. 1. Рис. 4, 21; 76. Табл. I, 10, 13—16]; одна из них имеет фазовое изображение богини, близко напоминающее такие же головы на литых бронзовых «ассах» (рис. 6, 7) [76. Табл. I, 9].

Статеры другой группы чеканены на уплощенных кружках, вдавленность реверсов здесь мало заметна, изображения на аверсе не выделяются высотой рельефа, дифференгов и сокращений имен нет. Голова богини вырезана в штампе суше и ремесленнее, а орел и дельфин схематичны и безжизненны (рис. 7, 3; 13, 4) [268. Табл. VII, 1]. Сюда входят монеты младшего номинала (по весу — $\frac{1}{4}$ статера, т. е. 3 обола) с тем же изображением Деметры на аверсе и с дельфином на реверсе [254. Табл. IX, 15; 268. Табл. VII, 3]. Фактурно-стилистические различия между монетами обеих групп подчеркиваются неодинаковостью средних весов основного номинала (статера) — 12,0 и 12,4 г [76. С. 49—50; 61. С. 55, табл. 6]. Принадлежность перечисленных монет к эгинской системе не вызывает сомнений, а потому и связанные с ними литые бронзовые обола должны рассматриваться как обола той же системы, о чем свидетельствует и небольшое увеличение их веса по сравнению с весом оболов предыдущей серии⁸.

⁸ Вес четырех литых тартемориев [70. Табл. XXXI, 5] составляет $22,5 \times 4 = 90$ г, что соответствует идеальному весу серебряного обода персидской системы (0,93 г); литые обола с изображением Деметры [70. Табл. XXXI, 4] весят в среднем 102 г, что соответствует уже идеальному весу серебряного обода эгинской системы (1,04 г).

Рис. 6. Монеты Ольвии (третья четверть IV в. до н. э.):

1 — Берлин; 2, 4, 6, 10 — ГИМ; 3, 8 — частная коллекция (Москва); 5 — ОАМ; 7 — Лондон; 9 — Брюссель. (9 — золото; 2, 7, 8 — серебро; 1, 3—6, 10 — бронза).

Во время эмиссии серебра ольвиополиты дважды пытались начать чеканку золотой монеты. Первая попытка относится ко времени выпуска статеров третьей подгруппы ранней группы: уникальный золотой статер Ольвии (рис. 6, 9; 12, 8) изготовлен той же парой штемпелей, что и одна из драхм этой подгруппы. Вторая попытка синхронна серебру поздней группы и представлена гемидрахмами ($\frac{1}{4}$ статера) с изображениями все тех же Деметры и дельфина (рис. 12, 10) [82. Рис. 1, 5—17].

Начальный пункт эмиссии серебра и золота отнесен А. Н. Зографом к рубежу 40—30-х годов IV в. до н. э. [70. С. 127, 128, 129]. Трудно, однако, отрицать, что стилистические аналоги для самых ранних ольвийских статеров можно найти не только среди тетрадрахм Филиппа и Александра [70. С. 127, прим. 1], но и между греческими монетами начала третьей четверти IV в. до н. э., например среди статеров Милета [179. Ч. 2, т. 2. № 1758, табл. 149, 7], Абидоса [179. Ч. 2, т. 2. № 2454,

табл. 168, 6] или четко датированных монет гераклеийских тиранов Тимофея и Дионисия (345—337 гг. до н. э.) [179. Ч. 2, т. 2, № 2924, 2926, табл. 183, 14, 16]. При этом следует учитывать, что в соответствии с декретом о деньгах ольвийские статеры находились в обращении вместе с литыми бронзовыми оболлами незадолго до похода Зопириона. Однако типологическая и стилистическая близость между «медью» и «серебром» декрета (рис. 6, 1, 2) не дает оснований заключить, будто отливка последних полноценных оболлов началась одновременно с чеканкой первых статеров; напротив, весьма вероятно, что ранние «ассы» предшествовали выпуску серебра, который начался непосредственно перед принятием декрета о деньгах, т. е. около 340 г. до н. э., и продолжался до осады города Зопирионом, ко времени которой относятся, надо полагать, редчайшие «статеры» из свинца [42. Ч. 2. С. 25—26].

3. Избавление Ольвии от вполне реальной опасности подчинения города Македонской державе после отступления и гибели Зопириона сопровождалось рядом внутренних реформ, среди которых, согласно предложенной Ю. Г. Виноградовым интерпретации декрета в честь Каллиника, чеканка медной монеты, пришедшей на смену литым оболлам [42. Ч. 1. С. 39—42; Ч. 2. С. 25]. Чеканенные монеты этой эмиссии сохраняют традиционные изображения своих предшественников, но Деметра представлена в профиль, а городская эмблема возвращена к схеме, появившейся на литых тартемориях начала IV в. до н. э., — крылья орла подняты параллельно корпусу [42. Ч. 1, рис. 4, 1, 6; 13. Табл. V, 77]. На большинстве рассматриваемых монет имеются сокращения имен [42. Ч. 1, рис. 4, 2—5; 13. Табл. VI, 137; VII, 138, 139], причем в двух случаях эти сокращения находят точные соответствия в таких же сокращениях на серебряных статерах второго выпуска⁹, чеканка которых, по всей вероятности, возобновилась после осады города и предназначалась для укрепления курса новой медной монеты, стоимость которой уже не соответствовала ее весу; так полноценный ольвийский обол, подобно римскому либральному ассу, «был низведен до разменной монеты» [3. С. 146]. Любопытно, что ольвиополиты, как и римляне, пошли по пути децимальной редукции — вес оболлов уменьшился в десять раз — от 102—105 до 10—11 г.

Принимая предложенную выше хронологию эмиссии последних литых оболлов и серебряных статеров, можно предполагать, что выпуск последних начался одновременно с отливкой ассов, отмеченных колосом [52. Табл. XI, 1; 13. Табл. II, 11; III, 14]. — этот же дифферент известен и на самых ранних

⁹ Меди с сокращениями APIΣ (рис. 6, 3) [254. Табл. IX, 3; 70. Табл. XXXII, 4; 13. Табл. VII, 138] и ΜΟΣΧΙ [42. Ч. 1. Рис. 4, 3] соответствуют статеры с такими же именами [76. Табл. I, 7, 8; 70. Табл. XXXII, 2].

статерах [76. Табл. I, 1, 2, 4; 42. Ч. 1. Рис. 4, 12, 13]. Во время войны против Зопириона изготовление полноценных оболлов было, надо полагать, приостановлено, и они, как показывают клады из Куцуруба [283. № 1008] и Погорелова [42. Ч. 2. С. 26, прим. 130], стали объектом тазаврации; одновременно вместо серебряных статеров появились их свинцовые заменители. Чеканенные бронзовые монеты и новая эмиссия серебра датируются в таком случае 20-ми годами IV в. до н. э.

4. Особенности денежного хозяйства Ольвии в тот период, когда полноценные бронзовые оболочки обращались параллельно с серебряными статерами, четко выражены в декрете о деньгах [10. № 24]. Руководствуясь стремлением обязать приезжих купцов и собственных граждан совершать все торговые сделки посредством местной монеты и отменяя свободное обращение кизикинов, ольвийские законодатели фактически прокладывали путь для перехода своего полиса к основанному на серебре монометаллизму. Разумеется, реальные платежи, особенно при закупках значительных количеств местных товаров иноземными купцами, и далее могли на практике осуществляться с помощью кизикских статеров, но с момента принятия советом и народным собранием ольвийских граждан псефисмы Каноба эти статеры не являлись в Ольвии деньгами как таковыми. Ведь согласно ясно выраженному смыслу документа именно ольвийское серебро должно было впредь выполнять основную функцию денег — функцию меры стоимости (в том числе по отношению к драгоценному металлу самих кизикинов) и являлось не только единственным, наряду с ольвийской же медью, узаконенным средством платежа, но и масштабом цен. Следовательно, именно к собственным серебряным статерам ольвийское государство относилось как к основе всей его денежной системы.

Если серебро, чеканенное в виде статеров эгинской монетно-весовой системы, было в Ольвии деньгами «прежде всего как единство меры стоимостей и средства обращения» [1, С. 106], а любые электровы монеты рассматривались как обладающие определенным весом слитки драгоценного металла, то установить в ольвийской системе денежного обращения место литых медных оболлов, которые так долго заменяли на городском рынке мелкие номиналы серебряной монеты, было нелегко. Законодатель попытался обойти возникающие трудности, признав медную монету законным средством платежа наравне с серебром, но закрепление денежных функций сразу за двумя металлами, находящимися в одной сфере обращения, нарушало закономерности денежного обращения [1. С. 59—60, 94—95; 2. С. 153]. Поэтому денежная система, основанная на параллельном обращении на внутривосполненном рынке серебряных монет и полноценной меди, не могла быть прочной, и нашествие Зопириона лишь ускорило ее неизбежный распад. В сущности сама эмиссия параллельно с серебряными статерами неудобных и

требовавших немалого количества металла медных оболочек экономически бесцельна: тяжелые литые монеты так или иначе служили вспомогательным средством обращения и в силу этого должны были рано или поздно стать простыми знаками стоимости, чисто монетные функции которых практически не зависят от количества металла, содержащегося в каждом из них [2. С. 136—137; 5. С. 326].

§ 10. УТВЕРЖДЕНИЕ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА

1. Стихийно наметившийся в первой половине IV в. до н. э. переход ольвиополитов к серебряному стандарту нашел своеобразное выражение в декрете о деньгах. По всей вероятности, граждане Ольвии считали, что, принимая законопроект Каноба, они не только утверждают суверенитет своего полиса, но и ставят на незыблемую основу его денежное хозяйство, сочетая привычную отливку медных оболочек с признанием ведущей роли собственного серебра. Этому препятствовали, как отмечено выше, общие законы денежного обращения, превращавшие полноценные бронзовые монеты в простой знак стоимости. К тому же переходу к основанному на монометаллизме серебра денежному хозяйству не благоприятствовала и общая экономическая ситуация Восточного Средиземноморья во второй половине IV в. до н. э. Ольвия в это время была тесно связана с международной торговлей, а в сфере интерлокального обмена греческого мира именно в рассматриваемое время наметились тенденции, неблагоприятные для любой попытки установления чистого монометаллизма на основе серебряной монеты.

В истории денежного обращения Восточного Средиземноморья IV век до н. э. занимает особое место¹⁰. До этого времени в Элладе и на многочисленных островах Архипелага, несмотря на выпуск электра городами малоазийского побережья, в денежном обращении и в монетном производстве господствовало серебро. Однако в первых десятилетиях IV в. до н. э. в денежном обращении Греции стал намечаться перелом. Если выпуск золотой монеты в Афинах в конце Пелопоннесской войны целиком обусловлен трудностями, вызванными экстраординарными расходами на военные цели [205. С. 290—295], то уже в следующем десятилетии возросшая добыча золота позволяет некоторым городам фракийского побережья Эгейского моря открыть регулярную чеканку золота. Этому следуют Лампсак, Родос, Халкидская лига, Пантикапей [205. С. 327—339]; в сере-

¹⁰ Материал основан, главным образом, на трудах А. М. Андреевского [177], А. Р. Барнса [190], И. Хазебрека [212—214], Ф. Хайхельхайма [216—218], Э. Кавеньяка [192], Х. Майкла [245], М. Дж. Финли [200] по экономике античного мира; специальные статьи указаны далее.

дине IV в. до н. э. начинаются эмиссии Филиппа [236; 205. С. 422—426; 275. С. 199—201], а завоевание Александром державы Ахеменидов ведет к перечеканке в монету огромных по тем временам запасов золота из кладовых побежденной Персии [275. С. 204—206]. Лисимах, Птолемей и другие диадохи продолжают эту финансовую политику, и в первой четверти III в. до н. э. количество находящегося в обращении золота достигает своего максимума [275. С. 219—222, 241—243].

Прежде чем коснуться непосредственных последствий увеличения находящейся в обращении массы золота, уместно подчеркнуть, что в античном мире торговля еще не пропитывает, по выражению К. Маркса, все экономические отношения этой эпохи, а «бытие людей как товаропроизводителей играет подчиненную роль» [2. С. 89]. В силу этого в античном обществе не существовало мирового рынка в точном смысле этого слова, а вместе с тем не было мировых денег как таковых. Даже в сфере международной торговли, значение которой для древнегреческой экономики не следует преувеличивать [217], деньги лишь с большим трудом освобождались от своих локальных форм; кизикины или статеры Александра циркулируют не как всеобщее средство обмена, а как простое средство обращения с несколько расширенной по сравнению с узкими государственными границами сферой распространения, и на интерлокальных рынках принимаются в расчет не только вес и проба монет, но и те внешние особенности их оформления, которые сложились в прошлом в процессе внутреннего обращения [1. С. 130—131]. Только этим объясняется такой парадоксальный факт, что кизикины, содержание золота в которых колеблется в весьма широком диапазоне (ср. § 11), могли в течение многих десятилетий находиться в обращении в пределах целых регионов, сохраняя при этом если не абсолютно постоянный, то во всяком случае устойчивый рыночный курс [222].

В свете сказанного становится понятным, что некоторые закономерности денежного обращения, проявляющиеся при капитализме лишь во внутреннем обращении, в античную эпоху действуют порой — разумеется, в иных масштабах, — в рамках значительных областей, охватывающих целые группы государств. В частности, распространение золотой монеты в древнегреческом мире порождает тенденцию к вытеснению из сферы крупной международной торговли обслуживавших ее в прошлом монет из более дешевых металлов, которые ранее «служили мерой стоимости, следовательно, обращались в тот момент, когда более благородный металл низверг их с трона» [2. С. 136]. Эта тенденция никогда не осуществляется полностью (достаточно вспомнить о широком распространении тетрадрахм Александра или Лисимаха), но все-таки серебряной монете отводилась в новых условиях скромная служебная роль — она оттесняется, говоря в целом, в те области товарного обращения, «где акты купли и продажи постоянно возобновляются в самом мел-

ком масштабе» [2. С. 136]. Это значит, что даже крупные номиналы серебряной монеты становятся в районах широкого распространения золотых статеров заместителями последних, а более мелкие постепенно превращаются в такую же разменную монету, каковой являлась повсеместно выпускаемая в эту эпоху медь, и в силу этого получают свою особую сферу обращения, совпадающую в условиях античного мира в большинстве случаев с границами того или иного полиса.

2. Переход денежных функций к золоту, наметившийся в Восточном Средиземноморье к исходу IV в. до н. э., выражался не только в изменении количества находившейся в обращении золотой монеты, но и сопровождался заметным уменьшением стоимости этого металла. Действительно, если во времена Геродота относительная стоимость золота и серебра выражалась пропорцией $1:13\frac{1}{3}$, то во времена Александра это отношение составляло $1:10$ [266. С. 41—73]. С падением стоимости золота неизбежно связывалось понижение ценности электро и, соответственно, падение курса изготавливаемой из него монеты. Этому, впрочем, способствовало побочное, но весьма существенное обстоятельство: после того, как было установлено, что электр, известный ранее лишь из месторождений, где он имел все внешние признаки особого природного металла, является смесью золота и серебра, и после того, как греки научились изготавливать из них сплав любого заданного состава, ряд городов перешел — приблизительно на рубеже V—IV вв. до н. э. — к чеканке монет из такого искусственного сплава. Последний содержал теперь не больше половины, а то и третью часть золота, т. е. значительно меньше того количества, которое соответствовало традиционным представлениям о ценности электро, сложившимся в те времена, когда его считали таким же даром природы, как золото или серебро, и определяли его стоимость по отношению к последнему пропорцией $1:10$. Все это подрывало доверие к любым электровым монетам и вело к прекращению ее чеканки, и в третьей четверти IV в. до н. э. прекращается, как можно предполагать, эмиссия кизикских статеров и фокейско-митиленских гект [179. Ч. 2, т. 2. С. 1198—1200, 1391, 1395—1396; 215. С. 522, 525, 558—559; 275. С. 113—114, 181].

3. В результате таких изменений в денежном хозяйстве Восточного Средиземноморья золотая монета проникает и в монетную систему ольвиополитов. Этот процесс приходится на третью четверть IV в. до н. э. В начале ее, как показывает декрет Каноба, кизикские статеры еще рассматривались в Ольвии как наиболее важный сорт иноземных денег, однако находки поздних кизикинов в городе и на его хоре не засвидетельствованы; зато известны золотые статеры и гемидрахи Филиппа и Александра из Ольвии (рис. 12, 1—3) [37. С. 69, № 1—5; 88. С. 98—99]. В конце указанного периода «золотые» упоминаются в декрете Каллиника [10. № 25], а в начале последней четверти

IV в. до н. э. ольвиополиты пытались начать выпуск собственных золотых статеров. Эта попытка была, однако, невыгодна для города [29. С. 62], а исключительная редкость ольвийских золотых статеров (рис. 12, 8) [254. Табл. IX, 1] и то обстоятельство, что те же штемпеля использовались при чеканке однотипных драхм [76. Табл. I, 11, 13], указывают на небольшой объем эмиссии. Если принять во внимание, что чеканка крупных номиналов золота рассматривалась в древности как один из существенных признаков государственного суверенитета, можно предполагать, что ольвийская золотая эмиссия имела и политическое значение, будучи своеобразной декларацией независимости полиса, отразившего нападение одного из полководцев Александра [42. Ч. 2. С. 38].

Золотые монеты Ольвии входят, как отмечалось выше, в одну серию со статерами и драхмами, образующими третью подгруппу серебра; это устанавливается не только близостью стиля, но и совпадением дифферентов (колос и монограмма из букв ЕК — рис. 6, 7—9) [76. Табл. I, 9—16]. Одновременно с золотом и серебром произошло и изменение внешнего вида крупной разменной меди — вместо традиционных изображений Деметры и городской эмблемы [254. Табл. IX, 3; 70. Табл. XXXII, 4] на новых ободах появляются изображения речного бога Борисфена (или Гипанида) и скифского оружия [70. Табл. XXXII, 14—16; 13. Табл. IX, 214—216]. Весьма важно, что некоторые монеты с новыми изображениями перечекаивали на старых ободах с Деметрой, так что старые типы вполне различимы под новыми штемпелями (рис. 7, 1, 2) [101. Табл. XI, 5—7]; этим доказывается, с одной стороны, непосредственная смена эмиссий, а с другой — укрепляется предположение, что так называемые «борисфены» также были ободами. Единство номинала обоих сортов медной ольвийской монеты второй половины IV в. до н. э. подтверждается сравнением их весов: средний вес и тех и других составляет 10—11 г [101. С. 74—75].

Дата интересующих нас монет не вызывает дискуссии. А. Н. Зограф относил статеры и медь с сокращением АΡΙΣ к рубежу 30-х годов IV в. до н. э. [70. С. 127, табл. XXXII, 2, 4]; с этим не приходится спорить. Так же следует датировать такую же биметаллическую пару с сокращением ΜΟΣΧΙ, поскольку статер выбит общим штемпелем аверса с эрмитажным статером, отмеченным сокращением АΡΙΣ [76. Табл. I, 7, 8]. Если эти серии меди и серебра были выпущены после отступления Зопириона от стен Ольвии, то остальные — однотипные ободы с сокращениями ΒΑΤΩ [120. С. 165, № 116], ΗΡΟ [42. Ч. 1. Рис. 4, 5; 13. Табл. VII, 139], ΚΛΕ [42. Ч. 1. Рис. 4, 4; 13. Табл. VI, 137] и некоторыми другими — выпущены в промежутке между гибелью Зопириона (331 г. до н. э.) и смертью Александра (323 г. до н. э.), которая, скорее всего, дала ольвиополитам повод возобновить приостановленную после эмиссий с

сокращениями АΡΙΣ и ΜΟΣΧΙ эмиссию серебра, начать чеканку золота и видоизменить внешний облик медных оболов.

Относя перечисленные мероприятия к началу последней четверти IV в. до н. э., следует констатировать, что если в году, отмеченном сокращением имени ЕΚ, ольвиополиты чеканили золото, два номинала серебра и оболочки нового образца (рис. 6, 7—10), то в дальнейшем эмиссия золотых статеров (и серебряных драхм) была прекращена, а серебряные статоры выпускались не каждый год — во всяком случае, непрерывному ряду оболов с изображением Борисфена [100. Табл. I, 1—14] соответствуют лишь статоры с тремя сокращениями, завершающие всю первую группу этого серебра; одновременно заканчивается и эмиссия так называемых борисфенов первой группы [100. С. 64—65, табл. I, 5, 6, 10—11; XI, 1—4], постепенно сменившей оболочки с Деметрой и частично перечеканенных из их предшественников (рис. 7, 1, 2) [100. С. 73—76, табл. XI, 5—7].

Сопоставляя стилистические особенности серебряных статоров первой и второй групп (рис. 12, 7; 13, 4) [70. Табл. XXXII, 2, 3; 76. С. 48—52] и сравнивая борисфены первой и второй групп [100. Табл. I, II. С. 64—66], нетрудно убедиться, что в первом и особенно во втором ряду наблюдается своеобразный разрыв. Продолжительность эмиссии борисфенов первой группы, на которых имеется 11 именных сокращений (табл. 4, 1—14; сокращения 1 и 2, 7, 8, 13, 14 являются графическими вариантами и каждая пара соответствует одному имени), составляла не менее 11 лет, так что выпуск оболов этой группы и синхронных им статеров приходится на предпоследнее десятилетие IV в. до н. э. Допуская временную приостановку эмиссии борисфенов, вторую их группу [100. Табл. II] следует отнести к концу IV — началу III в. до н. э.; в ней известно семь именных сокращений (табл. 4, 15—20). В таком случае можно принять, что эмиссия лишенных всяких именных сокращений серебряных статеров второй группы (рис. 7, 3) [76. Табл. III, 5—14] и тесно связанных с ними серебряных [254. Табл. IX, 15; 76. Табл. III, 15—17] и золотых гемидрахм (триоболов, $\frac{1}{4}$ статера) с изображением Деметры и дельфина (рис. 12, 10) [254. Табл. IX, 18; 76. Табл. III, 1—4] датируется последним десятилетием IV в. до н. э.

4. Проникновение золота в монетную систему ольвиополитов, которую они поколением раньше стремились основать на монометаллизме серебра, не могло не отразиться на всем механизме обращения. Ведь здесь, как и в Средиземноморье, более ценный металл постепенно превращал серебряную монету в простой знак стоимости [1. С. 94—96; 5. С. 326]. Выход, разумеется, не заключался в законодательном установлении некоего обязательного и постоянного счетного соотношения между золотой и серебряной монетой — такие меры были бы в конечном счете лишь проявлением желания доказать самим себе, «что серебро, этот менее ценный металл, есть неизменная дробная

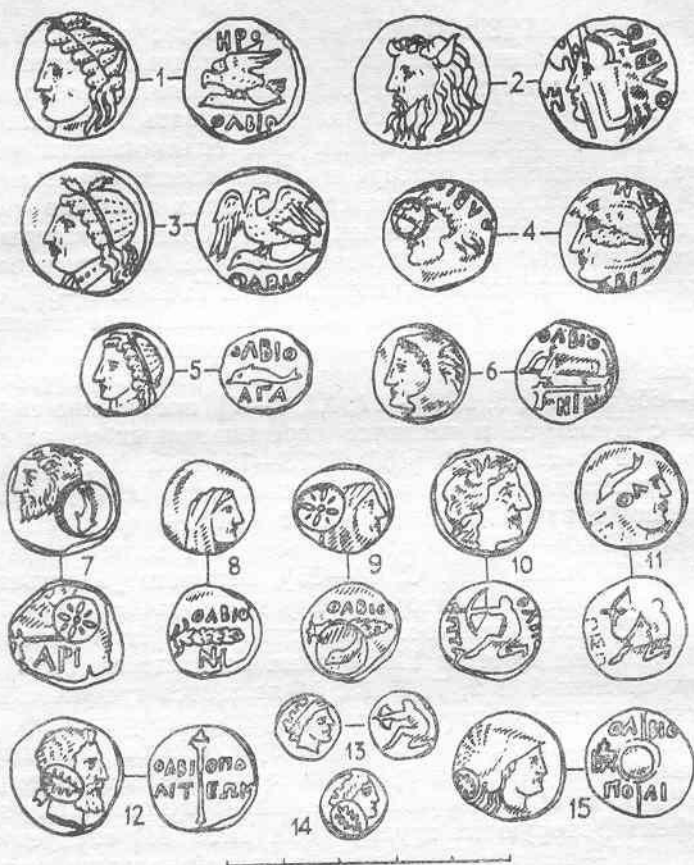

Рис. 7. Монеты Ольвии (конец IV — начало I в. до н. э.):

1, 2, 5, 8, 11, 15 — ГИМ; 3 — Париж; 4 — ИА АН УССР; 6 — частная коллекция (Москва); 7, 9, 10 — ГЭ; 12, 14 — ГМИИ; 13 — ОАМ. (3—6, 13—15 — серебро; 1, 2, 7—12 — бронза).

часть золота» [1. С. 60]. Практика не раз показывала несостоятельность таких воззрений и опрокидывала построенные на них расчеты; однако не приходится считать, будто ольвиополиты стояли в стороне от бесплодных попыток такого рода. Именно о них можно догадываться по неожиданным колебаниям веса серебряных статеров в момент перехода от первой группы ко второй. Так, если средний вес ранних статеров (рис. 12, 7) составляет, как отмечалось, 12, а поздних (рис. 13, 4) — 12,4 г, то в обеих группах известны немногочисленные монеты вполне удовлетворительной сохранности, но с резко пониженными весами (8,55—8,51—8,38—8,32 г — в первой и 8,25 г — во второй группе). При этом все монеты первой группы [80. С. 240, № 27, 28, 28а, 28б, рис. 1, 3, 4; 76. Табл. II, 16, 17] происходят от одной пары штемпелей с несколькими однотипными статерами,

вес которых колеблется между 12,25 и 11,57 г [80. С. 240, № 17—19, 24; 76. Табл. II, 8—11, 15]. Оба легких статера второй группы также изготовлены одной парой штемпелей, причем профиль Деметры обращен здесь не влево, а вправо [80. С. 240, № 30а, 30б, рис. 1, 6, 9].

Считая описанные нумизматические факты не случайными, их можно истолковать как указание на то, что, начав эмиссию золотых статеров (рис. 12, 8) по аттической системе, ольвиополиты через некоторое время попытались выпускать по этой системе и серебро, используя штемпеля последних эмиссий статеров. Поскольку этим подрывался рыночный курс всего находившегося в обращении серебра, голову Деметры на новых монетах решили повернуть вправо, а поскольку борисфены были оболами, связанными с серебряными статерами и драхмами, эмиссия медных оболов приостановилась. Весь эксперимент оказался неудачным, и ольвиополиты вернулись к выпуску эгинских статеров, вес которых увеличили. Этим не только укреплялся курс серебряной монеты, но и весовая норма новых тяжелых статеров позволяла рассматривать их как аттические тридрахмы, вес которых в эллинистическое время колебался от 4,25 до 4,1 г [264. С. 131, прим. 216]. Для закрепления курса этих монет, можно полагать, возобновилась эмиссия золота.

5. Завершая рассмотрение денежного хозяйства Ольвии в IV в. до н. э., отметим, что ее чеканенные оболы быстро распространились на поселения хоры, возродившихся вскоре после нашествия Зопириона [26. С. 43—44; 148. С. 47, 49—50]. Находки медных монет с изображениями Деметры и городской эмблемы (рис. 6, 3; 7, 1) зарегистрированы на поселениях Нижнего Побужья (Закисова балка I, Котелино I, Дидова хата I, Варваровка I, Сиверсов маяк) [148. С. 42, рис. 5]; крайними пунктами их распространения являются Затока на Днестровском лимане [105. С. 175, № 11] и Белозерское городище на Нижнем Днестре [20. С. 30, № 1]. На этой же территории отмечены и находки борисфенов самой ранней группы (Кошары, Очаков, Закисова балка I, Дидова хата — некрополь, Варваровка I, Голициновка, Лиманы, Лупарево, Скелька) [148. С. 43, 45, рис. 6; 174. Табл. I, 9, 10; 57. Рис. 1, 2, 3]. Что касается ольвийского серебра, то его находки крайне редки и засвидетельствованы только к востоку от города (Белозерское городище, Северный Крым) [80. С. 235, рис. 1, 4, 6]. Отсутствие подобных находок к западу от Ольвии объясняется тем, что серебряные монеты Истрии продолжали распространяться не только в Добрудже, Делиормане и в бассейне Сирета [257. С. 25—27, рис. 1], но к северо-востоку от устьев Дуная: они известны на городище у с. Орловка на Дунае, в нескольких пунктах Пруто-Днестровского междуречья, в Тире [116. С. 35, прим. 22—32], на Роксоланском и Каменском городищах [60. С. 109—111; 53. С. 146]. Истрийские монеты проникали и в Ольвию, причем встречаются и литые, и чеканенные медные

монеты, и серебряные драхмы (рис. 11, 19; 12, 9, 11). Как показывают клады из Поднестровья и Поднепровья [283. № 707, 722, 818, 1010], Ольвия находилась в зоне обращения истрийского серебра, ввиду чего ее собственные серебряные монеты не проникали на Запад.

Находки серебряных монет в Северо-Западном Причерноморье не опровергают того, что к концу IV в. до н. э. денежные функции здесь перешли к золоту. Клады из сел Ларгуца в Молдавии и Лубянка на Николаевщине [283. № 800, 1111] показывают, что золото македонских царей охотно принимала верхушка местных племен, для которой оно могло «стать сырьем для предметов роскоши или накапливаться как сокровище» [6. С. 423]. Можно предполагать, что и золотые статеры Ольвии были рассчитаны на внешний рынок. Во всяком случае уникальный экземпляр выявлен близ устьев Днестровского лимана (рис. 12, 8) [29. С. 58, прим. 1].

§ 11. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ СТОИМОСТЬ МОНЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ В ОЛЬВИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ IV в. до н. э.

1. Как показано выше (§ 10), ольвиополиты дважды приступали к одновременной эмиссии золотых и серебряных монет — незадолго до 320 г. до н. э. они чеканили серебряные статеры эгинской системы (рис. 12, 7 — средний вес 12 г) и золотые статеры аттической системы (рис. 12, 8 — вес уникального экземпляра 8,5 г), а в последнем десятилетии IV в. до н. э. выпускали золотые гемидрахмы той же системы (рис. 12, 10 — средний вес 2,1 г) и крупное серебро (рис. 13, 4 — средний вес 12,4 г), которое могло приниматься и за статер эгинской системы, и за тридрахму — аттической. Узаконенное в Ольвийском полисе счетное соотношение между монетами обеих серий неизвестно. Но исходя из того, что засвидетельствованное дельфийской надписью 336—335 гг. до н. э. [12. № 251, Н-II. 9—11; 77. С. 130, прим. 46] соотношение между золотыми статерами Филиппа II и серебряными статерами эгинской системы (золотой статер приравнивался к семи серебряным) можно распространить на весь греческий мир [209. С. 425; 273. С. 244], определить относительную стоимость монетных металлов на ольвийском рынке все же возможно. В первом случае она выражается соотношением 1:9,882, а во втором — 1:10,333¹¹. Так как для второго случая другой вариант расчета приводит к соотношению 1:9,794¹², все эти выкладки не позволяют вычислить величину колебаний относительной стоимости драгоценных металлов в Ольвии в последней четверти IV в. до н. э., но позволяют

¹¹ $R_1 = (12 \times 7) : 8,5 = 9,882$; $R_2 = (12,4 \times 7) : (2,1 \times 4) = 10,333$.

¹² Считая ольвийское серебро тридрахмой аттической системы (§ 10.4) и учитывая, что золотой статер приравнивался к 20 драхмам, $R_3 = [12,4 : 3] \times [20] : (2,1 \times 4) = 9,7938$.

утверждать, что в это время рацию золота в Нижнем Побужье не отличалось от соотношения 1:10, которое сложилось к этому времени в Восточном Средиземноморье [266; 70. С. 43; 275. С. 206].

2. Если для определения относительной стоимости золота и серебра в конце IV в. до н. э. могут быть использованы ольвийские монеты, то для более раннего времени соответствующие данные дает неоднократно упоминавшийся декрет о деньгах. Согласно наиболее вероятному чтению документа [41. С. 21—23], здесь предписано «золото продавать и покупать по восьми с половиной статеров ($e[na]to\ h\bar{e}mistat\bar{e}ro$) за статер кизикский, не дешевле и не дороже» [10. № 24. 23—26], причем в первом случае под «статерами» подразумеваются рассмотренные выше ольвийские серебряные монеты (рис. 6, 2). Неожиданно низкая тарификация кизикинов (ранее поврежденное место надписи давало повод читать «по десяти с половиной статеров — $he[ndeka]to\ h\bar{e}mistat\bar{e}ro$ и т. д.) [ср. 77. С. 122, прим. 4] объясняется тем, что ко времени принятия декрета (340—330 гг. до н. э., ср. § 2) курс этой некогда широко распространенной в греческом мире монеты сильно пошатнулся (§ 10.1). Это подтверждается и ольвийскими данными: если в архаическую эпоху относительная стоимость золота и серебра приближалась к соотношению 1:10 [266. С. 33; 70. С. 41; 215. С. XL], то согласно декрету о деньгах она соответствовала соотношению 1:6,375¹³.

Разумеется, зная точный состав сплава упоминаемых в декрете статеров Кизика, нетрудно вычислить относительную стоимость монетных металлов за полтора-два десятилетия до первой эмиссии ольвийского золота. Однако сведения древних авторов о составе золота сильно отклоняются от данных, полученных в XIX—XX вв.; к тому же эти данные колеблются в слишком широких пределах. В самом деле, более 90 % проверенных электровых монет Кизика содержат от 25 до 55, а более 56 % — от 35 до 50 % золота [41. С. 34, прим. 78]. В нумизматической литературе имеются весьма различные соображения о количестве золота в кизикинах и его колебаниях. Отмечается, например, что среднее содержание золота в 50 статерах составляет 42,2 % для самых ранних (с колебаниями от 52,6 до 25,6 %), 37,07 % — для средних (максимум 51,75 %, минимум 20 %) и 38,31 % — для поздних (с колебаниями от 51,3 до 15,65 %) [185. С. 92]. Исходя из этого, можно заключить, что кизикины изготовлялись из сплава, содержавшего две части золота и три части серебра.

Однако такой вывод преждевременный. Ведь приведенные выше средние показатели получены чисто арифметическим путем из очень ограниченного количества значительно отклоня-

¹³ Считая средний вес кизикских статеров (16,02 г, по Г. фон Фритце) [203. С. 31—32,34] равным 16 г, $R_4 = (12 \times 8,5) : 16 = 6,375$.

ющихся от среднего показателя первичных данных об отдельных монетах. К тому же они получены способом гидростатического взвешивания и тем самым основаны на априорном допущении, что монетный сплав кизикинов состоит только из золота и серебра. Между тем даже простой химический анализ позволяет установить в сплаве наличие меди, и при сравнении данных о содержании золота в одной и той же монете, полученных методом гидростатического взвешивания и путем анализа, легко видеть существенное расхождение¹⁴. Разнородные показатели дают и анализы на флюоресцентном спектрометре — для шести кизикских монет процент содержания золота колеблется от 54 до 63 %, серебра от 82 до 40 %, меди от 4 до 6 % [227. С. 22].

Таким образом, резкие колебания содержания золота в кизикинах следует признать фактом, но фактом является и широкое распространение этих монет в период наивысшего расцвета древней Греции. Кизикины упоминаются драматургами второй половины V в. до н. э. и ораторами IV в. до н. э., они постоянно встречаются в афинских финансовых документах второй половины V в. до н. э., представлены во многих кладах [35; 185; 231]. Весьма существенно, что и древние лексикографы сохранили положительные отзывы об этой чеканке [179. Ч. 1. С. 486—490].

3. Все изложенное ведет к предположению, что устойчивость рыночного курса кизикинов, сделавшая их главным видом монеты на рынках Причерноморья, не связана с реальным содержанием золота в каждом отдельном экземпляре или с его действительным средним содержанием во всех сохранившихся монетах. Эти монеты не подвергались в процессе обращения индивидуальной проверке, да и, по существу, она не нужна — ведь всякая металлическая монета, переходя из рук в руки, постепенно теряет часть содержащегося в ней драгоценного металла, так что при долгом обращении даже золото превращается в простой знак стоимости [1. С. 91—97]. Специально для древнегреческой монеты этот процесс ускорялся тем, что при ручной технике чеканки *al tagco* колебания веса среди эмиссий одного центра, времени и номинала оказывались почти неотвратимыми. Вполне естественно поэтому, что Платон и Аристотель рассматривали золотую монету своего времени — и К. Маркс специально обратил на это внимание — в качестве знака или символа стоимости [1. С. 100; 2. С. 135—137].

Что касается кизикинов, то их широкое распространение в Восточном Средиземноморье и Причерноморье [35; 231; 193; 256] является неопровержимым доказательством того, что до определенного времени они имели устойчивый курс в этих об-

¹⁴ Например, гидростатическое взвешивание статера из Британского музея показало 51 % золота и 49 % серебра, а его химический анализ дал 57,9 % золота, 39 % серебра и 3,1 % меди [185. С. 91—92].

ширных регионах, так что колебания фактического содержания золота в этих монетах не мешали им выполнять функции денег. Эта специфическая роль кизикинов в процессе обращения находит свои причины как в общей примитивности денежного хозяйства Греции в период распространения этих монет [217], так и в том, что греки в течение долгого периода знали только естественный электр — Геродот и Софокл не сомневались, что «белое золото» Лидии является природным металлом [179. Ч. 1. С. 356—358]. Именно таким представлением, которое осталось непоколебленным до конца V в. до н. э., и объясняется первоначальная оценка кизикинов, ставшая затем одной из существенных черт денежного обращения классической Греции и задержавшаяся долее всего, как и следовало ожидать, на дальней северо-восточной периферии античного мира, куда не проникали, судя по полному отсутствию находок, ни золотые дарики, ни афинские тетрадрахмы [193]. Если бы кизикины чеканились с начала их эмиссии из искусственно изготовляемого сплава, то состав металла был бы более постоянным и подлинное содержание золота стало бы общеизвестным, после чего курс кизикских статов не мог бы оставаться устойчивым. В самом деле, когда вскоре после окончания Пелопоннесской войны Фокея и Митилена начали выпускать свои гекты из искусственного сплава золота и серебра, эти монеты, несмотря на сравнительно стабильное, но невысокое содержание золота (около 40 %) сразу же получили сомнительную репутацию [179. Ч. 1. С. 489—490; 77. С. 135, прим. 79—80]. Нельзя поэтому не принимать во внимание представления греков об относительной стоимости золота и электра [77. С. 128; 41. С. 39]. Геродот сообщает, что Крез посвятил в Дельфы 117 слитков одинакового размера, причем каждый из золотых слитков весил по два с половиной таланта, а каждый из электровых — только по два [Нер. I, 50]; отсюда следует, что электр Креза содержал семь частей золота и три части серебра. Поскольку Геродот сообщает, что золото в 13 раз дороже серебра [Нер. III, 95], то электр Креза — в 2,4 раза дороже серебра и его стоимость составляла 0,715 стоимости чистого золота. Однако лидийская и персидская чеканки показывают, что во времена Креза и Дария золото расценивалось в $13\frac{1}{3}$ раз дороже серебра (согласно отношению 40:3). Округляя отношение стоимости электра к серебру до 1:10, получаем отношение его стоимости к стоимости чистого золота 3:4 (или $1:1\frac{1}{3}$), что отвечало бы составу сплава, содержащего 75 % золота и 25 % серебра [41. С. 39, прим. 109; 77. С. 129, прим. 39—40]. Это в точности или близко соответствует высказываниям поздних представителей античной образованности: Плиний пишет, что электр содержит четыре части золота и одну серебра, а ученый комментатор «Энеиды» Сервий и весьма эрудированный книжник готской Испании Исидор прямо определяют его как сплав, в котором на три части золота приходится одна часть серебра [179. Ч. 1. С. 357—359].

4. Хотя многие исследователи готовы были признать, что электр кизикинов действительно расценивался в Греции как сплав из трех частей золота и одной части серебра, современные ученые считают это невозможным. Причем отмечают, с одной стороны, низкое содержание золота в этих монетах, а с другой — курс кизикских статов в Афинах в конце V в. до н. э. Не останавливаясь на проблеме относительной стоимости драгоценных металлов в древнем мире, отметим, что и частный вопрос о курсе кизикинов на афинском рынке далек от окончательного решения — приходится считаться с тем, что документы, содержащие прямые сведения об оценке определенных количеств кизикинов в аттическом серебре, сохранились крайне фрагментарно, причем в решающих местах повреждены или отбиты не только цифровые знаки, но и названия тех или иных сортов монет. Таким образом, заключения о вероятном дополнении утраченных частей текста надписей основываются либо на общих представлениях об относительной стоимости драгоценных металлов, откуда определяется и курс кизикинов, либо, напротив, реконструкция текста надписей опирается на соображения о нормальном курсе кизикинов (разумеется, исходя из их золотого содержания) или других сортов монет, и отсюда вычисляется относительная стоимость золота и серебра. Поэтому, на наш взгляд, весьма сдержанная оценка Б. В. Хэдом первых попыток интерпретации афинских финансовых документов не лишена основания [215. С. 522—523]. Тем более, что почти все надписи с указаниями на курс кизикинов относятся ко времени Пелопоннесской войны, настолько глубоко затронувшей основы экономической жизни Афин, что и тарификация кизикских статов, дариков и других иноземных золотых монет в эти годы вряд ли соответствовала их рыночному курсу в предшествующие и последующие десятилетия.

Если, как предположено выше, рыночный курс кизикинов основывался первоначально не на их действительном золотом содержании, а на преувеличенных представлениях о ценности «белого золота», то открытие искусственного сплава золота с серебром и внедрение его в монетное производство не могли не подорвать доверия не только к митиленско-фокейским гектам, которые уже в начале IV в. до н. э. изготовлялись из такого сплава, но и вообще ко всем монетам из электра, тем более, что и Кизик, по всей вероятности, не остался в стороне от использования технических новшеств, суливших вначале немалое увеличение доходов от чеканки. Другой побудительной причиной могло быть истощение месторождений Малой Азии, о котором сообщает Страбон [XIII, 591; XIV, 680]. Недалековидность такой денежной политики не могла не обнаружиться уже сравнительно скоро, и в то время, когда расцветает золотая чеканка соседнего Лампсака, Кизик оказывается вынужденным постепенно свернуть выпуск своих прославленных монет (ср. § 10).

Одновременно с уменьшением объема кизикской электровой чеканки идет и процесс вытеснения кизикинов из обращения. Показательно в этом отношении, что все их находки в составе кладов на территории Ионии и собственно Греции не выходят за пределы V — начала IV в. до н. э. [283. № 43, 47, 1171, 1194, 1223, 1234]. С другой стороны, если в афинских финансовых документах второй половины V в. до н. э. кизикины упоминаются многократно и притом в значительных количествах, если в это же время о них вспоминают аттические комедиографы, а Лисий говорит о десятках и сотнях кизикских статеров, принадлежащих в конце V в. отдельным зажиточным афинянам [231.—С. 45—57], то в списках лиц, совершавших в 60-х годах IV в. до н. э. пожертвования в казну дельфийского святилища, лишь однажды упоминается единичный кизикский статер как дар гражданина Париона на южном берегу Мраморного моря [12. № 239, S — III, 1—4]. Демосфен, в свою очередь, упоминает кизикины в третьей четверти того же века исключительно в связи с черноморской торговлей [XXXIV, 23; XXXV, 36], и именно здесь в кладах резко преобладают статеры наиболее поздней группы [283. № 1011—1013, 1239], порой значительно изношенные в процессе обращения [283. № 726].

5. Возвращаясь к ольвийскому декрету о деньгах, который относится ко времени, когда Кизик прекратил или стоял накануне прекращения эмиссии своих статеров, можно думать, он отражает реальный курс, сложившийся в период упадка электровой чеканки. Курс этот невысок — выше показано, что стоимость электра по отношению к серебру определялась как 1:6,375 (§ 11.2). Ясно, что ольвиополиты исходили не из того, что кизикин состоит на 75 % из золота (в таком случае рацию золота оказалось бы непомерно низким — немногим больше 8¹⁵). С другой стороны, если ольвиополиты исходили из того, что сплав кизикинов состоял из трех частей золота и двух серебра, то золото здесь уже во время принятия закона о деньгах стоило в десять раз дороже серебра ¹⁶.

Такая оценка кизикинов довольно близка тем данным об их составе, какие можно получить единственным способом, известным в греческом мире до открытия закона Архимеда, т. е. испытанием на пробирном камне [179. Ч. 1. С. 70—71]. Чрезвычайно показательно, что данные пробирного анализа монет из Орловского клада, зарытого, скорее всего, в 30-х годах IV в. до н. э. [34. С. 86] и отражающего характерные особенности кизикинов, обращавшихся на рынках Северо-Западного Причерноморья во времена действия ольвийского декрета, свиде-

¹⁵ Принимая вес кизикина за 16 г при сплаве, состоящем из 75 % золота и 25 % серебра, в монете было бы 12 г золота и 4 серебра, откуда $R = [(12 \times 8,5) - 4] : 12 = 8,176$.

¹⁶ Если кизикин содержит 9,6 г золота и 6,4 г серебра, то $R = [(12 \times 8,5) - 6,4] : 9,6 = 9,958$.

тельствуют о сравнительно высоком содержании золота. Действительно, почти 75 % монет (57 экз. из 71) содержат 53 %, одна монета — 50, одна — 58, а остальные 12 — от 54 до 56 % золота [34. С. 81, табл. I]. Учитывая заведомую неточность определения состава металла на пробирном камне, приходится полагать, что Каноб и его сограждане в общем верно установили стоимость кизикских статеров по отношению к собственному серебру.

Принимая, что в Ольвии между 340 и 330 гг. до н. э. установилась относительная стоимость золота и серебра как 1:10, пришлось бы согласиться с учеными, считавшими, что уже Филипп II чеканил свои монеты на основе этого соотношения [266. С. 52—53; 215. С. 222—223; 183. С. 31]. Другие исследователи полагали, что чеканка Филиппа была начата на основе соотношения 1:12 [293. С. 192; 236. С. 440] и даже 3:40 [179. Ч. 2, т. 4.—С. 506]. Однако имеется основание согласиться с выводом о том, что цена золота в Афинах в конце первой половины IV в. до н. э. упала от соотношения 1:12 до 1:10 [239]. Так как чеканка царских золотых монет началась в Македонии не в 356 г. до н. э., как полагали многие [205. С. 423; 215. С. 222; 179. Ч. 2, т. 4, С. 507—508], и не между 356—348 гг. до н. э. [275. С. 200—201; 293. С. 177—181], а лишь в 342 или даже в 340 г. до н. э. [236. С. 428—434], нет ничего невозможного в том, что она действительно основывалась на отношении стоимости золота к стоимости серебра как 1:10 [239. С. 110]. Разумеется, этот курс не везде утвердился сразу — дельфийские надписи показывают, что в начале правления Александра это ratio равнялось 1:10 (золотой статер Филиппа разменивался на семь серебряных эгинских статеров) [12. № 251, Н-II. 9—10], а в год его смерти колебалось между 10 (золотой дарик приравнивали к семи статерам) [12. № 251, Н-II. 10—11] и 10,75 (тот же дарик равен семи с половиной статерам) [12. № 252, N. 7—8].

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ОЛЬВИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (начало III — середина I в. до н. э.)

§ 12. СТАБИЛИЗАЦИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА НА ОСНОВЕ ЗОЛОТОГО СТАНДАРТА (ОКОЛО 300—250 г. до н. э.)

1. Прекращение выпуска собственных золотых гемидрахм (рис. 12, 10) [70. Табл. XXXII, 8] не отразилось на завершившемся к концу IV в. до н. э. переходу Ольвии к основанной на золотом стандарте эллинистической монетной системе. Надписи III в. до н. э. упоминают о сотнях и тысячах «золотых» [10. № 32; 9. № 28, 31], и это подтверждают находки в городе статеров Филиппа Арридея и Лисимаха (рис. 12, 5, 13) [125; 88], которые, как показывают клад из Лубянки [283. № 1111] и отдельные находки в Херсонской и Запорожской областях [37. С. 66, № 1—2], проникали в Нижнее Поднестровье. Подобные находки известны во всем Северо-Западном Причерноморье [37. С. 57, 64—68] и доказывают, что весь этот обширный регион входил в зону обращения золотых статеров Македонии и эллинистических государств.

Проникновение золотой монеты в денежное хозяйство древнегреческого мира и переход к ней основных функций денег приводят к постепенному превращению серебряных монет во вспомогательное средство обращения, так что их металлическое содержание не зависит от относительной стоимости драгоценных металлов, «а произвольно устанавливается законом» [1. С. 94—95; 5. С. 326]. Крутая ломка привычных представлений о серебре как о монетном металле по самой своей природе своеобразно отразилась в сознании современников Александра и диадохов, которые «старались удержать денежную единицу, массу металла, принимаемую за меру, также и в качестве стоимости, стремятся также и эту стоимость рассматривать в качестве твердой, неизменной меры» [5. С. 313]. Подобное противоречие между реальными фактами и традиционными воззрениями порождало представление о всемогуществе государства в сфере денежного обращения — ведь в процессе обращения монета имеет тенденцию «сублимироваться в чистый знак стоимости, который в качестве такового нуждается в законом установленном и законами вынуждаемом признании» [6. С. 419].

Складывающиеся на золотой основе монетные системы эллинистического мира включают такие моменты, как переход многих эмитентов к «легким» и «облегченным» весовым нормам серебряных номиналов, ухудшение качества монетного серебра; повсюду или почти повсюду в городской чеканке наблюдаются резкие скачки индивидуальных весов внутри одновременных эмиссий одного и того же номинала серебряной монеты. Все это — верные признаки того, что опыт постепенно приучает финансовые органы греческих государств рассматривать серебро как простое вспомогательное средство обращения. Многие города, наконец, чеканившие в прошлом серебряную монету, довольствуются теперь выпуском для внутреннего обращения одной только меди, а те центры, где в рассматриваемое время начинается собственная чеканка, с самого начала ограничиваются эмиссиями разменной меди для городского рынка. К числу первых, если говорить о соседях Ольвии, принадлежат Тира, Истрия, Аполлония, к числу вторых — Томи или Дионисополь. Разумеется, были и государства, которые упорно отстаивали монометаллическую систему, основанную на серебре; в Причерноморье к их числу принадлежал Херсонес, а в Восточном Средиземноморье — Афины. Картина усложняется тем, что многие государства чеканили для внешних рынков не только золотые статеры, но и серебряные тетрадрахмы с типами Александра и Лисимаха.

2. Описанные изменения затронули и денежное хозяйство Ольвии. При возобновлении эмиссии серебра ольвиополиты предпочли эгинской и аттической системам основанную на сравнительно легкой хиосской драхме (идеальная норма — 3,9 г) [70. С. 44; 229. С. 239; 273. С. 231—233]. С момента распада Афинской державы эта система быстро распространяется по всему эллинскому Востоку; решающую роль в этом сыграл Родос [205. С. 298—311; 86. С. 10—11, прим. 12—15], и потому ее часто называют родосской.

Стремительное распространение хиосско-родосской системы сопровождалось таким же быстрым падением ее исходной весовой нормы — на Родосе драхма к концу IV в. до н. э. упала чуть ли не до 3 г [179. Ч. 2, т. 2. С. 1011—1028], и такие монеты практически приравнивались к тетроболу персидской, пентоболу аттической и даже триболу эгинской системы. Ольвийские монеты, чеканенные по хиосско-родосской системе, предназначались, главным образом, для внутреннего рынка — находки их вне города неизвестны, проба серебра понижается до 700, 500 и даже 375 промилей; к тому же в III в. до н. э. ольвиополиты чеканили преимущественно драхмы и гемидрахмы, а тетрадрахм, которые служили в этой системе интерлокальной торговой монетой, вообще не изготавливали.

Гемидрахмы появились в монетной системе Ольвии еще в пору господства эгинской системы — одновременно с поздними статерами с изображениями Деметры и городской эмблемы; на

реверсе этих небольших монет представлен, как и на золотых гемидрахмах, плывущий дельфин [254. Табл. IX, 15; 70. Табл. XXXII, 7]. А. Л. Бертье-Делагард и А. Н. Зограф соединяли эти монеты, лишенные, как и входящие с ними в одну серию статеры, всяких буквенных дифферентов, с подобными монетами, но имеющими сокращения имен [30. С. 64, № 9; 70. С. 128, 130]. Однако монеты без сокращений и с сокращениями принадлежат к разным весовым системам: первые, как уже отмечено, — гемидрахмы эгинской системы со средним весом 2,96 г, тогда как вторые — драхмы родосской системы, их средний вес составляет 3,6 г [76. С. 53—54, табл. IV, 2—14]. Открывающие этот ряд драхмы с сокращением АГА (рис. 7, 5) [76. Табл. IV, 2] объединяются этим именем с уникальным статером с головой Аполлона и городской эмблемой [254. Табл. IX, 9; 76. Табл. IV, 1]; к последним драхмам с их своеобразным, даже небрежным стилем [268. Табл. VII, 9, 10; 76. Табл. IV, 12—14] примыкают немногочисленные монеты с эмблемой на реверсе [254. Табл. X, 11; 76. Табл. IV, 15—17].

Эмиссия серебра была продолжена серией статеров (типы: Деметра под покрывалом и городская эмблема) [254. Табл. X, 9; 85. Табл. I, 1, 2], драхм с несколькими сменяющимися типами [85.—С. 17—21] и гемидрахм (типы: Деметра анфас и дельфин) [254. Табл. X, 10; 85. Табл. I, 5—9]. Судя по именным сокращениям, в ряду драхм сменяются монеты с Деметрой и эмблемой [254. Табл. X, 11; 85. Табл. I, 3], с бородатой головой анфас и дельфином [268. Табл. VII, 6; 85. Табл. I, 4] и, наконец, с профильным изображением юного Геракла, лука в горите и секиры [85. Табл. I, 10—17; 13. Табл. IV, 35]. Близость этой серии к предыдущей определяется тем, что одна из драхм с Гераклом перечеканена из драхмы с Деметрой и дельфином (рис. 7, 5, 6).

Абсолютную датировку перечисленных серий серебра можно наметить лишь примерно. Однако поскольку поздние эгинские статеры относятся к последнему десятилетию IV в. до н. э. (§ 11), а тесно связанные с ними гемидрахмы чрезвычайно близки по стилю к первым родосским драхмам с именами [268. Табл. VII, 9, 10; 76. Табл. III, 15—17; IV, 2—5], начало их эмиссии следует датировать концом первого или началом второго десятилетия III в. до н. э. На драхмах с Деметрой и дельфином и примыкающих к ним драхмах с ольвийской эмблемой известно более двух десятков сокращений, а так как нет оснований считать эту эмиссию ежегодной и игнорировать достаточно заметные стилистические различия между ее начальными и конечными звеньями [76. Табл. IV], следует продолжить время чеканки монет этой серии до последнего десятилетия первой половины III в. до н. э. Вторая серия датируется в данном случае примерно серединой III в. до н. э. [85. С. 22].

Если в Ольвии в первой половине III в. до н. э. обращались золотые статеры македонских царей и Лисимаха и серебряные

монеты собственной чеканки, то каково соотношение между ними? Принимая во внимание изменение роли серебряной монеты в эту эпоху, приходится признать, что мы лишены возможности проследить за колебаниями курса ольвийской драхмы и речь может идти лишь об определении наиболее вероятного расчетного отношения между золотыми статерами и местным серебром. Так как вначале ольвиополиты все еще считали свое серебро хиосско-родосской системы полноценными деньгами, курс его должен отражать в некоторой степени отношение между стоимостями соответствующих драгоценных металлов. Ввиду неизбежной гипотетичности подобных расчетов результаты их могут иметь лишь ориентирующее значение; нелишне все же заметить, что при радио золота и серебра 1 : 10 золотой статер аттической системы весом 8,5—8,4 г в точности соответствовал 25 хиосско-родосским драхмам весом по 3,40—3,36 г (средний вес всех 90 известных драхм Ольвии первой половины III в. до н. э. составляет 3,37 г). Поэтому имеются основания полагать, что такой простой и удобный курс может считаться наиболее вероятным выражением расчетного отношения ольвийской серебряной драхмы хиосско-родосской системы к золотому статеру аттической системы.

3. Изменение функций серебра и все более проявляющаяся тенденция к превращению серебряной монеты в простой знак стоимости сопровождалась повышением роли старших номиналов меди в процессе денежного обращения. В Ольвии это отнесется прежде всего к оболам с изображениями Борисфена и оружия, эмиссия которых была начата одновременно с попыткой чеканки золотых статеров, затем приостановлена при переходе от выпуска первой группы серебряных эгинских статеров ко второй и возобновлена на рубеже IV—III вв. до н. э. (§ 10). Выпуск борисфенов продолжался и в III в. до н. э., причем они представлены несколькими десятками однотипных выпусков, различающихся не только размерами, весом и стилем, но и сокращениями личных имен в виде первых слогов или монограмм [70. Табл. XXXII, 14—22; 13. Табл. IX, 214—223].

Научная классификация борисфенов впервые разработана А. Н. Зографом. Эти монеты «естественно складываются», по его заключению, «в группы, объединенные единством стиля лицевой стороны»; таких групп автор насчитывает 12 и располагает их «в порядке вероятной стилистической последовательности». По весу выделенные группы разбиваются на три категории — «старшие» со средним весом около 10—11 г, «средние» (около 9 г) и «младшие» (5—6 г). Первые чеканены аккуратно, на правильных, индивидуально изготовленных кружках, остальные — небрежно, на кружках со скошенным гуртом и следами отрубав литников [70. С. 130—131].

Приведенная классификация борисфенов, несомненно, верна, но изложена она настолько сжато, что ни входящие в каждую из групп дифференты, ни количество групп в трех указанных

Т а б л и ц а 4. Сокращения на ольвийских борисфенах

1	2	3	4	5	6	7
Ε	Ε	Φ	Π	Μ	Φ	Ε
8	9	10	11	12	13	14
Θ	Π	Ι	Α	Δ	Κ	Κ
15	16	17	18	19	20	21
Κ	N	Η	Χ	ΑΡ	ΙΚ	ΦΙ
22	23	24	25	26	27	
Α	ΣΩ	ΠΟ	Ε	Λ	ΣΥ	
28	29	30	31	32	33	34
Ι	Ι	ΝΑ	Α	Α	ΑΡΙ	ΑΡ
35	36	37	38	39	40	
ΕΚ	ΔΙ	ΘΕ	Η	Γ	Α	
41	42	43	44	45	46	47
ΑΡ	ΔΙ	ΑΛ	ΘΕΥ	ΛΕ	ΝΟΥ	ΝΟ
48	49	50	51	52	53	54
ΑΚ	ΙΚ	ΑΡ	ΜΟΙ	ΦΩ	Ε	Μ
55	56	57	58	59	60	61
Ι	Ι	Α	ΜΕ	ΜΗ	ΝΙ	ΑΘ
62	63	64	65	66	67	68
Ω	Ω	Ω	ΗΡ	Τ	ΕΥ	ΒΟΣ
69	70	71	72	73		
Α	Μ	Μ	Μ	Β		
74	75	76	79	78		
Φ	Ε	ΧΕ	Ε	ΙΟΜ		
79	80	81				
ΔΗ	ΑΙ	Α				
82	83	84	85	90	92	
Α	Α	ΜΗ	Μ	ΣΥΜ	ΑΡ	
86	87	88	89	91	93	
ΜΒ	ΜΒ	ΜΕ	ΜΒ	ΑΡΙ	ΕΠΙ	

категориях нельзя установить. Да и наблюдения над стилем, фактурой и весами монет могут быть дополнены и уточнены путем выделения среди стилистически близких выпусков таких экземпляров, которые, имея на реверсе разные сокращения или монограммы, связываются общностью штемпелей их лицевых сторон; таким путем не только контролируется состав групп, но и определяется последовательность выпусков с различными

дифферентами внутри каждой группы. Результаты такого анализа представлены в табл. 4.

Не повторяя детального описания всех различий между группами борисфенов [100. С. 64—71], заметим, что на них зарегистрировано более 70 (72 или 73) сокращений¹⁷, которые обычно истолковывались как обозначения ежегодно сменявшихся магистратов — городских эпонимов или монетчиков. Учитывая, что могут быть найдены монеты с ранее неизвестными дифферентами и что фактура и стиль этих монет допускают возможность разрывов в их цепи, общую продолжительность всей рассматриваемой эмиссии оценивали примерно в сто [120. С. 44; 29. С. 91] или, по крайней мере, в 70—75 лет [70. С. 131]. Попытка объявить эти монеты выпусками особых коллегий, состоявших сначала из шести, а потом из двух членов, каждый из которых составлял на одновременно поступавших в обращение борисфенах свои личные обозначения, так что весь период их выпуска составлял 16 лет и уж никак не более двух-трех десятилетий [22. С. 16—26], не выдерживает критики. Не говоря о том, что подобная практика неизвестна греческому миру, такое сокращение времени эмиссии борисфенов опровергается и эволюцией их стиля, и изменением фактуры монетных кружков, и стремительным темпом падения веса. Этой гипотезе противоречат и данные о находках борисфенов в археологических комплексах [160. С. 110—113].

Различая на борисфенах именные обозначения более 70 ольвийских магистратов, нельзя принимать, что время их выпуска в точности соответствует такому количеству лет. Если монеты четвертой группы (табл. 4, 28—40) [100.—Табл. III, 9—IV, 12] сливаются с монетами пятой (табл. 4, 41—68) [100. Табл. V—VII], а эти последние — с одним из вариантов шестой группы (табл. 4, 69—78) [100. Табл. VIII, 2, 5, 6, 9], то монеты самой ранней группы (табл. 4, 1—14) [100. Табл. I] настолько отличаются от монет второй (табл. 4, 15—21) [100. Табл. II], а монеты третьей (табл. 4, 22—27) [100. Табл. III, 1—8] — от монет обеих смежных групп, что во всех этих случаях приходится допускать перерывы. Это же относится к переходу от средних групп к младшим (табл. 4, 78, 79) [100. Табл. VIII, IX]. Учитывая все это, продолжительность всей эмиссии следует оценивать в 85—90 лет, и если исходный пункт чеканки борисфенов относится к началу последней четверти IV в. до н. э. (§ 10. 3), то их заключительные выпуски датируются 245—235 или 240—230 гг. до н. э.¹⁸

¹⁷ Сокращения № 1—2, 7—8, 13—14, 28—29, 31—32, 33—34, 39—41, 46—47, 55—56, 62—64, 70—73, 75—77, 80—81, 82—83 и 84—87 следует рассматривать как графические варианты одних и тех же имен [100. С. 71—72].

¹⁸ Вторая группа (7 годовых сокращений) приходится на конец IV — начало III в. до н. э. (§ 10.3), третья (6 выпусков) — на рубеж первого и второго десятилетий, четвертая — шестая (всего 37 выпусков) относятся к концу 80-х — началу 40-х годов III в. до н. э.

Эволюция средних весов, установленная для борисфенов А. Н. Зографом [70. С. 130—131], требует лишь небольших уточнений. Средний вес самых ранних выпусков (табл. 4, 1—8) колеблется от 11 до 10 г, затем постепенно снижается (табл. 4, 9—14), задерживаясь в первых выпусках второй группы (табл. 4, 15—19) на уровне 9,4—9,2 г; в течение всего этого времени эмиссия, судя по количеству учтенных экземпляров, была примерно одинаковой по интенсивности. В последних выпусках этой группы (табл. 4, 20, 21) резко возрастает количество монет и одновременно заметно снижается их средний вес (до 8,8—8,7 г). В дальнейшем средний вес стабилизируется и остается практически неизменным в третьей — шестой группах (табл. 4, 22—78); интенсивность чеканки несколько снижается и, если оставить в стороне некоторые редкие выпуски (например: табл. 4, 30, 48—50, 52, 78), становится равномерной. Затем происходит быстрое измельчание борисфенов и последовательное падение их веса — от 7—6,7 г для седьмой (табл. 4, 79—81) до 5—4 г для заключительной группы (табл. 4, 92—93) [100. С. 70—71, табл. I]; столь же неуклонно увеличивается от группы к группе интенсивность эмиссий [100. С. 76—77, табл. 4, рис. 1].

В течение первой половины III в. до н. э. борисфены являлись, судя по всему, единственным выпускавшимся сортом бронзовой монеты — из всех разновидностей разменной меди только монеты с изображениями Тихе и лучника [254. Табл. X, 1—3; 13. Табл. VII, 152—160] могут рассматриваться как одновременные второй и третьей группам борисфенов [141; 89. С. 87—96]. Этого, однако, нельзя доказать с полной убедительностью, так как сокращения на указанных монетах с лучником не позволяют выделить выпуски, в точности отвечающие тем или иным годовым эмиссиям борисфенов. Так же, к сожалению, обстоит дело и с серебряными монетами первой половины III в. до н. э.: выпуск их приходится на тот же период, что и эмиссия борисфенов третьей — пятой групп, но даже те из драхм, сокращения имен на которых можно без натяжки сопоставить с некоторыми дифферентами на борисфенах, располагаются в совершенно иной последовательности. Следует ли на этом основании утверждать, что чеканка борисфенов находилась под контролем особых должностных лиц, решить трудно, однако постановка такого вопроса возможна, поскольку эти монеты занимают особое место среди других ольвийских эмиссий.

На особое место борисфенов в денежном обращении Ольвии обратил внимание А. С. Уваров, утверждавший, правда, без какой-либо аргументации, будто они «заменяли древние ассы» [159. С. 110]. Эта догадка получила дальнейшее развитие в работе А. Л. Бертье-Делагарда, который считал борисфены прямыми преемниками литых монет, а именно дихалками, выпущенными в ходе своеобразной «триентальной редукции» полноценной меди. Они были в ходу еще при Протогене, и выражение *ek tetrakosiōn* в посвященном ему декрете [10. № 32, А. 71, В.

43, 44] означает, что весовое соотношение стоимости меди и золота, ранее принимавшееся равным 1 : 1200, стало в результате упомянутой редукции выражаться соотношением 1 : 400 [29. С. 86—93]. Это остроумное, но непрочное построение подверг критике А. Н. Зограф, который полагал, что курс борисфенов является следствием двойной редукции полноценной литой монеты: сначала вес ассов был уменьшен в пять раз, а затем еще вдвое, так что борисфены легче своих литых предшественников не в три, а в десять раз. По номиналу они являются, однако, не дихалками, а оболами. Слова «из четырехсот» в декрете А. Н. Зограф понимает как выражение чисто счетного, а не весового отношения золотых статеров к меди, которое сложилось еще до окончательной редукции ассов. Борисфены пришли на смену литым оболам, входившим в серию крупного ольвийского серебра эгинской системы; таких медных полновесных оболов на драхму аттической системы должно было приходиться уже не шесть, а только четыре, т. е. 80 на золотой статар, равный 20 серебряным драхмам. Так как первая из предполагаемых А. Н. Зографом редукций уменьшила вес литых монет в пять раз, то золотой статар стал размениваться на 400 медных монет. Почему счетное отношение не изменилось и после второй из конструируемых А. Н. Зографом редукций, когда уменьшенные литые монеты были заменены чеканенными и вдвое убавленными в весе «борисфенами», автор не объясняет [70. С. 128, 129—133].

Искусственность взглядов А. Л. Бертье-Делагарда в достаточной мере показана А. Н. Зографом, но в основе выводов последнего лежат столь же недоказуемые и еще более сложные гипотезы о редукции литых монет. Не останавливаясь на их критике (ср. § 6, 8, 9), подчеркнем, что тесно связанные с золотой монетой борисфены (§ 10) долго служили в Ольвийском полисе основным платежным средством. Длительность их выпуска, оригинальность и устойчивость типов, последовательно выдержанный принцип снабжения каждого годового выпуска особым обозначением, отсутствие младших номиналов и находка в кладе борисфенов двух серебряных статеров [22. С. 3, 31, рис. 1, 1, 2] — все это подтверждает правильность общего заключения А. Н. Зографа, что эти монеты представляли «особый, самостоятельный ряд денежных знаков, обращавшихся на отличия от других чеканенных монет основаниях и имевших номинальную стоимость, значительно превышавшую их фактическую металлическую ценность» [70. С. 131].

4. Особое место борисфенов в денежном обращении подтверждается и тем, что они были, по-видимому, единственным сортом ольвийской чеканенной медной монеты, который получил сравнительно широкое распространение за пределами города. Не стремясь к абсолютной полноте данных, отметимклады этих монет у с. Котелино близ Ольвии [283. № 1081], в долине Кургурана [283. № 1085; 114], в Муригиоле на Нижнем Дунае [283. № 848; 113. С. 167, прим. 14], а также у с. Токаревка (Поня-

товка) на Днепре [283. № 1082], в Донцовой балке у того же села¹⁹ и на Каменском городище [283. № 1075]. Отдельные находки борисфенов III в. до н. э. (т. е. второй и следующих групп) известны на поселениях, расположенных к юго-западу от Ольвии (Закисова балка I, Петуховка I, Очаков, Березань, Кошары) [148. С. 43—44, рис. 6; 174. Табл. I, 4—8; 149. Рис. 4, 4; 79. С. 88, № 9—16; 57. Рис. 1, 4—6], на побережье Одесского залива [57. С. 247, прим. 29—32], на обоих берегах Нижнего Дуная [113. С. 170—171, № 35; 116. С. 181, № 11]. Встречаются борисфены III в. до н. э. и к северо-востоку от Ольвии (Чертоватая балка, Котелино I, Козырка II, Малая Корениха I, Дидова хата, Варваровка I) [148. С. 144—145, рис. 6; 160], включая низовья Ингульца (Александровка, Василевка)²⁰ и Днепра (Херсон, Антоновка) [20. С. 31, № 3]. Такие находки зарегистрированы и в Херсонесе и на поселениях Северо-Западного Крыма [97. С. 160—164], в Пантикапее [94. С. 140, прим. 1, е], в Нимфее [51. С. 77, № 88] и в Кепах²¹. Они засвидетельствованы, наконец, на о-ве Левке [113. С. 168, № 18—21, с. 169, № 10—11], в Тире, Истрии и Каллатии [113. С. 170—173, № 15, 16, 40, 44]. Разумеется, в Таврику и на западное побережье Понта эти монеты попадали случайно, но не приходится сомневаться, что на поселениях Нижнего Побужья и прилегающих районов они выполняли функции денег.

Из других ольвийских монет рассматриваемого времени вместе с борисфенами встречаются лишь монеты с Деметрой и лучником [254. Табл. X, 1—3; 13. Табл. VII, 152—160]. Их находки отмечены на Березани [79. С. 88, № 17, 18], на поселениях Дидова хата I, Козырка II, Чертоватое II (усадыба 2), Закисова балка I, Петуховка I [148. С. 45 рис. 6; 160; 174. Табл. I, 13] и далее к западу — на Роксоланском городище [60. С. 119, № 69] и на о-ве Левке [113. С. 168, № 13, 14, с. 169, № 13]. Что касается иноземных монет, то в Ольвии зарегистрированы единичные находки медных монет македонских царей и Лисимаха (рис. 12, 6, 12, 15). Тиры и западнопонтийских городов (рис. 12, 9, 10, 17) [67. С. 217; 90. С. 58], фракийского царя Севта (рис. 12, 16) [90. С. 49—55, рис. 1, 1], Херсонеса и Керкинитиды (рис. 12, 18; 13, 5) [97], Пантикапея (рис. 12, 19; 13. 8). Из более отдаленных центров происходят монеты Византия, Кардии (рис. 12, 14; 13, 11), Афин, Приены, даже сирийского царя Антиоха I Сотера и одного из египетских Птолемеев (рис. 13, 6, 7). Все эти монеты вряд ли служили в Ольвии реальным платежным средством и должны скорее рассматриваться как свидетельство связей между ольвиополитами и гражданами других центров греческого мира, дополняющее немногочисленные сообщения письменных документов.

¹⁹ Клад (136 определимых монет) готовится к публикации.

²⁰ Сообщение А. В. Добровольского.

²¹ Сообщение Е. А. Молева.

§ 13. КРИЗИС ДЕНЕЖНОГО ХОЗЯЙСТВА ОЛЬВИИ
(ОКОЛО 250—200 г. до н. э.)

1. Во второй половине III — первой половине II в. до н. э. функции денег оставались в Ольвии за золотой монетой. Хотя из находок на территории города можно назвать только один статер, который относится к чеканенным во II в. до н. э. в Одессе посмертных эмиссий с именем Лисимаха (рис. 12, 1) [88. С. 98, № 3], и ближе неизвестную мелкую золотую монету одного из Птолемеев [37. С. 70], в надписях второй половины III — II в. до н. э. неоднократно встречаются указания на золотые, которыми выражаются не только крупные денежные суммы при отсылке очередных «даров» властителям соседних племен или при оценке общественных работ, но и жертвенные венки, и стоимость хлеба на городском рынке [10. № 32; 9. № 34, 68]. Вместе с тем ухудшающееся материальное положение Ольвии — уже во второй четверти III в. до н. э. городу пришлось прибегнуть к займу у богатого херсонесского гражданина Аполлония [9. № 28, 29] — не позволило ей приступить даже к эпизодической эмиссии золотых статеров лисимаховского типа, как это сделали Калхедон и Византий [277; 300], Одесс [254. С. 521—522] и даже Тира [70. С. 100, 114]. В последней четверти III в. до н. э. была надолго приостановлена и чеканка серебра. Это отсутствие собственных монет из драгоценных металлов должно рассматриваться как один из симптомов денежного кризиса.

Для небольших греческих полисов, лишенных собственных источников благородных металлов, чеканка золота и серебра вообще порождала немалые трудности, которые увеличивались в то время, когда золотая монета быстро распространялась в Восточном Средиземноморье. Курс денег, казавшийся уже Аристотелю вполне зависимым от усмотрения законодателей [1. С. 100], подвергался постоянным колебаниям и, как показывают примеры, собранные во второй книге псевдо-Аристотелевой «Экономики», действительно зачастую испытывает произвольные воздействия правителей и финансовых властей. В такое время для греческих государств, пополнявших свои запасы драгоценных металлов главным образом или исключительно благодаря сохранению активного торгового баланса, представлялось благоразумным воздержаться от чеканки золотой и даже серебряной монеты, ограничиваясь в сфере внутреннего обращения выпуском медной монеты с обязательным для населения курсом. В этом же направлении действовала и свойственная начальным периодам товарного обращения тенденция к накоплению драгоценных металлов в качестве сокровищ [1. С. 110; 2. С. 141, 144—145], наиболее настойчиво проявлявшаяся в период, когда племена Поднепровья и Побужья стали испытывать угрозу сарматского вторжения с востока и продвижения бастарнов с запада. Именно к этой бурной эпохе относятся крупные клады золотых монет из Нижнего Подунавья [283. № 865, 866, 876], и

не приходится сомневаться, что изменения этнокультурной карты Северо-Западного Причерноморья усложнили проблему снабжения Ольвии зерном, и притом не только для вывоза, но и для потребления его населением.

Прекращение выпуска монет из благородных металлов в условиях сокращения внешней торговли и при наличии постоянной военной угрозы со стороны воинственных соседей приводило к тому, что количество реально обращавшейся в городе золотой монеты значительно сокращалось. Золото стало постепенно превращаться в идеальные счетные деньги, а на рынке практически безраздельно господствовала медь, так как в условиях надвигающегося кризиса и серебряная монета прежних выпусков исчезала из обращения. В итоге документы конца III в. до н. э. определяют стоимость жертвенных животных, которых можно было приобрести при храмах, в медных монетах [10. № 76]. В той мере, в какой государство еще пыталось погасить свои долги, оно стремилось и производить уплату медью по определенному курсу, хотя сумма его обязательств выражалась в золотых статерах и проживавшие в Ольвии иностранцы стремились получить причитающиеся им выплаты золотом [10. № 32, А. 70—71, В. 40—44; 9. № 28+29].

Превращение медной монеты в основное средство обращения при сохранении за золотыми статерами функции меры стоимости еще не было само по себе разрушением полисного рынка — оно лишь свидетельствовало о превращении серебряной и медной монеты в знак стоимости. Однако обращение законченной формы знака стоимости, выросшей непосредственно из простого товарного обращения, заключало в себе потенциальную возможность финансового краха: ведь отношение, в котором знак стоимости замещает определенное весовое количество золота, соответствующее установленной монетной цене, зависит от количества таких знаков, находящихся в обращении [1. С. 103]. «Их поэтому можно выпускать лишь в таком количестве, которое абсолютно требуется для мелкой розничной торговли и исключает возможность их накопления» [5. С. 328]. Но выпуск медной монеты с принудительным курсом был настолько простой и привычной операцией, расширение эмиссий сулило такие явные и, на первый взгляд, несомненные выгоды, что государству, которому представлялась возможность бросить в обращение любое количество медной монеты по произвольно установленному курсу, практически невозможно было избежать искушения улучшить этим несложным и недорогим способом положение городских финансов. Ведь ольвийские и вообще древнегреческие финансисты еще не убедились на практике, что «если бы искусственно было пущено в обращение большее количество разменных денег, чем требуется обращением, и если бы это количество не могло уходить из обращения (что здесь не имеет места, так как эти деньги в качестве средства обращения имеют стоимость, превышающую их внутреннюю стоимость), то

они были бы обесценены» [5. С. 328]. Между тем именно это и произошло, и хотя, по существу, обесценение медной монеты явилось закономерной «реакцией процесса обращения, насильственно приравнивавшего знаки стоимости тому количеству золота, вместо которого они обращаются» [1. С. 103], в Ольвии, экономика которой переживала серьезные трудности в связи с сокращением объема торговли с племенами Приднепровья и Побужья и в результате разорения собственной земледельческой базы в ходе участвовавших военных конфликтов, начавшийся финансовый кризис вышел за рамки сферы обращения и способствовал нарастанию и обострению кризиса полисного организма в целом.

Руководители финансового управления Ольвии оказались перед затруднениями, от понимания подлинной социально-экономической природы которых они были весьма далеки, — ведь само обращение знаков стоимости ставит на голову, по образному выражению К. Маркса, все законы действительного денежного обращения и противоречит на первый взгляд здравому смыслу [1. С. 104]. Неудивительно, что единственное средство борьбы с открывшимися трудностями усматривалось, как показывают ольвийские монеты второй половины III — первой половины II в. до н. э., в повторяющихся подтверждениях принудительного курса находившихся в обращении монет путем изменений монетной стопы, частого изменения типов, наложения на монеты различных клейм и даже с помощью их массовой перечеканки. Разумеется, при постоянно возрастающей массе обращающейся медной монеты все это не устраняло причин кризиса и, напротив, создавало в процессе обращения ряд дополнительных помех и осложнений.

2. Переходя к ольвийским монетам второй половины III в. до н. э., нетрудно установить, что борисфены, вес которых в течение ряда десятилетий находился на одном уровне (около 8,8 г; см. § 12.3) претерпевают быстрое уменьшение размеров и веса — для четырех поздних групп (табл. 4, 79—93) средние веса представляют ряд 6,8—6,1—5,8—4,6 г [100. С. 71, табл. I]. Одновременно стремительно возрастает интенсивность выпуска этих неудержимо падающих в цене монет [100. С. 77, рис. 1]. Во всех группах насчитывается всего десять именных сокращений (табл. 4, 1—14) [100. Табл. IX—X], и время их чеканки укладывается, если даже допустить перерывы между группами, в полтора десятка лет; это особенно подчеркивает катастрофический характер описанных изменений. Вряд ли их можно объяснить чем-либо кроме того, что падение стоимости борисфенов, долгое время являвшихся монетами с относительно устойчивым курсом, внезапно и резко проявилось с большой силой, и ольвийские власти пытались задержать или ослабить это падение увеличением их количества. Такая попытка оказалась тщетной, и ольвинополиты попытались помочь делу прежде всего изменением типа монет. Речь идет о приближающихся по весу к последним выпускам борисфенов бронзовых монетах с изображе-

ниями Деметры под покрывалом и колоса с сокращениями МΛ [254. Табл. IX, 25; 13. Табл. VI, 132] и NH (в лигатуре — рис. 7, 8) [13. Табл. VI, 133]. Встречая то же изображение богини под покрывалом на серебряных статерах [254. Табл. X, 9; 85. Табл. I, 1, 2] можно полагать, что последняя из описанных выше (§ 12. 1) серий серебра, которую возглавляют указанные статеры [13. Табл. III, 21, IV, 35, VI, 135], была выпущена для укрепления курса новой меди. Такая попытка, естественно, не удалась, и ольвиополиты прибегли к другому столь же иллюзорному приему: находившиеся в обращении борисфены стали клеймить соединенной шарниром парой штемпелей: на одной стороне монетного кружка остается углубленное круглое клеймо с изображением дельфина, а на противоположной — выпуклая надчеканка в виде круга с помещенной внутри восьмилучевой розеткой (рис. 7, 7) [100. Табл. XI, 10—13]. Наличие такой же пары клейм на одной из медных монет с Деметрой под покрывалом и колосом (рис. 7, 9) определяет место последних в ряду ольвийских разменных монет, а несомненная связь ольвийской Деметры под покрывалом [254. Табл. IX, 25, X, 9] с таким же изображением богини на тетрадрахмах Византия и Калхедона, выпуск которых начался около 240 и закончился до 220/219 г. до н. э. [271. С. 52—54, табл. 42—46; 277. С. 185—188, табл. 24, 19], позволяет отнести эту попытку к концу 30-х или началу 20-х годов III в. до н. э.

Попытка утвердить пошатнувшийся курс борисфенов путем их клеймения оказалась столь же мало действенной, как и предпринятые несколько ранее аналогичные мероприятия боспорских властей [169. С. 107—113]. Это заставило ольвиополитов решиться на крайние меры: они снова изменяют типологию своих монет, помещая на аверсе всех номиналов приобретенное широкую популярность благодаря монетам Александра изображение головы юного Геракла, и осуществляют сначала небольшую, как бы пробную, а затем сравнительно обильную эмиссию тяжеловесной меди — средний вес монет редких экземпляров первого выпуска [13. Табл. IV, 32; 85. Табл. I, 19, 20] превышает 8 г, а затем закрепляется на уровне 7,2—7,3 г (рис. 8, 3) [254. Табл. X, 24; 13. Табл. IV, 33—34]. Укреплению курса этой меди, лишенной, подобно борисфенам, младших номиналов, должна была служить серия серебряных монет — статеров с палицей в венке [254. Табл. X, 21; 85. Табл. II, 3, 4]²² или с венком на реверсе [254. Табл. X, 22; 85. Табл. II, 7—14] и довольно часто встречающихся драхм, на реверсе которых повторяется привычный тип «борисфенов» — лук в горите и секира [254. Табл. X, 23; 85. Табл. III, 1—17].

Восстановление полновесности медных монет не могло само по себе укрепить их узаконенный рыночный курс, равный, по

²² Одна из таких монет была перечеканена из статера с Деметрой конца IV в. (рис. 7, 3, 4) [85. Табл. II, 4, 4а, б] из чего следует, что часть их осталась в обращении до самого кризиса.

всей вероятности, официальному курсу борисфенов до их деградации; этому мешали, надо полагать, и общие тенденции развития денежного обращения, и значительное количество измельчавших борисфенов, остававшихся на рынке. Поэтому чеканка серебра была надолго прекращена, а для восстановления доверия к медной монете ольвиополиты прибегли к такому же средству, каким воспользовались в подобных обстоятельствах на Боспоре: типы монет снова были изменены и сама их чеканка передана в другие руки. Но если в Пантикапее полновесную медь стали чеканить от имени боспорского царя [169. С. 151—158], то в Ольвии прибегли к авторитету коллегии Семи, в распоряжении которой имелась особая храмовая казна — *thesauros* [10. № 76]. Храмовые сокровища и составляли, как можно предполагать, обеспечение новой эмиссии. Она состояла из трех номиналов меди с надписью ОI ЕПТА: на самых крупных монетах представлены Зевс и оружие (рис. 8, 5) [254. Табл. IX, 32; 104. Табл. I, 1—4], на средних — Аполлон и лучник (рис. 7, 10) [254. Табл. X, 5; 104. Табл. I, 5—9], на мелких — Артемида и горит [254. Табл. X, 6; 104. Табл. I, 10, 11].

Чеканка монеты от имени коллегии Семи непродолжительна: известны монеты двух старших номиналов этой группы, на которых надпись ОI ЕПТА заменена обычными сокращениями магистратских имен [13. Табл. V, 92—95; 104. Табл. II, 1—3, 5—9], а среди монет младшего номинала встречаются экземпляры, на которых нет ни имени коллегии Семи, ни сокращений [247. Табл. III, 8; 104. Табл. I, 12]. Курс этих монет был подтвержден особым клеймом (виноградная кисть), нередко встречающимся на монетах старшего и среднего номиналов [13. Табл. V, 96; 104. Табл. I, 4, 7, II, 3, 9], а затем на смену описанным сортам меди приходят крупные монеты с изображением Деметры на лицевой стороне и горита с секирой на обороте [13. Табл. III, 27]. Одновременно с самой ранней их серией были отчеканены отмеченные тем же сокращением (ФО) мелкие монетки с Борисфеном и дельфином [254. Табл. IX, 24; 13. Табл. III, 24]. Хотя монеты с Деметрой выпускались, судя по сокращениям имен, не один год, они тоже не удержались на уровне своего первоначального курса и получили надчеканку в виде головы в шлеме [70. Табл. XXXIII, 9; 85. Табл. II, 10; 13. Табл. III, 31]; в дальнейшем маленькая головка в шлеме вырезается непосредственно в основном штемпеле позади Деметры [70. Табл. XXXIII, 10; 254. Табл. IX, 30; 13. Табл. III, 25, 28—30]. Однако и эта попытка оказалась не эффективной, и почти все находившиеся в обращении монеты с Деметрой подвергались небрежной и, надо полагать, спешной перечеканке соединенными между собой шарниром штемпелями с изображением головы Гелия и соединенных у обреза конских протом; эта перечеканка распространялась и на экземпляры, подвергшиеся клеймению ранее (рис. 8, 7, 8), и на монеты с двумя головами богинь (рис. 8, 9, 10) [13. Табл. VI, 102], а новые типы попадали без разбора на

Рис. 8. Ольвийские монеты с надчеканками (III в. до н. э.):

1—3, 6, 8 — ГИМ; 4 — частная коллекция (Николаев); 7, 9, 10 — ГЭ; 5 — ГМИИ. (Все монеты бронзовые.)

обе стороны старых монет [13. Табл. VI, 103, 104]. Под новые штемпеля попадали при этом и отдельные экземпляры старшего номинала серии Семи (рис. 8, 5, 6) [104. Табл. II, 4], и монеты с Гераклом (рис. 8, 3, 4), и удержавшиеся до этого времени в обращении борисфены (рис. 8, 1, 2) [100. Табл. XI, 9]. Одновременно монеты с Аполлоном и лучником перечеканивались такими же соединенными штемпелями с изображениями безбородой головы в шлеме и дельфина (рис. 7, 10, 11) [104. Табл. II, 8, 9; 13. Табл. VI, 121].

Относя уменьшение веса и ухудшение стиля борисфенов к первым десятилетиям второй половины III в. до н. э., можно полагать, что эмиссия крупной меди с Гераклом последовала примерно на рубеже 30—20-х годов, а чеканка монет от имени коллегии Семи и тесно связанных с ними общностью штемпелей

лицевых сторон однотипных монет с сокращениями имен имела место в начале последней четверти того же века. Так как до появления монет с Деметрой и оружием монеты старшего и среднего номиналов серии Семи получили надчеканку [104. Табл. I, 4, 7; II, 3, 9], следует полагать, что они выпускались в предпоследнем и даже частично в последнем десятилетиях III в. до н. э.; перечеканку монет с Деметрой и с Аполлоном следует датировать его последними годами или началом II в. до н. э.

Особое место монет коллегии Семи среди эмиссий второй половины III в. до н. э. определяется тем, что они представляют собой несомненную серию из трех номиналов с весами 7,1—3,6—1,9 г [104. С. 115]. Могло бы показаться, что в обстановке денежного кризиса выпуск мелких номиналов экономически не оправдан, однако мелкие монетки чеканились и в начале эмиссии монет с Деметрой [254. Табл. IX, 24; 13. Табл. III, 24], а во время массовой перечеканки крупных монет с Деметрой и средних с Аполлоном были выпущены (частично тоже путем перечеканки) небрежно изготовленные мелкие монетки с изображениями Аполлона и лука [254. Табл. X, 8; 104. Табл. I, 13—15; 13. Табл. V, 90]. Этим, надо полагать, преследовалась определенная цель, и в обстановке переживаемых городом затруднений вряд ли можно сводить эту цель к простому желанию обеспечить рынок мелкой монетой. Таким способом власти Ольвии стремились, скорее всего, подчеркнуть, что старший номинал серий последней четверти III в. до н. э. унаследовал не первоначальный курс борисфенов, а тот, который стихийно сложился на внутригородском рынке уже после измельчания этих оболов и одновременного увеличения объема их чеканки в начале второй половины III в. до н. э. В самом деле, предположение, что старший номинал серии Семи являлся оболом, не выдерживает критики: при сопоставлении средних весов старших номиналов меди второй половины III в. до н. э. со средними весами соответствующих им монет, пришедших на смену эмиссий II и I вв. до н. э., становится очевидным, что они составляли одну систему номиналов, а так как для позднеэллинистических серий Ольвии этот высший номинал следует считать тетраخالком (§ 14; 15), то тетраخالком же приходится признавать и старший номинал серии Семи. А это, в свою очередь, означает, что к началу эмиссии этой серии оставшиеся еще в обращении борисфены и сменившие их монеты с Гераклом расценивались де-факто уже не как оболы, а как тетраخالки, т. е. понизились в цене в два раза.

Такое изменение счетного наименования монеты в процессе обращения объясняется тем, что «знак стоимости, с каким бы золотым титулом он ни вступал в обращение, в сфере последнего сжимается в знак того количества золота, которое могло бы обращаться вместо него» [1. С. 104]; перенасыщение внутрисполного рынка медной монетой привело и в данном случае, очевидно, не только к ее фактическому обесценению, но и к изменению наименования ее наиболее ходового в прошлом но-

минала: ведь такие названия можно изменить, «а при сохранении того же самого названия можно изменить соотношение монеты и ее металлической субстанции» [5. С. 305]. Эти изменения, которые, без сомнения, остро ощутили все слои ольвийского населения, и должна была закрепить и освятить ольвийская коллегия Семи, тесно связанная с культом и в то же время не отказывавшаяся от активного участия в политической жизни города [129. С. 292—294; 40. С. 76—79].

3. При изучении денежного обращения Ольвии на рубеже III — II вв. до н. э. можно использовать кроме самих монет сообщения относящегося к этому времени декрета в честь Протогена. В этой надписи, как известно, дважды говорится о денежном курсе: в одном случае, когда во время продовольственных затруднений Протоген внес на покупку зерна для граждан тысячу золотых, причем, дав всю сумму золотом, получил в дальнейшем медью «из четырехсот» [10, № 32, А. 66—71]; в другом [В. 41—44] — он издержал на строительство стен полторы тысячи золотых и снова получил долг медью «из четырехсот». Таким образом, эвергесия Протогена состояла в том, что взяв по 400 каких-то медных монет за одну золотую, он в итоге получил несколько меньше, чем следовало [129. С. 100, 113].

Несомненно, что золотые ольвийских надписей эллинистического времени были статерами аттической системы; не вполне ясно, однако, какие именно медные монеты принимал Протоген по курсу «из четырехсот». П. О. Бурачков предполагал, будто имеются в виду ассы, даже специально отливавшиеся, по его мнению, для погашения долга Протогену [13. С. 7—8]; такое объяснение предполагает, в свою очередь, что курс «из четырехсот» выражал не счетное отношение медных монет к золотой единице, а весовое отношение меди к золоту вообще. Этот взгляд разделял и А. Л. Бертье-Делагард. Переход от полноценной литой меди к обычной чеканенной монете с условным курсом представлялся ему постепенным — «в Ольвии, — по его словам, — было сделано совершенно то же самое и в той же мере, что и в Италии при редукции либральных ассов», а именно, единица новой условной медной монеты была уменьшена втрое. Заслуга Протогена состояла в том, что он, «не будучи к тому обязан законом, соглашался принимать должные ему суммы новой медной монетой по ее номинальной цене, а не по торговому *ratio* веса ее меди»; этой новой монетой были борисфены, которые А. Л. Бертье-Делагард считал дихалками [29. С. 90—93].

Оригинальные, но еще менее обоснованные соображения о денежном хозяйстве ольвиополитов высказаны А. Сегре. Он полагает, что выражение «из четырехсот» в Протогеновом декрете означает рыночный курс золотого статера, приравниваемого к 400 медным единицам, причем этот курс был более благоприятен для медной монеты, чем реально существовавший в Ольвии в момент издания декрета. Этот курс, по предположению

А. Сегре, сложился на основе относящегося еще к V в. до н. э. обращения полноценных литых медных монет со средним весом около 112 г; ко времени Протогена, однако, средний вес монет соответствующего номинала упал якобы до 5 г. Сам же по себе номинал, согласно А. Сегре, был медной драхмой, причем 20 таких медных драхм соответствовали одной серебряной драхме аттической системы, а 30 — одной серебряной эгинской драхме; именно последние, утверждает А. Сегре, обращались в Ольвии во времена Протогена. Касаясь далее рассмотренного выше ольвийского декрета о деньгах (§ 9; 11) и непонятным образом усматривая в этом документе указание, будто электровый кизикский статер приравнивался в Ольвии к $13\frac{1}{2}$ ольвийским статерам, А. Сегре приходит к выводу, что этим и определяется счетное отношение кизикина к медным монетам, указанное в декрете в честь Протогена, — по его мнению, кизикины обращались в Ольвии в III в. до н. э., что и подразумевается под золотыми этого документа [273. С. 212—213, 515].

Трудно сказать, чего больше в рассуждениях А. Сегре — произвольных предположений или грубых ошибок. Не говоря о том, что в декрете о деньгах речь идет об электровых статерах фокейской системы, а в декрете в честь Протогена — о золотых статерах аттической системы, и что при любом чтении первого документа из него невозможно вычитать такой высокий курс кизикинов, какой называет А. Сегре, отметим, что курс ольвийских медных драхм со средним весом 5 г (таких монет нет среди монетных эмиссий Ольвии III — II вв. до н. э.) устанавливается без какой-либо аргументации как $\frac{1}{20}$ серебряной драхмы аттической системы (которых в Ольвии вообще не выпускали). Кроме того, из расчетов А. Сегре получается, что для меди курс равен не 400 монет на статер (к тому же кизикский), а 405 ($13,5 \times 30$), но такие выводы могут лишь дезориентировать читателя.

Наиболее серьезный вклад в изучение денежной системы, отраженной в декрете в честь Протогена, внес А. Н. Зограф, критически пересмотревший высказывания А. Л. Бертье-Делларда и В. В. Латышева. Слова «из четырехсот» он понимает как выражение официального курса золотого статера аттической системы, который разменивался в Ольвии по счету на 400 медных монет условной ценности; номинал этих монет — скорее обол, чем дихалк. Указанный в декрете курс «считался справедливым»; наряду с ним на рынке «существовали другие, менее выгодные для меди курсы». Протоген получал в оплату своих займов борисфены, имевшие чисто условное значение с самого начала их эмиссии; им предшествовала не одна редукция полноценной медной монеты, а две — сначала в пять, а затем еще в десять раз. До первой редукции на золотой статер аттической системы приходилось (при соотношении стоимости золота к серебру 1:10) 80 полноценных медных монет, а после уменьшения их веса в пять раз — 400. Таким образом, по А. Н. Зогра-

фу, курс «из четырехсот» установился после первой редукции, но борисфены удержали его и после второй [70. С. 129—132; 71. С. 153—154].

Не останавливаясь на критике предположений А. Н. Зографа относительно двукратной редукции полноценной ольвийской меди, отметим, что представление об обязательности постепенного и длительного перехода от полноценной медной монеты к чеканенным монетам с условной ценностью не подтверждается при изучении самих ольвийских монет. Трудно представить также, что при понижении веса ольвийского литья в пять раз курс по отношению к золотому статеру был соответственно понижен, а при последующей десятикратной редукции, полностью превратившей «борисфены» в простой знак стоимости, этот курс не претерпел изменений. Что касается упоминаемой в декрете меди, то, учитывая его дату, в них можно видеть не только номинальные оболы (т. е. борисфены и монеты с Гераклом), но и монеты, считавшиеся в момент эмиссии тетрахалками (старший номинал серии Семи и не перечеканенные еще монеты с Деметрой и оружием): падение стоимости всей находившейся в обращении меди превращало их на практике в один номинал, что и было вскоре подтверждено сплошной перечеканкой сохранившихся на рынке монет одинаковыми штампами с Гелием и конскими протомами. Этот номинал ольвиополиты продолжали, по-видимому, рассматривать как тетрахалк, что подтверждается одновременной перечеканкой монет с Аполлоном и лучником и эмиссией входящих в одну серию с перечеканками мелких монет с грубой безбородой головой и луком, но на рынке они расценивались ниже. Это видно из декрета в честь Протогена: при курсе «из четырехсот» на каждую из 25 ольвийских драхм родосской системы, которые приравнивались, как предположено выше (§ 12. 1), к золотому статеру, приходится 16 счетных единиц, а так как драхма обычно содержит шесть оболов по восьми халков в каждом, то каждая из 400 счетных единиц декрета равна трем халкам. Такой курс считался даже благоприятным для городской меди — ведь согласно Протогена вести расчеты с полисом «из четырехсот» стоит в одном ряду с отказом от процентов или с продажей зерна по пониженной цене.

Декрет в честь Протогена доказывает, что в течение некоторого времени денежное хозяйство Ольвии «строилось только на золотой и медной монете без посредствующей роли серебра» [70. С. 129]. Это не исключает, впрочем, того, что какое-то количество серебряных монет, выпущенных до кризиса или на его первых этапах, удерживалось в обращении. Но поскольку в это время серебро являлось только символом определенной доли золотой денежной единицы, сохранение в обращении небольшого количества серебряной монеты не способствовало ликвидации кризиса — ведь ее роль в процессе обращения не отличалась в принципе от роли меди. Это подтверждается и самими монетами: еще в начале кризиса дидрахмы и драхмы прежних вы-

пусков были подвергнуты клеймению, так что, например, из 42 известных драхм с изображениями Деметры восемь имеют на аверсе клеймо с изображением головы грифона [268. Табл. VII, 8, 9, 13; 76. Табл. IV, 12—17], а пять — с изображением безбородой головы в шлеме [64. Табл. XLVII, 2; 76. Табл. IV, 11, 15, 17; 254. Табл. X, 11]; из 53 драхм с изображением Геракла лишь девять избежали клеймения [254. Табл. X, 23; 268. Табл. VII, 14; 85. Табл. III, 1—13]. Равным образом обе известные дидрамы с изображением Деметры под покрывалом имеют второе из указанных клейм [254. Табл. X, 9; 85. Табл. I, 1, 2], а из 14 известных дидрахм с типом Геракла не имеют клейма только две [254. Табл. X, 21, 22; 85. Табл. II].

§ 14. ПОПЫТКИ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСНЫХ ЯВЛЕНИЙ
В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА
(ОКОЛО 200—150 г. до н. э.)

1. Сложная смена типов, клеймения и перечекировки ольвийских монет во второй половине — конце III в. до н. э. соответствует наиболее острому периоду кризиса денежного обращения, который наступил в Ольвии несколько позже, чем на Боспоре, и протекал сначала в более мягких формах, но оказался более затяжным. Однако в первой половине II в. до н. э., когда общее положение города значительно ухудшилось, кризис денежного обращения, напротив, стал смягчаться. Первым проявлением временной стабилизации денежного обращения следует считать то, что выпущенные во втором десятилетии II в. до н. э. медные монеты не подверглись участи своих ближайших предшественников, но вытеснили их из процесса обращения и удержались в качестве платежного средства на протяжении нескольких десятилетий.

Монеты, о которых идет речь, представляют собой серию из трех номиналов со средним весом 7,6—3,7—1,8 г. Все они отчеканены многими парами штемпелей на плотных кружках со следами отруба литиков и со скошенным гуртом; при этом аверс всегда приходится на меньшую площадку. Монеты всех номиналов, особенно старшего, встречаются при раскопках городища довольно часто. На всех номиналах находится сокращение ВΣΕ (реже ВΕΣ или ΣΒΕ), причем буква В, согласно А. Н. Зографу [70. С. 134], должна рассматриваться как сокращение должностного названия ольвийского «царя» (*ho basileus*), т. е. пожизненно избираемого жреца, существование которого засвидетельствовано в римское время в Ольвии [10. № 89] и хорошо известно в Милете и его колониях [129. С. 301—303; 198. С. 203—206]. Такое предположение хорошо объясняет обилие рассматриваемых монет, трудно примиримое с годичным сроком обычных гражданских магистратур. На монетах старшего номинала изображена голова Аполлона в хорошо различимом на лучших по исполнению и сохранности экземплярах лавровом венке

и традиционная эмблема [254. Табл. X, 13; 70. Табл. XXXIII, 1, 2; 13. Табл. IV, 64, V, 65, 66], на следующих за ними по размерам и весу — женская голова и колчан [254. Табл. X, 14; 70. Табл. XXXIII, 3; 13. Табл. VI, 128], а на самых мелких — голова в шлеме, идентифицируемая благодаря изображению совы на реверсе с Афиной [254. Табл. X, 15—17; 70. Табл. XXXIII, 4; 13. Табл. VI, 118—120]. А. Н. Зограф правильно подчеркнул стилистическое сходство Аполлона с изображениями Афины на первых аттических тетрадрахмах «нового стиля» [70. С. 133—134], но предлагаемая им на этом основании датировка серии ВЗЕ исходит из общепринятого в первой половине XX в. отнесения начала эмиссии афинских монет к 229 г. до н. э. [215. С. 378; 275. С. 261], тогда как это имело место после 196 г. до н. э. [282. С. 107—108, 723—725], или даже еще позже [238; 242]. Из этого следует, что серия ВЗЕ была выпущена не ранее второго десятилетия II в. до н. э. и вытеснила из обращения обезображенную надчеканками и перечеканками медь второй половины III в. до н. э.

2. Стабилизация медной монеты позволила ольвиополитам возобновить вскоре эмиссию серебра. Речь идет о статерах с изображениями Геракла и палицы (рис. 9, 1) [254. Табл. X, 18, 19; 13. Табл. IV, 39, 40], драхмах с Аполлоном и лирой (рис. 9, 7) [254. Табл. X, 25; 13. Табл. V, 79—84] и гемидрахмах, на которых представлены Артемида и лук с колчаном (рис. 9, 13) [254. Табл. X, 27; 13. Табл. VI, 122]. А. Н. Зограф разделил рассматриваемые монеты на две группы, одна из которых предшествует, по его мнению, серебру, отнесенному выше к третьей четверти III в. до н. э., а другая следует за ним [70. С. 134—135]. Искусственность такого разделения очевидна и опровергается их клеймением: на аверсе большей части монет всех номиналов (60,7 %) имеется одна или две круглые надчеканки. В тех случаях, когда они частично перекрывают друг друга, легко убедиться, что сначала налагалось клеймо с головой в шлеме (Афина?), а затем с окруженной лучами головой Гелия (рис. 9, 1—3, 7—9). При этом клеймо с Гелием встречается только на монетах, на которых уже имеется первая надчеканка, и никогда — на тех серебряных монетах, которые А. Н. Зограф помещал в предполагаемом им хронологическом разрыве между выпусками рассматриваемой группы.

Более удачная классификация серебряных монет II в. до н. э. была намечена С. Робинсоном, сгруппировавшим их по номиналам и сокращениям имен [268. С. 99—100]. Изучение распределения клейменных и неклеяемых монет по сериям позволяет установить, что для самого распространенного номинала — драхмы — количество клейменных монет первой серии (рис. 9, 3) [13. Табл. IV, 40, V, 80] составляет более трети учтенных экземпляров (7 из 20, т. е. 35 %), во второй (рис. 9, 8) [13. Табл. IV, 41, V, 81] оно немного возрастает (19 из 51, 37, 25 %), в третьей [268. С. 97—98, № 19, 23, табл. VII, 23] достигает

Рис. 9. Ольвийские монеты с надчеканками (II в. до н. э.):

1 — Лондон; 2 — Нью-Йорк; 3, 4, 6—9 — ГИМ; 5, 11, 14 — ГЭ. (1—3, 7—9, 13 — серебро; 4—6, 10—12, 14 — бронза.)

почти $\frac{2}{3}$ материала (5 из 8, 62,5 %), в четвертой [13. Табл. IV, 39, V, 84] достигает 85 % (12 из 14, 85, 71 %), в пятой (рис. 9, 9) [268. Табл. VII, 18, 21] превосходит $\frac{9}{10}$ всех монет (12 из 13, 92, 3 %). В шестой серии (рис. 9, 2) [254. Табл. X, 19; 70. Табл. XXXIII, 15] надчеканены все известные драхмы. Возрастает, хотя и не столь последовательно, и количество драхм с двумя клеймами (рис. 9, 9) [13. Табл. V, 80] — для двух первых групп такие экземпляры составляют 20 %, а далее их число постепенно увеличивается, достигая в последней примерно трети всех известных драхм (25 % — в третьей, 28,6 % — в четвертой, 30,8 % — в пятой и 32,25 % — в шестой группе).

Прежде чем говорить об абсолютной хронологии рассматриваемого серебра, отметим, что общую продолжительность всего периода его чеканки не следует преувеличивать: драхмы первой

и второй серий и гемидрахмы второй и третьей объединяются в рамках каждого номинала общими штемпелями лицевых сторон; по-видимому, они не отделены друг от друга продолжительными перерывами. Поэтому если даже каждой комбинации буквенных сокращений на рассматриваемых монетах соответствует не один избравшийся на год магистрат, а коллегия с более продолжительными служебными полномочиями, то и тогда чеканка трех первых серий не выходила за пределы десятилетия. Вместе с тем несомненная стилистическая близость между монетами трех последних серий также не позволяет отделять их от предыдущих многолетним промежутком. Вполне вероятно, что эмиссия всех шести серий (табл. 5) продолжалась не более полутора — двух десятилетий. Таким образом, А. Н. Зограф правильно отнес заключительные серии этого серебра приблизительно к середине II в. до н. э. [70. С. 135], но первые серии должны датироваться не концом III в., а временем, близким к рубежу первой и второй четверти II в. до н. э. Судя по находке небольшого клада, ранние серебряные монеты обращались вместе с медью с буквами ВΣΕ [47].

3. При рассмотрении описанного серебра нельзя пройти мимо группы медных монет с разными вариантами сокращения ΒΑΕΙΡΗ и с такими же изображениями Геракла и палицы (рис. 9, 4, 5) [70. Табл. XXXIII, 5, 6; 13. Табл. IV, 42, 43; вес 7,2 г], Аполлона и лиры (рис. 9, 10, 11) [254. Табл. X, 26; 13. № 115, 116; 14. № 43—47; вес 3,6 г] и Артемиды и оружия [254. Табл. X, 28; 13. Табл. VI, 127; вес 3,0 г]. К этой серии примыкают также мелкие монетки с одним из вариантов указанного сокращения — на них представлена женская голова (Афродита?) и дельфин [254. Табл. X, 29; 13. Табл. VI, 123, 124; вес 2,2 г]. В том, что этот сорт является не простым типологическим вариантом младшего номинала с Артемидой, убеждает различие средних весов между ними. Эта медь чеканилась, по всей вероятности, вслед за серебром в последнем десятилетии первой половины II в. до н. э., причем снова от имени одного из ольвийских царей [19. С. 26; 70. С. 134].

Близость медных монет с сокращением ΒΑΕΙΡΗ и его вариантами (табл. 5, 27—34) к серии серебряных монет не только подчеркивается их однотипностью, но и тем, что медь надчеканивалась таким же клеймом с безбородой головой в шлеме, каким клеймились серебряные монеты (рис. 9, 4, 10) [13. Табл. IV, 42, 43; VI, 127; 17. Табл. IX, 51; XVI, 161; XVII, 165]. Этот факт подтверждает догадку С. Робинсона, считавшего, что медь с типами Геракла, Аполлона и Артемиды представляла собой те же статеры, драхмы и гемидрахмы, выпущенные в качестве кредитной монеты с принудительным курсом [268. С. 99—100]. Действительно, «разменные деньги могут обращаться по номинальной стоимости денег, не обладая никакой собственной стоимостью» [5. С. 328], и нет сомнения, что в результате кризиса в Ольвии создалась ситуация, при которой «штемпель, являю-

Таблица 5. Сокращения на ольвийских монетах второй четверти II в. до н. э.

	Дидрахма (статер)	Драхма		Гемидрахма (триобол)		Диобол (?)
I	¹ ΠΑΥ Χ	² Π Α Υ Χ		³ ΠΑΥ Χ	⁴ ΥΑΠ Χ	
II	⁵ ΠΥΑ Ο	⁶ Π Α ΥΘ	⁸ Π Υ ΘΑ	¹⁰ ΠΥΑ Ο	¹¹ ΥΑΠ Ο	
		⁷ Π Υ ΑΘ	⁹ Υ Π ΑΘ			
III	¹² ΣΠ Δ	¹³ Π Σ Δ	¹⁴ Δ Σ Π	¹⁵ Π Σ Δ	¹⁶ Σ Π Δ	
IV	¹⁷ Α Χ Ε	¹⁹ Χ Α	²¹ Α Χ Ε			
	¹⁸ Α Ε Χ	²⁰ Χ Α				
V	²² Α Α Δ Μ	²³ Α Α Δ	²⁴ Α Α			
VI	²⁵ Π Α Η Ε	²⁶ Π Α Η Ε				
VII	²⁷ Ε Ρ ΕΙ Η Β Α	²⁹ Ε Ρ Β Α ΕΙ Η	³⁰ Β Α ΕΙ Η	³¹ Ε Ρ ΕΙ Η Β Α	³² ΕΙ Η Β Α	³³ Β Α Ε Ρ
	²⁸ ΕΙ Η Β Α					³⁴ Β Α

щийся формальным уведомлением о стоимости, превращается в самостоятельный знак, символ стоимости и посредством самого механизма обращения становится вместо формы субстанцией»

[6. С. 419]. Поскольку ольвийские финансисты не отдавали себе ясного отчета в том, что обращение таких знаков возможно «в том случае, если они представляют средство обращения лишь в таком количестве, в каком оно обращалось бы само» [5. С. 328], медные заместители серебра были выпущены в значительном количестве и вскоре потребовалось подтверждение установленного для них курса. Другими словами, выпуск «царской» меди и даже эмиссии серебра не могли обеспечить стабильность денежного хозяйства Ольвии, лишившейся к этому времени своей хоры и находившейся под постоянной угрозой вражеского нашествия. В дальнейшем медные статеры и их младшие номиналы были, как представляется, признаны обычной разменной медью; об этом позволяет догадываться то обстоятельство, что при повторной надчеканке серебра головой Гелия (рис. 9, 3, 9) [254. Табл. X, 19; 70. Табл. XXXIII, 12, 16] это клеймо не налагалось на монеты серии ВАΕΙΡΗ, хотя и попадало в некоторых случаях на сильно стертые монеты серии ΒΣΕ (рис. 9, 12), сохранявшиеся таким образом на рынке до третьей четверти III в. до н. э.

4. Кризис денежного обращения имел своим следствием резкое сокращение находок ольвийских монет второй половины III — первой половины II в. до н. э. за пределами города; можно назвать лишь монету коллегии Семи из Широкой Балки [174. Табл. I, 12]. О первых десятилетиях кризиса может свидетельствовать и клад из Великомихайловки, в котором борисфены найдены вместе с монетами с изображениями Геракла и Деметры [283, № 108; 114].

Среди городов и государств, чьи монеты найдены в Ольвии, для рассматриваемого периода можно назвать города Западного Причерноморья — Тиру, Дионисполь, Месембрию, и Малой Азии — Книд, Клазомены, Тиум; заслуживают упоминания случайные находки монет скифского царя Канита (рис. 13, 16) и Пантикапея. Как и прежде, преобладают монеты причерноморских городов, занесенные, впрочем, на берега Гипанида скорее случайно, чем в ходе регулярного торгового обмена с соответствующими центрами [67. С. 219].

§ 15. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ОЛЬВИИ В ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (ОКОЛО 150—50 г. до н. э.)

1. Упадок Ольвии во второй половине II — первой половине I в. до н. э. установлен археологическими исследованиями [126. С. 121, 130—132, 176—177] и подтверждается при изучении монет. В начале этого периода в городе обращались надчеканенные серебряные монеты первой половины II в. до н. э. Не исключено, что на ольвийский рынок проникали и некоторые виды иноземного серебра тех сортов, которые имели в эту эпоху

повсеместное хождение; во всяком случае, среди монетных находок зарегистрированы афинская тетрадрахма «нового стиля» (рис. 13, 12) [93], тетрадрахма Фасоса и гемидрахма Родоса. Эти находки, равно как и несколько более ранняя серебряная монета Гистиэи (рис. 13, 17) [87], соответствуют наблюдаемому во II в. до н. э. во всем греческом мире оживлению серебряного обращения, сменившемуся, впрочем, в начале I в. до н. э. новым укреплением роли золота как монетного металла [265. С. 18—20; 216]. В полном согласии с этим находятся и золотые статеры с типами Лисимаха, чеканенные городами Западного Понта в годы первой Митридатовой войны [254. С. 64, 92, 154, 521, 606—607, табл. II, 27; XXI, 6], — они были обнаружены в разное время в Ольвии [88. С. 98, № 4—6; 35. С. 70].

Что касается ольвийской медной монеты, которая оставалась в это время реальным платежным средством при всех мелких торговых операциях на городском рынке, то в период пребывания Ольвии под властью скифского царя Скилура — примерно между 140/135 — 115/110 гг. до н. э. [53. С. 27—29] — здесь была выпущена одна серия редких медных монет с его именем и один сорт мелких городских монет. На меди Скилура представлены бородатое скифское божество и горит с колосом и палицей (рис. 9, 6) [254. Табл. XII, 4; 165. Рис. 2, 1, 3, 4], богиня под покрывалом и скифская повозка (рис. 9, 14) [254. Табл. XII, 5; 165. Рис. 2, 5—13, 16] и Гермес с керикием [247. Табл. III, 24; 165. Рис. 2, 17—19]; типы последних монет повторены на городской меди [254. Табл. X, 32; 13. — Табл. VIII, 179; 165. Рис. 2, 20—22]. В это время в обращении оставались и более ранние медные монеты серии ΒΑΕΙΡΗ: некоторые из них надчеканены точно таким же клеймом с изображением колеса, как и монеты Скилура (рис. 9, 5, 6, 11, 14) [165. Рис. 2, 2, 14, 15].

В период пребывания Ольвии под властью Митридата здесь, как и в других северопонтийских центрах, свободно обращались медные монеты городов Понта и Пафлагонии. А. Н. Зограф, впервые специально рассмотревший этот вопрос, дал сводку соответствующих монетных находок за первую треть текущего столетия [68], и его выводы получили полное подтверждение при дальнейшем изучении материала из послевоенных находок [95]. В настоящее время в Ольвии известно около 150 монет городов Понта и Пафлагонии, подавляющее большинство которых чеканено в Амисе; известны также монеты Амассии, Амастрии, Команы и Синопы (рис. 13, 14, 15, 18). По типам среди ольвийских находок преобладают монеты с изображением головы Аррея в шлеме на аверсе и меча на реверсе или с изображениями эгиды и Ники с ветвью в руках; вес тех и других колеблется около 8 г, и их обычно считают тетрахалками [221. С. 184; 70. С. 136, 152, 186]. В соответствии с общепринятой классификацией медных городских монет Понта и Пафлагонии [221. С. 169—184] их ольвийские находки принадлежат

главным образом к третьей (почти 60 %) и четвертой (более 35 %) группам, которые датируются 111—105 и 105—90 гг. до н. э.; тогда как на долю пятой и шестой групп (соответственно 90—80 и 80—70 гг. до н. э.) приходится всего несколько экземпляров [95. С. 63—64, табл. 1]. Такое резкое преобладание ранних находок над поздними существенно отличает Ольвию от Боспора, где к концу II — началу I в. до н. э. относится примерно треть всего количества найденных понтийских монет, а к последним десятилетиям владычества Митридата — около двух третей [95. С. 64—66, табл. 2—4].

2. Проникновение в Ольвию значительного количества городской медной монеты Понтийского царства вполне понятно, если учесть, как незначительны ольвийские медные эмиссии времени Скилура. Поэтому к моменту перехода города под власть Митридата ольвийский рынок испытывал, надо полагать, ощутимую нужду в разменной монете, которая едва ли могла быть удовлетворена немногочисленными мелкими монетами с изображением Афины [254. Табл. X, 37; 139. Табл. II, 22; 13. Табл. VI, 117], датируемым, по-видимому, временем между смертью Скилура и вступлением в Ольвию военного отряда, посланного Митридатом [89. С. 99—100; 95. С. 68]. К этому же периоду следует, вероятно, относить небрежно перечеканенные из других монет драхмы с изображениями Гермеса и керикея [268. Табл. VII, 11].

Включение Ольвии в сферу экономического и политического влияния державы Митридата, сопровождавшееся проникновением на городской рынок немалого количества тетрахалков городов Понта и Пафлагонии, привело к тому, что в период их наиболее интенсивного поступления в Ольвию город чеканил только мелкие номиналы разменной монеты. На одной группе таких монет первого десятилетия I в. до н. э. изображены дельфин, плывущий между увенчанными звездами головными уборами Диоскуров, и треножник [254. Табл. X, 31; 13. Табл. VI, 100, 101], на других — голова Аполлона и лук в горите со звездами по сторонам [254. Табл. X, 30; 52. Табл. XXVII, 5; 13. Табл. V, 89]. Признаком, сближающим обе эмиссии, является, помимо фактуры кружка и стиля изображений, появление символов Диоскуров, заимствованных, по всей вероятности, с монет города Томи [254. Табл. V, 8, 11—13, 20], где культ этих божеств всегда занимал важное место в городском пантеоне и соответствующие изображения часто служили монетными типами [89. С. 103; 95. С. 68—69].

Во втором-третьем десятилетиях I в. до н. э. приток понтийской меди в Ольвию стал, судя по находкам, быстро сокращаться, и в связи с этим ольвиополиты возобновили эмиссию собственных монет [89. С. 100—102; 95. С. 69—70]. На этот раз была выпущена серия из пяти номиналов — достоинством в четыре, три, две, полторы и одну счетную единицу. На монетах изображены Зевс и скипетр [254. Табл. XI, 3; 70. Табл. XXXIV,

1], Аполлон и дельфин [254. Табл. X, 34; 70. Табл. XXXIV, 2], Афина, щит и копье [254. Табл. X, 36; 70. Табл. XXXIV, 3], Кибела, тимпан и кроталы [254. Табл. X, 35; 70. Табл. XXXIV, 4], Гермес и керикей [254. Табл. X, 33; 70. Табл. XXXIV, 5]. Трактовка головы Зевса в лавровом венке, а также своеобразный — лаконичный, выразительный и слегка небрежный — стиль исполнения всех штемпелей этой серии не оставляют сомнения в том, что ее образцы следует искать среди городской меди Понта и Пафлагонии времени Митридата [221. Табл. I; II].

Существенной особенностью рассматриваемой серии, объединяющей ее с упомянутыми выше мелкими монетками с символами Диоскуров, является отсутствие магистратских имен, неизменно присутствующих на монетах эллинистической Ольвии — исключением являются лишь перчеканки начала II в. до н. э. [254. Табл. IX, 31; X, 7, 8; 13. Табл. V, 90; VI, 102—104, 121] и монеты времени Скилура [254. Табл. X, 32; 13. Табл. VIII, 179]. Однако в дальнейшем ольвиополиты чеканят монеты вообще без всяких надписей, так что принадлежность их Ольвии доказывают только находки монет в городе [140. С. 238, 239]. Такое последовательное исчезновение сначала магистратских обозначений, а затем имени города отражает общую линию политики Митридата по отношению к северопонтийским городам: после 80 г. до н. э. на Боспоре прекращается эмиссия городского серебра и меди и выпускаются только анонимные оболы с изображениями Диониса и горита [171. С. 44—47, 52—53; 70. С. 186—188, табл. XLIII, 22, 23], а из всех видов монет Херсонеса ко времени Митридата могут быть определенно отнесены лишь серебряные драхмы без имени города [171. С. 47—49; 70. С. 152, табл. XXXIV, 18].

Датируя временем Митридата анэпиграфные бронзовые монеты с изображениями Аполлона, кифара и звезды [17. Табл. XVII, 164; 13. Табл. V, 85] и мелкие монетки с лирой и звездой [17. Табл. XVII, 168], следует исходить из того, что среди монет старшего номинала имеется немало перчеканок, причем во всех случаях, когда можно установить прежние типы подвергшихся перчеканке монет, они оказываются понтийскими тетрахалками с изображениями Зевса и орла, изредка встречающимися в Ольвии (рис. 13, 18) [67. Табл. 49, 11]. Поскольку такие тетрахапки надежно датируются третьим десятилетием I в. до н. э. — среди синопских монет этой группы встречаются экземпляры, датированные 75/74 г. до н. э. [221. С. 182, № 77, табл. II, 27], отнесение описанной анонимной меди к последнему десятилетию существования Понтийской державы не может вызвать сомнений [95. С. 71; 171. С. 51—52].

Судя по изображению звезды (или солярного символа) на анэпиграфных медных монетах [71. Табл. XVII, 164, 168], одновременно с их эмиссией была произведена вторичная надчеканка таким же изображением двух старших номиналов ранее выпущенной серии [254. Табл. XI, 3; 13. Табл. IV, 51; VI, 106].

Поскольку еще до этого все входящие в нее виды монет надчеканивались овальным клеймом с изображением ветви (рис. 7, 12) [70. Табл. XXXIV, 1—5], монеты без имени города отделены от предшествующей серии сравнительно продолжительным промежутком. Это позволяет датировать последнюю эмиссию догетской Ольвии годами, когда вытесненный на Боспор Митридат готовился к вторжению в Италию и реальный контроль над Ольвией и Тирой — опорными пунктами при предполагавшемся движении сухопутного войска из скифских степей к устьям Дуная и дальше на запад — был для него особенно важным.

Овальное клеймо с ветвью имеют и другие ольвийские монеты. Им надчеканена небольшая монетка (рис. 7, 14) довольно редкой группы серебра с изображением Тихе и лучника [254. Табл. X, 4; 15. Табл. VII, 161]²³. А. В. Орешников [140. С. 234—235] и А. Н. Зограф [70. С. 135—136] относили ко времени Митридата все монеты с лучником, но медь, сходная по типам с серебром (богиня обращена на медных монетах в противоположную сторону), несомненно датируется концом IV — началом III в. до н. э. [141] (ср. § 12). Отнесение к этому же времени и серебряных монет [89. С. 96—97] опровергается их существенным стилистическим отличием от медных [254. Табл. X, 1—4], низким качеством серебра (менее 400 %) и трудно объяснимым при такой ранней датировке отсутствием на монетах старшего номинала [268. С. 93, № 7, табл. VII, 7 — средний вес 1,65 г] имени города [30. С. 128, прим. 8]. Серебро, однако, относится скорее всего действительно ко времени Митридата. В этом случае однотипные оболы и гемиоболы [268. С. 93, № 8 — средний вес уникального экземпляра с буквами ОΛ перед стрелком — 0,78 г] выпущены вскоре после серии меди из пяти номиналов [70. Табл. XXXIV, 1—5], но до чеканки анепиграфных медных монет [17. Табл. XVII, 164, 168]; серебро без имени города чеканилось при Митридате и в Херсонесе [70. Табл. XXXVI, 18].

Если расположить все выпуски ольвийских монет первой половины I в. до н. э. в той последовательности, в какой они упомянуты в предшествующем изложении, мы получим некоторые данные, которые позволяют представить отношение Митридата к Ольвии и положение последней в составе его обширного государства. В первые годы после перехода ольвиополитов под покровительство царя город, как можно судить по прескрипту декрета в честь амисенца [10. № 35], сохранял все внешние признаки автономии: в Ольвии функционируют совет, народное

²³ Другой группой ольвийских монет с надчеканкой таким же овальным клеймом с изображением ветви являются серебряные статеры с головой Афины в шлеме и оружием (рис. 7, 15), подходящие по типам и стилю к ольвийским эмиссиям времени Митридата [89. С. 104]; они могли бы предшествовать упомянутой серии пяти медных номиналов. Поскольку, однако, подлинность этих статеров вызывает серьезные сомнения [89. С. 105—107], они не могут приниматься во внимание при изучении денежного хозяйства ольвиополитов.

собрание, коллегия архонтов; документы датируются, как обычно, именем эпонимного жреца, в роли которого выступал в данном случае Аполлон [108. С. 85—87]. Ольвийские монеты этого времени подтверждают автономию города — на них помещено имя магистрата Гевресибия [254. Табл. X, 37; 139. Табл. II, 22]. Вслед за этим ольвиополиты чеканят монеты без упоминания о магистратах, но с обычным сокращением этнонима [254. Табл. X, 30, 31; 70. Табл. XXXIV, 1—5], а затем указание на место чеканки исчезает с монет полностью. Неслучайность этих явлений, сопоставление их с аналогичными фактами истории монетного дела на Боспоре и в Херсонесе [171. С. 44—50, 52, 53] и с письменными источниками позволяют наметить основные этапы всей внутренней политики Митридата: начав свою деятельность в Северном Причерноморье с военных походов против местных племен и подавления восстания Савмака, понтийский царь заканчивает ее установлением системы союзов с местной племенной знатью и вербовкой в свои войска вчерашних рабов; это сопровождается, естественно, отходом господствующих верхов греческих городов Северного Причерноморья от Митридата и ростом проримских настроений среди населения этих городов в целом.

Заметим, что обращавшиеся в Ольвии монеты городов Понта и Пафлагонии представлены исключительно старшими номиналами — оболами и тетраخالками [95. С. 64, табл. I; 68. С. 294—295] со средними весами около 20 и 8 г [221. С. 184]. Принимая во внимание, что средние веса монет ольвийской серии из пяти номиналов образуют ряд 7 — 4,4 — 3,5 — 2,90 — 2,15 г, можно предположить, что это тетраخالк, триخالк, дихалк, тригемихалк и халк, в предшествующих монетах Ольвии — халки, а в последней серии анэпиграфных монет — тетраخالки и халки (средние веса 6,9 и 2,2 г) [89. С. 103].

Определение номиналов меди времени Митридата позволяет проверить высказанное выше (§ 13) предположение, что старший номинал серии Семи (рис. 8, 5) [254. Табл. IX, 32] представлял собой тетраخالк; в таком случае монеты с лучником (рис. 7, 10) [254. Табл. X, 5 — средний вес 3,6 г] и мелкие монетки с горитом [254. Табл. X, 6; 13. Табл. V, 88 — средний вес 1,9 г] были дихалками и халками. В монетах с типами Деметры с маленькой головой Афины (рис. 8, 9) [254. Табл. IX, 30] и Борисфена [254. Табл. IX, 24; 13. Табл. III, 24 — средний вес 1,9 г] следует видеть тетраخالки и халки, а серия с сокращением ВΣΕ состояла из тех же тетраخالков (Аполлон и городская эмблема) [254. Табл. X, 13; 13. Табл. IV, 64, 65 — средний вес 7,4 г], дихалков (Деметра и лук с колчаном) [254. Табл. X, 14; 13. Табл. VI, 128 — средний вес 3,7 г] и халков (Афина и сова) [254. Табл. X, 15—17; 13. Табл. VI, 118—120 — средний вес 1,9 г]. Более сложной структурой отличается серия с сокращением ΒΑΕΙΡΗ — здесь кроме тетраخالков с изображениями Геракла и палицы (рис. 7, 4, 5) [254. Табл. X, 30 — средний вес

7,1 г], дихалков с типами Аполлона и лиры (рис. 9, 9, 10) [254. Табл. X, 26 — средний вес 3,6 г] и халков с изображениями Афродиты и дельфина [254. Табл. X, 29; 13. Табл. VI, 123, 124 — средний вес 2,1 г] были и тригемихалки с типами Артемиды и лука с колчаном [254. Табл. X, 28; 13. Табл. VI, 127 — средний вес 3 г]. Во времена Скилура три старших номинала — редкие тетраخالки с изображением мужского скифского божества (рис. 9, 6) [165. Рис. 2, 1—4 — средний вес 6 г], дихалки с типами богини и повозки (рис. 9, 4) [165. Рис. 2, 5—16 — средний вес 3,1 г] и тригемихалки с изображениями Гермеса и керикея [165. Рис. 2, 17—19 — средний вес 2,6 г] — выпускались от имени царя, а город чеканил лишь халки (Гермес и керикей) [165. Рис. 2, 20—22 — средний вес 2,2 г]. Эти данные подтверждают, что понтийские тетраخالки времени Митридата по размеру и весу «соответствуют высшим номиналам предшествующих ольвийских серий» [70. С. 136].

3. Обзор обращавшихся в Ольвии времени Митридата мелких медных монет будет неполным, если не упомянуть о найденных здесь монетах Тиры, Томи, Диоскуриады, Боспора и Херсонеса, т. е. городов, находившихся, подобно Ольвии, под властью понтийского царя. Из них, пожалуй, только монеты Диоскуриады и анонимные боспорские оболы играли известную роль на рынках Тавриды [50. С. 56—58], и находки единичных экземпляров таких монет позволяют предполагать, что они попали в Ольвию вместе с монетами южнопонтийских городов²⁴.

Отсутствие в Ольвии в период правления Митридата крупного иноземного серебра в виде широко распространенных в греческом мире посмертных подражаний тетрадрахмам Александра или Лисимаха, тетрадрахм Фасоса или Афин, наконец, тетрадрахм самого Митридата Евпатора или малоазийских кистофоров не означает, будто медные оболы городов Понтийского царства были вообще высшим номиналом, обращавшимся на ольвийском рынке. Находки статеров с типами Лисимаха, чеканенных в Каллатии и в Томах в первой половине I в. до н. э. (рис. 13, 2) не оставляют сомнений относительно того, что основой денежного обращения позднеэллинистической Ольвии оставалась золотая монета. При отсутствии импортного и собственного серебра золотые статеры должны были размениваться непосредственно на медь, но курс, по которому производились соответствующие расчеты, не засвидетельствован никакими источниками. Тем не менее в Ольвии уже с конца II в. до н. э. наблюдается переход к обращению золотой и медной монеты, который намечился уже во время денежного кризиса второй половины III в. до н. э., а на Боспоре возобладали лишь на рубеже новой эры [70. С. 191—193].

²⁴ Так же попала в Ольвию, вероятно, и медная монета — подражание тетраخالку Амиса, которую нет никаких оснований считать ольвийской [51. С. 147, рис. 1, 2]; возражения против возможности завоза (там же, прим. 33) нам, следует признаться, непонятны.

ПЕРЕХОД ОЛЬВИИ К РИМСКОЙ МОНЕТНОЙ СИСТЕМЕ

§ 16. ЗОЛОТО ЦАРЯ ФАРЗОЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ЕМУ ГОРОДСКИЕ РАЗМЕННЫЕ МОНЕТЫ

1. Письменные источники не сохранили сведений о денежном обращении послегетской Ольвии, а отнести с уверенностью какие-либо из известных ольвийских монет к последним десятилетиям I в. до н. э.—первым десятилетиям I в. н. э. нельзя [89. С. 100—102]. Разрушение города гетами, приведшее к длительному упадку ольвийской внешней торговли, также не способствовало быстрому возрождению монетной чеканки; такова, впрочем, была судьба денежного хозяйства и в соседних городах — даже Томи, признанная метрополией Понта, прерывает выпуск монет после гетского нашествия и возобновляет свой, — впрочем, весьма скромные, — монетные эмиссии не ранее конца правления Августа или уже при Тиберии [254. С. 609—613]. Ольвию постигла такая же участь: чеканка монеты была здесь, по-видимому, восстановлена в середине I в. н. э., когда город признал над собой верховную власть царя Фарзоя.

Золотые монеты Фарзоя неоднократно описывались и классифицировались нумизматами. По внешним признакам они разделяются на две группы — в первой титул и имя царя располагаются на реверсе, около изображения орла с тагмой в лапах [254. Табл. XII, 6; 70. Табл. XXXIII, 24], во второй эта надпись помещена вокруг царского портрета на аверсе, а около орла находится сокращение имени ольвийского магистрата [254. Табл. XII, 7; 70. Табл. XXIII, 25, 26]. Сравнивая штемпеля монет, в первой группе можно выделить две эмиссии, различающиеся стилем и средним весом, а также переходную — между монетами первой и второй групп [70. С. 138; 111. С. 6—10]. Известен, наконец, очень небрежно выполненный экземпляр, завершающий собой описанную чеканку (рис. 14, I) [254. Табл. XII, 8].

Весовая система монет Фарзоя заслуживает особого внимания. А. Л. Бертье-Делагард определил, что их средний вес составляет 7,42 г, и пришел к выводу, что эти золотые представляют собой не статеры, а римские ауреусы, чеканенные «грубо и неряшливо», «с небывало большой для этого металла терпимостью веса» [30. С. 66, № 21, с. 128, прим. 10]. А. Н. Зограф

констатировал метрологическую неоднородность царской эмиссии, но, полагая, будто монеты Фарзоя чеканились «случайно, эпизодически и предназначались для донативных целей» [70. С. 138], он не уделил должного внимания этой стороне дела. Между тем средние веса монет разных эмиссий обнаруживают ряд закономерных изменений: средний вес самой ранней эмиссии [111. С. 26—27, № 1—4] составляет 8,35 г, т. е. практически не отличается от веса посмертных статеров Лисимаха, обращавшихся в Причерноморье в позднеэллинистическое время [300. С. 41—44], тогда как вес остальных монет первой группы [111. С. 27, № 5—7] близок к 7,7 г. Переходные экземпляры [111. С. 27, № 8, 9] имеют средний вес 7,1 г, а все остальные [111. С. 27—28, № 10—14] чеканены по норме, не достигающей 7 г. Такое точное соответствие эмиссий, выделенных по типологическим и стилистическим признакам, и эволюции их среднего веса вряд ли можно считать простой случайностью. Действительно, монеты, выбитые по норме 7,7 г отвечают реальному весу римских ауреусов, чеканенных при преемниках Августа [188. С. 183, табл. 15, с. 192; табл. 16; 295. С. 17, табл. В], и указывают на то, что Фарзой, начавший с выпуска статеров аттической системы, перешел в дальнейшем к чеканке ауреусов. Дальнейшее понижение весовой нормы этих монет следует за изменением веса римских золотых монет при Нероне: ауреусы первого десятилетия его правления (54—63 гг. н. э.) весят в среднем столько же, сколько весили ауреусы Клавдия (7,64 г), а монеты последних пяти лет (64—68 гг. н. э.) — только 7,31 г [188. С. 180—191; 280. С. 199—200].

Неслучайность прослеживаемых изменений веса золотых монет Фарзоя подтверждается при сравнении их с одновременной медью. Ранние эмиссии ольвийских медных монет послегетского времени представлены тремя эмиссиями. В первом случае выпускались монеты двух номиналов — на крупных изображены голова Тихе и орел, на мелких — голова Аполлона и городская эмблема (рис. 10, 3, 4) [254. Табл. XI, 1, 2]. Другая группа, представленная небольшими монетами с изображениями Зевса и орла [254. Табл. XI, 4—6; 70. Табл. XXXIV, 7—10], настолько близка к статерам и тяжелым ауреусам Фарзоя, что «не остается никаких сомнений в их одновременности» [70. С. 138]. Третью группу меди образуют крупные монеты с несколько схематизированными изображениями Аполлона и ольвийской эмблемы [254. Табл. XI, 10—14; 70. Табл. XXXIV, 12, 15—17], которые отличаются настолько «поразительным сходством» с легкими царскими ауреусами, что «едва ли можно усомниться», что и те и другие «биты в одно время» [137. С. 19; 14. С. 31].

2. Относительная последовательность меди с Зевсом и Аполлоном определяется их сходством с царским золотом. А. Н. Зограф полагал, что упомянутая серия из двух номиналов меди (рис. 10, 3, 4) выпущена до монет с Зевсом [70. С. 140—141], которые предшествовали крупным монетам с изображением

Рис. 10. Ольвийские монеты I—II вв. н. э.

1—3, 7—9, 11, 12 — ГИМ; 4—6, 10 — ГЭ (Все монеты бронзовые.)

Аполлона [70, С. 141, 142]. Он отмечает, что мелкие монетки с Аполлоном (рис. 10, 4) надчеканены клеймом с изображением керикея, тогда как на некоторых монетах с Зевсом [254. Табл. XI, 6; 70. Табл. XXXIV, 10] эта надчеканка переходит в основной тип; поэтому монеты с типом Аполлона (а также старший номинал этой серии, т. е. монеты с изображением богини в стенном венце) должны рассматриваться как более ранний выпуск, чем монеты с Зевсом. Такая аргументация не учитывает, однако, всей сложности клеймения ольвийских монет рассматриваемого времени: ведь клеймо с керикеем известно и на монетах с Зевсом, причем оно не зарегистрировано на самом раннем их выпуске, но все чаще встречается на последующих — кроме последнего, на котором, как уже сказано, изображение керикея вырезано в основном штампе. Мелкие монеты с Аполлоном надчеканены таким же клеймом, и это приводит к заклю-

чению, что клеймение меди с типами Зевса и Аполлона производилось одновременно, причем, поскольку последние вообще неизвестны без клейма, приходится считать их предшествующими непосредственно моменту клеймения, который в свою очередь был синхронным или предварял эмиссии монет с Зевсом, на которых керикей включен в основной тип. Невозможность усматривать в серии из двух номиналов самую раннюю эмиссию рассматриваемого времени доказывается и тем, что на этих монетах имеется обозначение титула $\rho\acute{\iota}\theta\omicron\varsigma\ \alpha\rho\chi\acute{\omicron}\nu$ при помощи монограммы из букв П и А [129. С. 117, 267—268; 70. С. 141—142, 145], а такое обозначение приходит на смену отдельно стоящим буквам на монетах с Зевсом, и потому они не могут следовать за серией монет с типами Тихе и Аполлона.

Следует отметить, что монеты с Зевсом распадаются на несколько выпусков. Первый из них представлен сравнительно редкими экземплярами с изображением небольшой головы Зевса на аверсе и с сокращением $\Delta\Gamma\Lambda\Upsilon$ по сторонам обращенного влево орла на реверсе; такие монеты встречаются всегда без клейм; средний вес их превышает 5 г [14. № 149; 13. № 209]. На монетах следующего выпуска голова Зевса уже крупнее и окаймлена ровным кругом из точек; перед орлом в поле помещены буквы ПА; часть монет этого выпуска имеет клеймо; средний вес 4,9 г [254. Табл. XI, 4; 70. Табл. XXXIV, 7]. На монетах третьего выпуска буквы ПА заменяются монограммой, известной также на золоте Фарзоя; орел обращен то влево [70. Табл. XXXIV, 8], то вправо [254. Табл. XI, 5; 13. Табл. VI, 111], причем экземпляры с изображением орла вправо или влево не связаны общими штемпелями аверса; надчеканенные монеты нередки; средний вес опускается до 4,4—4,5 г. Следующие выпуски отмечены особыми знаками, стоящими над монограммой, перед головой всегда обращенного влево орла, — это цифровые обозначения S, т. е. 6 [13. Табл. VI, 110; 137. Табл. II, 5], Z, т. е. 7 (рис. 10, 1) [13. Табл. VI, 108; 70. Табл. XXIII, 29], H, т. е. 8 [70. Табл. XXXIV, 9; 13. Табл. VI, 109] и Θ, т. е. 9, причем в последнем случае за головой орла находится сокращение EY (рис. 10, 2) [13. Табл. VI, 114; 70. Табл. XXIII, 71]; нелишне отметить, что знаки 7 и 8 известны и на ранних статерах царя Фарзоя [111. С. 27, № 2—4]. Количество клейменных экземпляров меди возрастает в каждом следующем выпуске, а средний вес сначала опускается от 4,2—4,3 г (выпуски с обозначениями S и Z) до 4,00 г (выпуски со знаком H), а затем резко возрастает, достигая для монет со знаком Θ и буквами EY 5,4 г [111. С. 17, табл. 2]. В последнем выпуске керикей вырезан, как отмечалось, в основном штампе аверса, орел обращен вправо, монограмма ПА помещена за его спиной, а перед ним — сокращение KA [254. Табл. XI, 6; 70. Табл. XXXIV, 10]. Средний вес этих монет снижается до 3,6—3,7 г.

Помещая, таким образом, серию монет с типами Тихе и Аполлона (рис. 10, 3, 4) среди монет с типом Зевса между вы-

пусками с обозначениями ЕΥ и ΚΑ и не упуская из виду метрологические особенности монет Фарзоя, можно представить развитие монетного дела Ольвии в следующем виде [111. С. 22—23]. Первые выпуски меди с изображением Зевса приходились на то время, когда функции денег сохранялись за золотыми статерами аттической системы, каковыми были первые монеты Фарзоя. Медь с Зевсом всех выпусков до отмеченного знаком Н включительно являлась одним из номиналов традиционной монетной системы ольвиополитов, и вес этого номинала неуклонно понижался. Переход к эмиссии ауреусов сопровождался, естественно, изменением веса разменной городской меди, поскольку и она должна была теперь служить одним из подразделений римского денежного счета. В связи с этим вес привычных монет с Зевсом был увеличен сразу от 4 (для выпуска со знаком Н) до 5,4 г (для выпуска с сокращением ЕΥ и знаком Θ). Попытка сохранить для новых монет облик их предшественников была, однако, неудачна, и еще при том же магистрате ЕΥ ольвиополиты перешли к чеканке меди по римской системе в двух номиналах и с новыми типами; вес монет старшего номинала был еще более повышен (до 5,9 г для монет с изображением головы Тихе), и одновременно появились монеты половинного достоинства (вес монет с Аполлоном несколько ниже 3 г).

§ 17. УТВЕРЖДЕНИЕ РИМСКОЙ МОНЕТНОЙ СИСТЕМЫ В ДЕНЕЖНОМ ОБРАЩЕНИИ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА

1. Уменьшение веса римских золотых монет при Нероне и соответствующее снижение веса ауреусов Фарзоя вынудило ольвиополитов отметить легкие золотые монеты особым отличительным признаком. С этой целью в штемпеле аверса ауреусов перед лицом царя было вырезано изображение керикея [111. С. 27, № 8, 9], и такой же керикей помещен перед Зевсом на вновь выпущенных монетах традиционного образца с сокращением ΚΑ [254. Табл. XI, 6; 70. Табл. XXXIV, 10]. Вряд ли можно сомневаться, что тогда же и надчеканена вся сохранявшаяся в обращении медная монета: монеты старшего номинала с изображением Тихе — овалы с клеймом с небольшим орлом (рис. 10, 3) [254. Табл. XI, 1; 70. Табл. XXXIV, 6], а монеты младшего номинала с Аполлоном и монеты прежних выпусков с Зевсом — прямоугольным клеймом с керикеем (рис. 10, 2, 4) [254. Табл. XI, 2, 4; 70. Табл. VI, 108—110, 113]. Этим общим клеймом подчеркивалось, надо полагать, что оба последних сорта меди рассматривались при надчеканке как один номинал (половинного достоинства по отношению к монетам, получившим клеймо с орлом). Представителями этого же младшего номинала являлись, по-видимому, также измельчавшие и упавшие в весе до 3,6 г монеты с Зевсом и керикеем в основном штемпеле [254. Табл. XI, 1; 70. Табл. XXXIV, 10]. В дальнейшем, при чеканке «легких» ауреусов Фарзоя новыми штемпелями, эмиссия меди

возобновилась, но теперь выпускали монеты более крупного размера и значительно более тяжеловесные, чем все предшествующие — средний вес достигает 7 и даже 8 г; на них помещены, как отмечено выше, грубые и схематичные изображения Аполлона и орла, держащего в лапах дельфина [254. Табл. XI, 10—14; 70. Табл. XXXIV, 12, 15—17].

Монеты с типом Аполлона дают возможность определить их номинал, а вместе с тем и всю систему номиналов ольвийской меди I в. н. э. А. Н. Зограф считал их дупондиями [70. С. 142], и с этим следует согласиться. Решающее значение имеет, однако, не наличие знака В (2) в легенде на монетах второй эмиссии этой группы, а то обстоятельство, что монеты с изображением Аполлона надчеканивались впоследствии клеймами Δ и Α (в цифровом значении 4 и 1), тогда как на более поздних и значительно более тяжеловесных монетах архонта Адоя, которые были несомненно тетрассариями, в той же последовательности ставились клейма Η и Β, соответственно 8 и 2 (ср. § 18). Но если монеты с типом Аполлона рассматривались как половинный номинал по отношению к тетрассариям, их следует признать дупондиями. В таком случае последние монеты с изображением Зевса вдвое меньше по весу, чем первые монеты с изображением Аполлона (3,7 и 8,7 г), окажутся ассариями. Этот же номинал, но по отношению к донероновским ауреусам Фарзоя, представляли и более тяжелые монеты с Зевсом и сокращением ΕΥ, тогда как монеты более ранних выпусков этой группы получили достоинство римских ассариев лишь благодаря наложению на них клейма с изображением керикея. Труднее определить, каким номиналом традиционной местной системы были первые монеты с Зевсом до согласования их наименования с римской монетной номенклатурой. При недостаточности прямых данных для решения этого вопроса, можно все же предположить, что они считались, — по крайней мере номинально, — тетрахалками, которые представляли с последней четверти III в. до н. э. высший номинал ольвийской меди, выпускавшийся и тогда, когда город находился под властью Скилура или Митридата (ср. § 15). Следует заметить, что на Востоке Римской империи обол греческих монетных систем обычно соответствовал двум ассариям, каждый из которых приравнивался к шести халкам [249; 223; 280. С. 199—202], что прямо удостоверяется соответствующими надписями на монетах Хиоса [70. С. 53; 243. С. 2—6]. Если принять, что в Ольвии система денежного счета была такой же, то резкое увеличение среднего веса монет с Зевсом при переходе к римской системе хорошо согласуется с предположением, что первоначально они были тетрахалками.

2. Классификация ольвийских монет середины I в. н. э. позволяет уточнить время чеканки золота с именем Фарзоя и начало перехода ольвиополитов к римской монетной системе. А. Н. Зограф датировал монеты с изображениями Тихе и Аполлона временем Тиберия (14—37 гг. н. э.), монеты с Зевсом он

относил к правлению Клавдия (41—54 гг. н. э.), крупные монеты с типом Аполлона — к правлению Флавиев, т. е. к последней трети I в. н. э. [70. С. 140—143]. Если оставить в стороне первую серию, которая, согласно сказанному выше, разрывает монеты с типом Зевса, то время чеканки остальных монет определено верно — это подтверждается для монет с Зевсом не только сопоставлением их с эмиссиями Херсонеса и Боспора [70. С. 140, 156, 198, табл. XXXVII, 5, 6, XLVI, 10], но и сравнением с монетами Том, среди которых известна серия с изображениями Зевса и орла. Эти монеты по размерам, весу и стилю изображений очень близки к занимающим нас монетам Ольвии; объединяют их и такие черты, как фактура монетного кружка, наличие точечного ободка вокруг изображения Зевса, размещение и содержание надписи [254. Табл. VI, 3, 8, 10]. Эмиссия томи-танских монет началась при Юлиях — Клавдиях [254. С. 608—613, 615—617, 626], и можно полагать, что ольвийские монеты несколько младше своих образцов.

Эти общие соображения могут быть уточнены. Вряд ли можно сомневаться, что «легкие» ауреусы Фарзоя выпущены вскоре после понижения весовой нормы римского золота. В то же время чеканка полновесных царских ауреусов близка к моменту уменьшения их веса: один «легкий» ауреус выбит той же парой штемпелей, которая использовалась при чеканке этого номинала по первоначально принятому весовому стандарту, и только дополнительно вырезанное в штемпеле аверса [111. С. 27, № 8] изображение керикея отличает новую монету от прежних; тот же исправленный штемпель применен и при дальнейшей чеканке, но в соединении с новым штемпелем реверса [111. С. 27, № 9]. Если добавить, что один из «тяжелых» ауреусов в свою очередь связывается штемпелем аверса со статерами [111. С. 27, № 5], можно заключить, что три первые эмиссии Фарзоя — статеры, «тяжелые» и «легкие» ауреусы — представляют ряд близких по времени чеканки последовательных выпусков, группирующихся вокруг 64 г. н. э. — даты проведения денежной реформы в Риме. Необходимо также учесть, что на тетрахаках с Зевсом известны знаки, соответствующие цифровым обозначениям 6, 7, 8 и 9, наводящие на мысль о счете годов по особой эре [70. С. 141; 137. С. 21], а наличие двух таких дат (7 и 8) на статерах Фарзоя укрепляет гипотезу, что на перечисленных монетах отмечались годы правления Фарзоя [15. № 100]. Во всяком случае, весьма существенно, что в восьмом году ольвийской эры выпускались статеры и тетрахаки [111. С. 27, № 4; 70. Табл. XXXIV, 9], а в девятом — уже ассарии (рис. 10, 2) [13. Табл. VI, 114] и, как можно полагать, первые ауреусы [111. С. 27, № 5—7], а вскоре после этого — новые золотые монеты с керикеем в основном штемпеле [111. С. 27, № 8, 9] и сильно пониженные в весе ассарии с Зевсом и сокращением КА [254. Табл. XI, 6; 70. Табл. XXXIV, 10]. Поскольку «легкие» ауреусы и синхронная им медь выпущены вскоре после 64 г.

н. э., начало ольвийской эры следует, по всей вероятности, относить к первой половине предшествующего десятилетия, т. е. к последним годам правления Клавдия или к самому началу правления Нерона. Б. В. Кене читал, правда, сокращение КА на ассариях с Зевсом как числовое обозначение 21 года той же ольвийской эры [120. С. 60], что привело бы к перенесению ее исходного пункта на 48/49 г. н. э. [111. С. 21; 112. С. 73], но медь римской системы последовательно отмечалась в Ольвии, как показано выше, сокращениями имен архонтов, а одиннадцатилетний перерыв между ассариями архонтов ЕУ (9-й год) и КА (21-й год) опровергается наблюдениями над штемпелями первых эмиссий Фарзоя.

Вывод о переходе Ольвии к римской монетной системе в 60-х годах I в. н. э. подтверждается тем, что здесь практически отсутствуют римские монеты предшествующего времени [66; 96; 123. № 706—728]. Кроме сильно стертого легионного денария Марка Антония, который мог попасть в город значительно позже [188. С. 48, 336—337], можно назвать лишь бронзовую монету македонского города Филиппы, чеканенную скорее всего при Августе, асс Тиберия, денарий Калигулы, асс Клавдия с тирасским клеймом и сестерций Нерона.

Немногочислены находки ольвийских монет середины I в. н. э. и за пределами города [97; 113]. Монеты с изображениями Тихе и Зевса (рис. 10, 1—3) обнаружены в Херсонесе и в древнем святилище на о-ве Левке, монеты с Зевсом — в Тире, на Березани, в Очакове и на городище Золотой Мыс. Зато монеты Фарзоя встречены в нескольких пунктах региона — «в Херсонской губернии, на левой стороне реки Днепра», в окрестностях Бердичева, в с. Брынзены в Молдавии, просто «в реке Пруте», наконец, «на нижнем Балкане» [112. С. 82, № 4, 7, 8, 12, 13]; весьма вероятны находки этих монет на Екатеринославщине [там же, № 6] и в Бессарабии [там же, № 3]. При всей своей неопределенности эти сведения ведут не к государству Крымских скифов, царем которых многие исследователи считали Фарзоя, а в мир степных племен Северо-Западного Причерноморья. Наличие на всех царских монетах сарматской тамги [70. С. 138; 112. С. 76, рис. 3] указывает на то, что этот правитель возглавлял какую-то группу сарматских племен, живших к северо-западу от границ Ольвийского полиса [175].

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ОЛЬВИИ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ

(конец I — конец IV в. н. э.)

§ 18. ВРЕМЯ ФЛАВИЕВ И АНТОНИНОВ (69—192 гг. н. э.)

1. Эмиссия монет с именем Фарзоя определила переход ольвиополитов к римской монетной системе, а чеканка дупондиев окончательно закрепила его. «Легкие» царские ауреусы представлены немногими экземплярами, но с разными сокращениями имен ольвийских архонтов. Эти монеты не связываются общими штемпелями, и между выпусками, отмеченными сокращениями АΛ [137. Табл. II, 9; 254. Табл. XII, 8], ΜΟΛ [19. Табл. II, 21], ΣΩ [139. Табл. I, 8; 70. Табл. XXXIII, 26] и ΙΝ (рис. 14, 1) [254. Табл. XII, 9], естественно предполагать небольшие перерывы. Поскольку пониженная весовая норма римских ауреусов была повышена при Домициане до своего прежнего уровня [188. С. 192, табл. 16], последние монеты Фарзоя не выходят за рамки правления Тита (79—81 гг. н. э.). К этому же периоду относятся упомянутые дупондии с изображениями Аполлона и орла с дельфином. Они подразделяются на три самостоятельные эмиссии с сокращениями АΛ [254. Табл. XI, 10; 70. Табл. XXXIV, 12], ΙΕΡΘΘΕΟΒ или ΙΕΡΘΕΟΒ [254. Табл. XI, 11, 12; 70. Табл. XXXIV, 15] и ΤΦΣΩΠΑ [254. Табл. XI, 13, 14; 70. Табл. XXXIV, 16, 17]. Эти дупондии чеканены многими штемпелями и принадлежат к числу наиболее часто встречающихся ольвийских монет послегетского времени, но штемпеля аверсов ни разу не соединяют эмиссии с разными сокращениями, так что последовательность эмиссий определяется по нарастающей варваризации стиля и по постепенному падению среднего веса (8,9—7—6 г.).

Такая медь удовлетворяла в основном нужды внутригородского рынка, а для торговли с окружавшими город племенами применялись, как и повсюду у границ Римской империи, серебряные денарии. О распространении последних поблизости от Ольвии и вообще в Северном Причерноморье можно судить по многочисленнымкладам и отдельным находкам [123], но на территории самого города Ольвии случаи обнаружения римских монет не слишком часты.

Первая систематическая публикация найденных в Ольвии римских монет была выполнена А. Н. Зографом, которому было известно немногим более четырех десятков таких находок

[66]. В дальнейшем В. В. Кропоткин несколько расширил эти сведения за счет ряда случайно обнаруженных в городе римских монет [123. № 706, 708—711, 713—716, 718, 719, 721—723]; были частично опубликованы и ольвийские находки римских монет за послевоенные годы [96]. Общее количество римских монет, происходящих из Ольвии, превышает в настоящее время сотню и увеличивается с каждым годом; в списке находок представлены имена едва ли не всех императоров последней трети I—II вв. н. э. Список открывается денариями Вителлия (рис. 14, 4), Веспасиана (2 экз.) и Домициана, продолжается денариями Траяна (9 экз.; рис. 14, 5), Адриана (8 экз.; рис. 14, 6), Антонина Пия и Фаустины Старшей (14 экз.; рис. 14, 11, 12), Марка Аврелия, Фаустины Младшей и Луциллы (8 экз.; рис. 14, 14) и завершается денариями Коммода и Криспины (3 экз.; рис. 14, 15). Известны также находки сестерциев Нервы, Марка Аврелия, Фаустины и Криспины, дупондиев Фаустины Старшей и Коммода, ассариев Адриана, Антонина и Марка Аврелия (всего 12 экз.). Этот список дополняется находками провинциальной меди и монет зависимых от Рима государств. Если оставить в стороне монету Александрии Египетской времени Антонина и квазиавтономную монету Хиоса, то на первый план выдвигаются монеты ближайших соседей Ольвии — Тиры (2 экз.; рис. 14, 7), Том (4 экз.; рис. 14, 8), Каллатии (рис. 14, 10), Херсонеса Таврического (3 экз.). Засвидетельствованы также находки монет фракийских городов — Месембрии, Перинфа [96. Рис. 3, 4], Адрианополя, Филиппополя (рис. 14, 16) и некоторых центров Малой Азии — Ассоса [301], Александрии Троадской [67. Табл. 47, 4], Никеи и Тиума [96. Рис. 3, 6, 7], а также Амастрии (рис. 14, 17). Боспор представлен среди монетных находок восемью сестерциями — Рескупорида I, Савромата I (5 экз.), Котия II и Савромата II (до монетной реформы) [70. С. 204—206, табл. XLVI, 16, XLVII, 9, 10, 16, XLVIII, 9].

При изучении находок монет Римской империи в Ольвии следует упомянуть о находках таких монет в окрестностях города, на территориях, входивших в состав ольвийской хоры или тесно связанных с хозяйственной деятельностью ольвийских граждан, — это находки на берегах Бугского и Днепровского лиманов, а также вдоль нижних течений Буга, Ингула, Ингульца и Днепра, примерно до Любимовского городища на востоке; с другой стороны, необходимо привлечь монетные находки вдоль Черноморского побережья от Одесской бухты на запад. Особого внимания заслуживают скопления монет на местах древних святилищ [69; 113]. Ограничиваясь находками, о которых имеются более или менее точные данные, на указанной территории можно назвать ауреус Антонина Пия, два десятка денариев (от Веспасиана до Коммода), медные римские монеты Адриана и Антонина (по 1 экз.), а также несколько медных монет времени Антонинов, происходящих из тех же причерноморских городов, что и ольвийские находки.

Из приведенных данных видно, что до времени Северов в Ольвию проникали главным образом денарии, составляющие 80 % находок собственно римских монет. При этом среди денариев из Ольвии неожиданно высок процент субератов; к числу таких легально фальсифицированных монет принадлежит почти 40 % найденных денариев (18 из 46). Трудно сказать, не является ли это обстоятельство случайным. А. Н. Зорграф предполагал, что за большим количеством неполноценных денариев, проникавших в Ольвию, скрывается тот факт, что они попадали на ольвийский рынок не благодаря торговым операциям, а в качестве денежной платы римским войнам, служившим в ольвийском гарнизоне [66. С. 8].

Касаясь темпов проникновения римской монеты в Ольвию, отметим, что она поступала при Флавиях так же случайно и нерегулярно, как и при Юлиях — Клавдиях; при Траяне и Адриане количество монет заметно возрастает, достигая наивысшего уровня при Антонине и Марке Аврелии. Другими словами, до завоевания Дакии и последовавшего вслед за этим массового проникновения денариев в среду племен Центральной и Восточной Европы [124. С. 26—27] не приходится говорить о сколько-нибудь регулярном поступлении римских монет на ольвийский рынок. Рост количества римской монеты в годы правления Антонина Пия можно, в свою очередь, сопоставить с известием Юлия Капитолина [Capit., Vita Anton., IX, 9] о военной помощи, оказанной Антонином, теснымым тавро-скифами, ольвиополитам.

Сравнительно многочисленные находки римских и провинциальных монет в Ольвии не дают возможности согласиться с заключением о том, что эти монеты не играли существенной роли в денежном обращении в Ольвии [66. С. 8]. Между тем сравнение с количеством и распределением по времени чеканки находок римских и провинциальных монет в Ольвии [99. С. 177—178] с имеющимися данными для Истрии [257. С. 58—65] позволяет заключить, что в Ольвию проникало не только больше римских монет, но и значительно больше денариев, чем в Истрию: 53,5 % в первом случае (46 денариев из 86 находок) и только 17,3 % (9 из 52) — во втором. В свою очередь, разменные римские монеты составляют в Ольвии 13,9 %, а провинциальная медь — 32,6 % монетных находок, тогда как в Истрии на долю римской меди приходится 78,8 %, а на долю провинциальных монет — только 3,9 %. Учитывая, что роль денариев и разменных медных монет была неодинаковой — первые служили общепризнанным платежным средством при самых различных торговых операциях, как внутригосударственных, так и при расчетах на внешних рынках, тогда как медная монета обращалась лишь в узких пределах отдельных городских рынков и обслуживала преимущественно сферу мелкой торговли, — и что в I—II вв. н. э. в Ольвии выпускали гораздо больше собственной меди, чем в Истрии [254. № 483—491], можно предпола-

гать, что при Флавиях и Антонинах Ольвия играла более важную роль в понтийской торговле, чем Истрия. Во всяком случае, денежное обращение в Ольвии было в общем достаточно развитым; поэтому представляется далеко не случайным, что в период, когда в городе еще не было римских войск, ольвиополиты предприняли попытку чеканки собственного серебра.

2. Серебряные монеты, выпускавшиеся в Ольвии в последней трети I в. н. э., разделяются на две группы: одна состоит из монет с изображениями Аполлона и городской эмблемы (рис. 14, 2) [254. Табл. XI, 8; 137. Табл. II, 9; 102], в другую входят два номинала с именем и портретом царя Иненсимея или Инисмея (рис. 14, 3) [254. Табл. XII, 9; 70. Табл. XXXIII, 28; 103]. Городская эмиссия представлена всего тремя экземплярами, вес которых колеблется в широких пределах (9,27 — 8,98 — 8,81 г) и установление номинала вызывает определенные затруднения. А. Л. Бертье-Делагард считал и эти монеты и старший номинал царской серии тройными денариями [30. С. 128, прим. 10], но в первом случае можно с большим основанием говорить о тридрахм системе кистофоров (средний вес тетрадрахм 12 г). Драхма этой системы приравнивалась к трем сестерциям, а денарий соответственно расценивался как 8 оболов [233; 249; 70. С. 45]. Что касается монет царя Иненсимея, то их старший номинал [70. Табл. XXXIII, 28; средний вес 11, 12 г] действительно может рассматриваться как тройной денарий, т. е. несколько пониженная в весе тетрадрахма системы кистофоров, вес которых колебался от 11,63 до 12,21 г [230. С. 49—50]; младший номинал (рис. 14, 3; средний вес 3,5 г) представлял денарий.

Последовательность и хронология этих монет определяются тем, что поздний выпуск городского серебра (рис. 14, 2) очень близок к двум первым эмиссиям дупондиев [254. Табл. XI, 10—12; 70. Табл. XXXIV, 12, 15], а Иненсимей может рассматриваться скорее как преемник, чем как предшественник Фарзоя, — во всяком случае царская тамга на серебряных монетах представляет дальнейшее развитие тамги Фарзоя [103. С. 149—151, рис. 2; 112. С. 78, рис. 3]. Это дает основание датировать городские тридрахмы концом 60-х или началом 70-х годов I в. н. э., а царские монеты — временем Тита (или Домициана); и та и другая эмиссии были в любом случае выпущены до начала массового проникновения денариев в Северо-Западное Причерноморье, и обе они отражают тот же переход от греческих систем денежного счета к единой римской монетной системе, который прослежен выше на основании золотых и медных монет.

3. Возвращаясь к золоту и меди 70-х годов I в. н. э., следует добавить, что в двух случаях ауреусы и дупондии образуют серии с сокращениями одних и тех же имен. На монеты с сокращением АА [254. Табл. XI, 10, XII, 7] указал в этой связи еще П. О. Бурачков [13. С. 205]. Во втором случае, соглашаясь с

А. Н. Зографом, читавшим малопонятное сокращение ТФСΩΠΑ и его вариант, отличающийся тем, что две последние буквы объединены в монограмму, как имя Тит Флавий Со... (сын) Па... [70. С. 142], имеется основание читать то же имя и на ауреусе с сокращением ΣΩ [70. Табл. XXXIII, 26].

Дупондии, выпущенные в большом количестве при Веспасиане, оставались в обращении много десятилетий, но недолго были единственным сортом городской меди. Монеты последующих эмиссий чеканены на крупных, аккуратно изготовленных плоских кружках и много тяжелее своих предшественников. На их аверсе находится несколько варваризированное, но не лишнее изящества изображение бюста Аполлона с маленьким луком перед лицом; на реверсе первого выпуска помещена традиционная эмблема, а трех остальных — орел с перуном в лапах и с венком в клюве — тип, часто встречающийся на римской меди времени Флавиев. На монетах с ольвийской эмблемой вокруг нее располагается имя архонта Флавия Па... [101. С. 51—53, табл. I, 1—4], на монетах с римским орлом — имени Писистрата сына Дадака [254. Табл. XI, 7; 101. Табл. I, 8—10], Анаксимена сына Гевресибия [101. Табл. I, 5—7] и Адоя сына Дельфа [254. Табл. XI, 9; 101. Табл. II, 1—8]. Связь между монетами с тремя первыми именами проявляется в очень близкой трактовке головы Аполлона; чрезвычайно похожи друг на друга также орлы на монетах Писистрата и Анаксимена. Монеты Адоя, напротив, отличаются от всех предыдущих целым рядом деталей и, по всей вероятности, отделены от них некоторым промежуточком времени. Правильность такого заключения подтверждается ольвийской эпиграфикой — надписи с именами Писистрата [10. № 139; 197] и Анаксимена [10. № 131] по палеографическим признакам относятся к рубежу I—II вв. н. э. [197. С. 89], а надписи Адоя [10. № 156, 202] — к первой четверти II в. н. э. [129. С. 268—269].

Монеты Флавия, Писистрата и Анаксимена очень редки. Их средний вес приближается, если оставить в стороне дефектные экземпляры, к 12,5 г. Так как средний вес последней эмиссии медных монет времени Веспасиана составляет лишь 6 г, имеются все основания считать, что новые монеты представляют двойной номинал по отношению к прежним. Требуется, однако, объяснения изменение среднего веса монет этого старшего номинала: 10,3 г — для выпуска с именем Флавия, 12,3 г — для Анаксимена и 13,5 г — для Писистрата. При небольшом количестве монет такое возрастание веса могло бы показаться случайным, но нельзя не отметить, что все известные нам визуально монеты Флавия (5 экз.) и Анаксимена (3 экз.), а также примерно половина монет Писистрата (5 экз.) изготовлены не из обычной для ольвийских монет темной бронзы, а из светлого золотистого сплава. Такой сплав называли аурихалком [179. Ч. I. С. 367—370], и в Риме его применяли со времени Августа для сестерциев и дупондиев (ассы и мелкие номиналы чеканили из

темной бронзы). При этом веса аурихалковых и медных монет определялись разными весовыми нормами: сестерций приравнялся к унции (27,29 г), асс — к $\frac{2}{5}$ унции (10,92 г); на практике средние веса всех номиналов были несколько ниже, но до конца I в. н. э. все же не слишком отступали от установленных норм [70. С. 52—53; 297. С. 161—170]. На Востоке римские весовые нормы не соблюдались — например, в западнопонтийских городах, в Херсонесе и на Боспоре тетрассарии (сестерции) весили от 12 до 15 г [70. С. 53, 157, 206—207; 101. С. 59, табл. I].

Возвращаясь к первым ольвийским монетам старшего номинала, можно предположить, что их сравнительно невысокий вес (10,3 г) связан с попыткой ввести в монетное дело Ольвии новый сплав. Хотя в Риме аурихалковые номиналы по внутренней стоимости металла отнюдь не превосходили в четыре или в два раза стоимость металлического содержания асса (эмиссия этого номинала по специальной стопе и из другого металла определялась особыми соображениями правительства) [297. С. 166—171], вдали от Рима и притом столетием позже рассуждали иначе: встречаясь на практике с близкими по среднему весу дупондиями и ассами — эти номиналы уже при Августе весили в среднем 11,8 и 10,5 г [297. С. 132—133], — заключали, что этим признается особая ценность аурихалка. Неудивительно, что ольвиополиты, впервые приступая к эмиссии высшего номинала разменных монет римской системы и желая обеспечить им прочный курс по отношению к денарию, решили использовать тот же аурихалк, из которого чеканились римские сестерции; его и получили, надо полагать, переплавляя римские монеты [101. С. 60—61].

Средний вес всех известных ольвийских монет из аурихалка составляет 11,4 г, тогда как последние медные монеты времени Веспасиана не весят в среднем и 6 г (5,96 г). При таком соотношении чеканка монет старшего номинала из особого сплава была по существу ненужной. Поэтому при архонте Писистрате ольвиополиты перешли к эмиссии монет из темной бронзы, подняв при этом их вес: вес визуально известных монет Писистрата из обычной бронзы колеблется от 13,07 до 17,57 г и составляет в среднем 14,7 г. Так как монеты младшего номинала в это время не выпускались, появившиеся после значительного перерыва монеты Адоя [254. Табл. XI, 9; 70. Табл. XXXIV, 13] также изготовлявшиеся из темной бронзы, были понижены в весе до 9,47 г. Такое сильное снижение не должно казаться чрезмерным: указанный средний вес получен для всех монет Адоя, хотя многие из них представляют собой полустертые или вовсе стертые кружки с надчеканками (рис. 10, 12; 14, 13) [70. Табл. XXXIV, 14]. Если определить средний вес этих монет отдельно в зависимости от наличия и количества клейм, то у ненадчеканенных экземпляров он составит 11,97 г [101. С. 60, табл. 2]. Таким образом, нет никаких оснований оспаривать определение

монет Адоя и его предшественников как римских сестерциев, тетрассариев в денежной системе провинциальных городов Балканского п-ова и Малой Азии.

Изучение надчеканок на ольвийской меди конца I — начала II в. н. э. позволяет уточнить время выпуска и номиналы монет. Описанные тетрассарии подвергались клеймению одновременно со все еще сохранявшимися в обращении дупондиями времени Веспасиана. Сначала на них налагалось овальное клеймо с изображением керикея — такой операции подверглось почти 67,4 % известных дупондиев (рис. 10, 6) [70. Табл. XXXIV, 16; 13. Табл. VII, 165] и 82 % сестерциев Адоя, большинство которых были еще мало изношены (рис. 10, 10) [101. Табл. II, 2; 13. Табл. VII, 31]. Вслед за этим на дупондиях появляется надчеканка в виде буквы Δ (рис. 10, 7) [13. Табл. VII, 167; 17. Табл. VI, 24], а на сестерциях — в виде Н (рис. 10, 11) [17. Табл. VII, 32]; они известны на 76 % ранее надчеканенных дупондиев и соответственно на 84,6 % сестерциев; причем нередко новые клейма частично перекрывают клеймо с керикеем. Заключительный этап клеймения выразился в наложении надчеканок Α на дупондиях (рис. 10, 8) [17. Табл. VI, 23] и Β — на сестерциях (рис. 10, 12) [13. Табл. VIII, 172; 17. Табл. VIII, 33]; эти новые клейма зарегистрированы на 33 % ранее дважды надчеканенных дупондиев и на 44 % сестерциев²⁵. Клеймо Β имеется и на некоторых из найденных в Ольвии римских монет — в одном случае это сильно стертый асс Адриана [96. С. 53, рис. 1, 4], в другом — асс Антонина, чеканенный в 156 г. н. э. (рис. 14, 9) [67. С. 219, табл. 47, 5].

Как уже отмечалось, эмиссия дупондиев приходилась на годы правления Веспасиана (§ 17), а первые выпуски тетрассариев — на рубеж I — II вв. н. э. Монеты Адоя чеканены в начале правления Адриана, и надчеканки на них свидетельствуют, что первое клеймение последовало вскоре после их выпуска, а второе и третье отделены от него и друг от друга заметными перерывами, причем последняя надчеканка приходилась на конец 50-х годов II в. н. э. Следовательно, ольвиополиты в течение примерно трех десятилетий — во второй — начале третьей четверти II в. н. э. — производили только надчеканку ранее выпущенных монет. Наложение клейма с керикеем было, надо полагать, простым подтверждением их курса [70. С. 144], понадобившимся в связи с появлением в Ольвии римского отряда, скорее всего еще при Адриане [145. С. 12—13]. Военная помощь, полученная ольвиополитами от Рима при Антонине, а затем

²⁵ А. Н. Зограф полагал, напротив, будто клеймо Β налагалось на ольвийские тетрассарии прежде клейма Н [70. С. 144—145]. Однако приводимая им репродукция такой монеты [70. Табл. XXXIV, 14] этого не доказывает, так как при изучении оригинала монеты можно установить, что клеймо Н углублено в металл намного дальше, чем клеймо Β, так что при наложении последнего перекрытая им часть прежнего клейма оказалась не затронутой [101. С. 56—57, прим. 38—40].

постоянное присутствие в городе римского гарнизона сопровождалось, по-видимому, некоторым стеснением городской автономии; во всяком случае, чеканка монеты не возобновлялась. Поэтому вскоре обнаружился недостаток разменной меди, что и привело к удвоению ценности находившихся в обращении номиналов: тетрассарии были надчеканены знаком Н, т. е. 8, а дупондии — знаком Δ, т. е. 4. В дальнейшем, однако, увеличение притока римской монеты, приходящееся как раз на годы правления Антонина Пия, приводит к новому изменению курса разменной ольвийской меди, сильно пострадавшей к тому времени от длительного пребывания в обращении; изменение курса осуществлялось к явной выгоде обладателей общегосударственной монеты: бывшие тетрассарии, ценность которых не так давно была доведена до восьми ассариев, были заклеены знаком В, превратившим их в дупондии, а монеты младшего номинала, успевшие побывать тетрассариями, были теперь приравнены к ассариям наложением клейма со знаком А. Так как при этом знаком В клеймились в Ольвии и римские ассы, можно даже предполагать, что они приравнивались к старшему номиналу истертых и трижды надчеканенных местных монет [101. С. 56—57; 96. С. 56—57].

В дальнейшем монетные выпуски Ольвии ограничиваются медью и осуществляются нерегулярно; по всей вероятности первыми из них были связываемые общими штемпелями лицевых сторон в одну группу эмиссии ассариев с именами архонтов Сатира сына Артемидора [254. Табл. XI, 15; 117. С. 26—28, рис. 1, 3—6] и Гикесия сына Маиака [254. Табл. XI, 16; 117. С. 26—29, рис. 1, 7, 8]; оба известны по лапидарным документам [10. № 132, 142, 176] и их монеты можно датировать рубежом 50—60-х годов. За ними последовали серии дупондиев и ассариев с именами архонтов Анаксимена [13. Табл. VIII, 174, 175; 117. С. 29—31, рис. 1, 9—11, 2, 1—4] и Дада сына Сатира [254. Табл. XI, 18, 19; 117. С. 31, рис. 2, 5, 6], имена которых тоже засвидетельствованы надписями [10. № 132, 281]; обе серии датируются скорее всего временем Коммода (180—192 гг. н. э.). Все эти эмиссии невелики и отделены друг от друга значительными перерывами.

4. Что касается распространения ольвийских монет Флавиев и Антонинов за пределами города, то такие случаи не так редки. Дупондии времени Веспасиана встречались в Белозерке, на Золотом Мысу, в Станиславе, Днепровке, Очакове, на о-ве Березани, в Тире и на о-ве Левке; известны они также среди крымских находок (Евпатория, Херсонес) и в Нижнем Подунавье (Муригиол, Гарвен, Фолтешты). В Тире обнаружены сестерции Писистрата и Адоя; последние зарегистрированы и среди находок на о-ве Левке, в Очакове и в Херсонесе. Ассарии Гикесия найдены на Левке и на Березани, монеты Анаксимена — в Широкой Балке, в Очакове и в Херсонесе; на Березани известна также монета архонта Дада [79; 96; 113; 117]. При всей недо-

статочности этих данных, монетные находки подтверждают наличие связей между Ольвией и соседними городами — Тирой на западе и Херсонесом на юго-востоке; они показывают также, что ольвийские монеты проникали в это время на поселения ольвийской хоры и ее ближайшего окружения.

§ 19. ВРЕМЯ СЕВЕРОВ (193—235 гг. н. э.)

1. В последней трети II в. н. э. монетное дело и денежное обращение в Ольвии приобретают черты, сближающие ее с римскими провинциальными городами Балканского п-ова и Малой Азии. В Ольвии появляются серии из нескольких номиналов; изображению божеств (в данном случае Аполлона) придаются черты, сближающие его с портретами царствующего императора [70. С. 143]; из монетной типологии навсегда исчезает старинная городская эмблема — орел, держащий в лапах дельфина, но зато она пополняется изображениями, скопированными со статуй или с римских монет. На монетах появляются обозначения ценности номиналов (в ассариях), подобно тому, как это практиковалось в городах провинции Нижней Мезии [254; 70. С. 89—90, 117, 143]. Это постепенно подводит денежное хозяйство к последней черте, отделяющей монетные эмиссии автономного, хотя и находящегося под защитой империи, полиса от монет провинциальных городов, — к выпуску монет с именами и портретами императоров и других членов правящей династии. Ольвия перешагнула за эту черту при Северах, на время правления которых приходится ее последний краткий подъем.

В конце II — первой трети III в. н. э. в Ольвию продолжали поступать римские и провинциальные монеты, причем находки собственно римской разменной меди не были отмечены. Денариев, которые оставались главным платежным средством на рынках империи, в Ольвии найдено в разное время более четырех десятков и среди них представлены едва ли не все венценосные особы — известны денарии Септимия Севера (11 экз.; рис. 15, 1), Юлии Домны (4 экз.), Каракаллы (11 экз.; рис. 15, 2), Плавтиллы (2 экз.; рис. 15, 3), Геты, Элагабала и Мэзы (7 экз.; рис. 15, 4), Севера Александра и Мамеи (5 экз.; рис. 15, 5). Встречались в городе и монеты восточных провинциальных центров — Тиры (3 экз.; рис. 15, 11), Каллатии, Одесса (рис. 15, 13), Калхедона, Амастрии (2 экз.), Синопы, Херсонеса (3 экз.; рис. 15, 15), боспорских царей Савромата II (рис. 15, 14), Рескупорида II и Савромата III. Из серебряных монет следует упомянуть драхму Кесарии Каппадокийской с портретом Геты (рис. 15, 12). Известны находки нескольких денариев и медных монет Нижней Мезии, Фракии и Боспора и прилегающих к Ольвии территорий. Сравнение со списком таких же находок предшествующего периода (§ 18) показывает, что максимум провинциальных монет поступал в Ольвию и Нижнее Побужье не при Антонинах, а при первых Северах. Наибольшее количе-

ство зарегистрированных находок приходится на Херсонес и Боспорское государство; неполно, но все же неплохо представлены западные соседи Ольвии и города Малой Азии. Любопытно, что из 18 городов, принимавших участие в чествовании ольвиополита Теокла [10. № 40], половина входит в список городов, чьи монеты обнаружены в Ольвии (Никея, Тиум, Амастрия, Одесс, Томи, Каллатия, Херсонес, Боспор, Тира, Синопа). Не лишено смысла и сопоставление монетных находок первой трети III в. н. э. из Ольвии и из Истрии: 73 % найденных в Ольвии монет составляют денарии и 27 % — монеты провинциальной чеканки (соответственно 42 и 16 экземпляров из 58), тогда как в Истрии это отношение дает 40 и 27,6 % (из 50 находок; остальные — римская медь).

2. Первая серия ольвийской меди времени Северов лишена имен и изображений императоров и формально завершает историю автономной городской чеканки. Речь идет о монетах четырех номиналов, объединяемых близкими сокращениями [117. С. 30, рис. 3, 6—9], которые истолкованы А. Н. Зографом [70. С. 143] как титул и имя Каллисфена, занимавшего должность архонта в четвертый раз. В самом деле, ольвийские надписи второй половины II в. н. э. упоминают Каллисфена сына Каллисфена, причем его четвертый архонтат [10. № 42] был ранее 198 г. н. э. [129. С. 162, 170—171; 117. С. 32]. Что касается монет, то помещенные на них изображения Зевса и Тихе [254. Табл. XI, 22; 13. Табл. VIII, 184], быка и римского орла [254. Табл. XI, 23; 13. Табл. VIII, 181, 182], воина и керикея [254. Табл. XI, 21; 13. Табл. VIII, 200], а также культовой статуи Аполлона и лиры [254. Табл. XI, 20; 13. Табл. VIII, 180] по типам и стилю настолько близки к монетам Нижней Мезии конца II — начала III в. н. э., что отнесение ольвийской серии к годам, непосредственно предшествовавшим включению города в состав указанной провинции, представляется весьма вероятным. Включение Ольвии в число римских провинциальных городов датируется 196 г. н. э. [129. С. 195—196], и следует полагать, что серия Каллисфена может быть приурочена к 193—196 гг. н. э., иначе говоря — ко времени гражданской войны в Риме и временного ослабления римского влияния на Ольвию [117. С. 32—33].

Окончательно признав власть Рима, ольвиополиты переходят к чеканке разменной монеты обычного провинциального облика, т. е. с именами и портретами императоров. Первая серия таких монет состоит из тетрассариев, трессисов, дупондиев и ассариев и существенно отличается от эмиссии Каллисфена, в которой представлены тетрассарии, дупондии, тригемиассарии и ассарии [117. С. 33—35]. Возвращение к эмиссии тетрассариев и замена тригемиассариев трессисами свидетельствует об обесценении городской меди, основной причиной которой во всей империи была систематическая порча серебряного денария [70. С. 54, 116; 104. С. 40; 188. С. 196—235].

На аверсах монет рассматриваемой серии помещены портреты членов императорской семьи — Септимия Севера, Домны, Каракаллы и Геты (рис. 15, 6—9). На реверсе тетрассариев изображены Зевс на троне [13. Табл. VIII, 187, 188; 96. Рис. 5, 1, 3] или Тихе [13. Табл. VIII, 186; 96. Рис. 5, 2], на трессисах — атлет [254. Табл. XII, 2; 96. Рис. 5, 4], на дупондиях — бык [13. Табл. VIII, 191; 96. Рис. 5, 5] или римский орел [13. Табл. VIII, 192; 96. Рис. 5, 7], на ассариях — воин [254. Табл. XI, 1; 96. Рис. 5, 6].

Следующая эмиссия императорских монет Ольвии представлена крайне редкими тетрассариями с изображениями юношеской головы и Зевса на троне [96. С. 66, рис. 6, 1]. Надпись вокруг портрета не дает возможности определить, выпущены ли эти монеты при Каракалле или при Элагабале — оба именовались «Марк Аврелий Антонин Август». Поскольку, однако, Каракаллу в период его самостоятельного правления обычно изображали бородатым, эту эмиссию следует, скорее, относить к правлению Элагабала.

Последняя серия ольвийских монет первой трети III в. н. э. снова состоит из четырех номиналов: на тетрассариях, дупондиях и ассариях помещено изображение последнего Севера, а на трессисах — его матери. При этом портрет Севера Александра сочетается с римским орлом (рис. 15, 10) [70. Табл. XXXIV, 19; 96. С. 66, рис. 6, 2], быком [254. Табл. XII, 3; 96. Рис. 6, 5] или венком [13. Табл. VIII, 194; 96. Рис. 6, 6], а Юлия Мамея — с Зевсом на троне [13. Табл. VIII, 197; 96. Рис. 6, 3] или со стоящей Тихе [13. Табл. VIII, 196; 96. Рис. 6, 4]. Эта серия завершает историю ольвийской монетной чеканки.

Серия Септимия Севера относится, согласно А. Н. Зографу, ко времени между 198 и 207 гг. н. э. Такой вывод следует из титулатуры сыновей императора: на монетах Каракалла именуется «августом», а Гета — только «кесарем» [70. С. 144; 129. С. 196, 200—201]. Отсутствие в этой серии монет с изображением Плавтиллы, известных в Тире [70. Табл. XXIV, 15] и в некоторых городах Нижней Мезии [254. № 321—а, 1626—1636, 2941—2958], позволяет уточнить время ее чеканки: брак Каракаллы с дочерью всесильного временщика Фульвия Плавтиана был заключен до середины сентября 202 г. н. э. — вскоре после того, как Север с сыновьями прибыл в столицу, посетив на пути от парфянской границы многие города Фракии и Мезии [246. С. 120—126]. Ко времени пребывания императорской семьи в Дунайских провинциях, т. е. к первой половине 202 г. н. э., подъем монетного дела наблюдается и в Тире [70. С. 116, табл. XXIX, 8—16].

Если тетрассарии с именем Марка Аврелия Антонина принадлежат Элагабалу, то они датируются в пределах недолгого правления императора (218—222 гг. н. э.). Серия же Севера Александра относится к одному из первых годов его правления, начавшегося в марте 222 г. н. э.

3. Учитывая непродолжительность последнего подъема Ольвии и ограниченное количество штемпелей, использованных при чеканке монет времени Северов, находки их за пределами Ольвии довольно многочисленны. Монеты серии Каллисфена встречались в Тире, на островах Левке и Березани, на Петуховском городище, в Херсонесе. На Левке известны находки монет Септимия Севера, Геты и Севера Александра; в окрестностях Измаила и в Тире засвидетельствованы находки тетрассариев того же императора; в Каменке, Анатольевке, на Альминском городище в Крыму и в Херсонесе — монет Каракаллы; на Петуховском городище, в Варваровке и на Золотом Мысу — ассарии Геты. Наконец, тетрассарии последнего Севера найдены в Херсонесе, в древнем святилище у с. Чехово в Крыму (б. Верхняя Аутка) и на одном из поселений на Нижнем Дунае (Пэкуйол-луй-Соаре), а дупондий того же императора — на Лузановском поселении. Единственный случай обнаружения трессиса Мамен засвидетельствован в Цюрупинске (б. Алешкинские хутора).

Распространение ольвийских монет первой трети III в. н. э. в сравнительно широком ареале согласуется с оживлением экономики города и укреплением его связей с малоазийскими и балканскими провинциями Римской империи в это время [129. С. 195—212], а систематическая — хотя и не ежегодная — эмиссия собственных монет соответствует монетной политике Северов, при которых резко возрастает объем чеканки провинциальных городов. Не следует, впрочем, видеть в этом расширении городских монетных эмиссий только проявление экономического процветания провинций — преобладание военной символики на северовских монетах в Нижней Мезии, Фракии и Малой Азии (в Ольвии к этой категории относятся изображения воина, лаврового венка и легионного орла) приводит к выводу, что расширение провинциальных эмиссий имело целью переложить на плечи провинциалов значительную часть резко возраставшей в первой половине III в. н. э. денежной оплаты воинов [210. С. 138—142, 150—155], а сам рост жалования командиров и солдат был одним из симптомов неотвратимо приближавшегося кризиса рабовладельческого Рима. Топография монетных находок также показывает, что они встречаются либо на территории святилищ, либо в местах расположения римских легионов, и распространение их происходило не столько по традиционным торговым путям, которые связывали в это время Ольвию главным образом с южнопонтийскими центрами, сколько вдоль военных дорог, по которым перемещались подразделения римских вооруженных сил.

§ 20. ПРЕКРАЩЕНИЕ ОЛЬВИЙСКОЙ МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКИ И УГАСАНИЕ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В НИЖНЕМ ПОВУЖЬЕ

1. Серия бронзовых монет с изображениями Севера Александра и Юлии Мамен завершает собой почти тысячелетнюю историю ольвийского монетного дела. Однако Ольвия не погиб-

ла в период нашествий готов и их союзников на придунайские области Римской империи в конце 30—50-х годах III в. н. э. В результате археологических раскопок удалось обнаружить, несмотря на разрушенность верхних слоев, строительные остатки конца III и керамику IV в. н. э.; имеются также надписи, удостоверяющие пребывание в городе римского гарнизона в годы правления Филиппа Араба (244—249 гг. н. э.) и даже Диоклетиана (284—305 гг. н. э.) [99]. По-видимому, вплоть до начала IV в. н. э. Ольвия не только находилась в поле зрения римских военных властей, но и оставалась более или менее значительным населенным пунктом, сохранявшим, во всяком случае, городской культ Зевса.

Разумеется, это никоим образом не означает, будто Ольвию не затронули бурные события середины III в. н. э. или будто ее роль как городского центра с развитым ремеслом и торговлей не была подорвана в ходе перемещения враждебных Риму племен. Представляется, однако, что нельзя считать достаточно обоснованным и часто повторяемое утверждение о том, что город был разрушен готами и их союзниками, так что только его развалины могли служить опорным пунктом для римских сторожевых постов. Поскольку такое мнение высказывалось на основании прекращения эмиссии ольвийских монет и в связи с поздними монетными находками на территории города [66. С. 10; 70. С. 144; 129. С. 209—212], следует остановиться на последних.

Еще А. Н. Зографу были известны монеты многих императоров эпохи кризиса III в., найденные в Ольвии. Он называет [66. С. 13] Максимиана Фракийца, Гордиана III, Филиппа Араба, Деция, Валериана и Галлиена (их правления охватывают период от 235 до 268 гг. н. э.). Если значение этого перечня несколько ослабляется тем, что монеты Гордиана и обоих его ближайших преемников найдены в одном погребении, то послевоенные раскопки и находки позволяют существенно расширить список поздних римских монет из Ольвии, определение которых не вызывает сомнений. Этот пополненный список включает антонинианы Гордиана III (2 экз.; рис. 16, 1), Филиппа и Отацилии (3 экз.; рис. 16, 3, 4), Траяна Деция (рис. 16, 5), Требониана и Волусиана (рис. 16, 6), Валериана (2 экз.; рис. 16, 7) и Галлиена (3 экз.; рис. 16, 8), а также провинциальные монеты Максимиана (Тарс), Гордиана (Томы, Каллатия, Маркианополь; рис. 16, 2) и даже чеканенную в Александрии монету Клавдия Готского (рис. 16, 9). Таким образом, хотя количество найденных в Ольвии римских монет времени кризиса III в. н. э. значительно уступает числу монетных находок периода Северов, оно не настолько ничтожно, чтобы утверждать, что город пришел в полный упадок после гибели Севера Александра. Не говоря о кризисе системы денежного обращения на всей территории Римской империи, приходящемся именно на эти десятилетия, следует учитывать и начавшийся процесс натурализации хозяй-

ства и рустификации городских центров, в том числе и находившихся в гораздо более благоприятных условиях, чем Ольвия. С такими оговорками монетные находки из Ольвии не дают оснований говорить о катастрофическом переломе в судьбах ольвиополитов в 30-х или 40-х годах III в. н. э., тем более, что в окрестностях города также попадаются монеты эпохи кризиса. Отметим, в частности, найденную в Первомайске медную монету Дакии, датированную вторым годом местной эры [92. № 21], и случайно обнаруженный в Херсоне антониниан Мария, эфемерного императора, захватившего в 268 г. н. э. власть в Галлии [123. № 1115]. Да и ольвийские находки, представляющие чекан почти непрерывного ряда императоров, правивших между 235 и 270 гг. н. э., вполне вероятно, указывают на то, что город потерял свое значение ранее массового похода причерноморских племен против балканских областей империи в 269—270 гг. н. э. [144. С. 125—143]. В Истрии, напротив, монетные находки почти прекращаются после Гордиана III (при котором, заметим попутно, город в последний раз чеканил собственную монету) и появляются лишь после преодоления наиболее острого кризиса Римского государства [257. С. 66—70].

2. Более сложным характером отличаются монетные находки конца III — IV в. н. э. [96; 123]. Если не принимать во внимание медные статеры боспорских царей Фофорса, современника Диоклетиана, и последнего Рескупорида, правившего одновременно с Константином (рис. 16, 17, 18), то следует назвать медные монеты Диоклетиана (рис. 16, 10), обоих Лициниев, Константина I (3 экз.; рис. 16, 11), Константина II, Констанция II (4 экз.; рис. 16, 12, 13), Валентиниана I (рис. 16, 14) и Валента (2 экз.; рис. 16, 15, 16). В совокупности эти монеты охватывают период между 284 и 378 гг. н. э.

Следует отметить, что в Ольвии нет ни одной находки монет 70-х — первой половины 80-х годов III в. н. э.; это, разумеется, можно рассматривать и как простую случайность, но в соседней Истрии такие монеты довольно многочисленны (8 экз. Клавдия II, 17 экз. Аврелиана, 20 экз. Проба и т. д.), тогда как монеты второй половины 40 — 60-х годов крайне редки [257. С. 66—69]. Сопоставляя это с тем фактом, что в 248 г. готы и объединившиеся с ними племена прорвали через дунайскую границу империи и разрушили Истрию, лишь с трудом восстановившую в дальнейшем свои стены [144. С. 40—72], мы вправе видеть в истрийских монетных находках пробел, отвечающий времени наибольшего упадка города. Означает ли отсутствие в Ольвии монет Аврелиана и Проба, что город был также разрушен в годы их правления (т. е. в 270—282 гг. н. э.) или, по крайней мере, находился в особенно стесненных обстоятельствах, утверждать не приходится; обращает, однако, на себя внимание весьма скромное количество найденных в городе монет IV в. н. э.; отметим для сравнения, что в той же Истрии количество приходящихся на указанный период монетных находок резко воз-

растает: достаточно сказать, что здесь найдено 150 определенных монет, принадлежащих императорам от Диоклетиана до Валента включительно [257. С. 67—73]. Это дает известное основание полагать, что во времена Константина и его сыновей Ольвия действительно переживала глубокий упадок. Поскольку здесь все же известны находки монет Валента (364—378 гг. н. э.), встречающиеся и в ее окрестностях, в частности на Березани и на Тендре [123. № 698, 1110], нумизматический материал не дает возможности отрицать, что жизнь здесь существовала еще во время Аммиана Марцеллина, упоминающего *civitas Borgystenes* на берегу одноименной реки [Hist., XXII, 8, 40].

Медленное, но неуклонное сокращение и, наконец, полное прекращение денежного обращения Ольвии — не случайные явления. Не только экономическое благополучие, но и само существование города были тесно связаны с судьбами античного мира, переживающего в эту эпоху тяжелый кризис. «Всеобщее обнищание, упадок торговли, ремесла и искусства, сокращение населения, запустение городов, возврат земледелия к более низкому уровню — таков был конечный результат римского мирового владычества» [7. С. 148], и Ольвия в полной мере ощутила, надо полагать, эти признаки неотвратимо надвигающегося конца. И если город уцелел среди бурных событий III в. н. э., то в следующем столетии он, по-видимому, не пережил гуннского нашествия. В силу отсутствия как письменных, так и вещественных материалов точную дату гибели Ольвии указать нельзя, но упоминание о ней в VI в. н. э. у Иордана [Get., § 32] или в раннесредневековых космографиях VII—IX вв. следует объяснить тем, что позднейшие авторы следовали за своими источниками, а не тем, что Ольвия еще существовала как населенный пункт [129. С. 211—212]. Равным образом ни о сохранении поселения, ни о его торговом значении не могут свидетельствовать единичные находки византийских, джучидских и других средневековых монет — древняя Ольвия прекратила свое существование вместе с падением всего рабовладельческого мира, составной частью которого она являлась на протяжении тысячелетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало денежного обращения в Нижнем Побужье совпадает с утверждением на Березани первых ионийских поселенцев, уже знакомых с металлической монетой. С этого времени и до конца существования Ольвийского полиса в город и его окрестности проникали монеты Средиземноморья, выполнявшие здесь основные функции денег, тогда как эмиссии ольвийских монет почти всегда играли лишь роль вспомогательного средства обращения.

Первые монеты Северо-Западного Причерноморья — стреловидные денежные слитки из бронзы — обращались в греческих поселениях региона в качестве мелкой разменной монеты по отношению к электру Малой Азии, проникавшему сюда с первых десятилетий VI в. до н. э. С V в. до н. э. главным видом электра являлись кизикины, наряду с которыми в складывающемся Ольвийском полисе обращались бронзовые литые дельфины. В том же столетии в Ольвии появляются полноценные бронзовые ассы, распространявшиеся и среди населения побережий причерноморских лиманов. Отливка ассов эпизодически продолжалась до нашествия Зопириона, но в начале IV в. до н. э. город чеканил мелкое серебро и обычную разменную медь.

В третьей четверти IV в. до н. э. в Ольвии началась чеканка крупного серебра, а специальным постановлением совета и народного собрания предписывалось совершать все акты купли и продажи с помощью ольвийских монет. Намеченный переход основных денежных функций к серебряным статерам эгинской системы сделал вскоре излишним изготовление полноценных бронзовых обол, которые были заменены чеканенными монетами того же достоинства, но обладавшими лишь условной ценностью; монетное дело Ольвии приобретает, таким образом, черты, типичные для большинства греческих городов.

Попытка ольвиополитов построить свое денежное хозяйство на параллельном обращении полноценной бронзы и серебра оказалась, однако, лишь эпизодом в истории денежного обращения Ольвии. Первая половина и особенно середина IV в. до н. э. были во всем греческом мире эпохой распространения золотой монеты. В связи с этим во многих центрах греческого мира се-

ребро становится лишь заместителем золота, получая свою особую сферу обращения, разделенную политическими границами многочисленных полисов Эллады.

Переход денежных функций к золоту сопровождался понижением относительной стоимости последнего; повсеместно прекращается также выпуск традиционной электровой монеты. На причерноморские рынки, в том числе и в Ольвию, проникают золотые статеры македонских царей и Лисимаха. Внедрение золота в денежную систему ольвиополитов вынуждает их начать выпуск собственных золотых монет. Одновременно был изменен и вид чеканенных бронзовых оболов — в обращении появляются монеты с изображением речного божества, нередко встречающиеся не только в ближайших окрестностях Ольвии, но и во многих пунктах Северо-Западного Причерноморья.

Конец IV — первая половина III в. до н. э. характеризуются дальнейшим проникновением в Ольвию иноземных золотых монет. Поэтому, несмотря на прекращение выпуска собственного золота, серебро постепенно превращается в Ольвии во вспомогательное средство обращения. Внешне этот процесс проявился в переходе к «легкой» хиосско-родосской системе, ухудшении качества монетного металла, колебаниях веса, частой смене типов и, наконец, клеймении серебряной монеты. Первоначальный вес бронзовых оболов с изображением Борисфена, несколько сниженный при переходе к хиосско-родосской системе, оставался стабильным на протяжении полувека, но в середине III в. до н. э. наступило катастрофическое падение их веса, сопровождавшееся небывалым расширением объема эмиссий.

Наметившийся кризис денежного обращения становится на протяжении второй половины III — первого десятилетия II в. до н. э. все более острым. Начинаясь в это время сокращение объема внешней торговли ведет к сокращению реально обрабатывавшегося в Ольвии количества иноземной золотой монеты, которая скапливается к тому же не в городской казне, а в руках немногих богатых граждан. Золото все более приближается к превращению в идеальные счетные деньги, а на городском рынке безраздельно господствует медь. При таких условиях чеканка медной монеты с принудительным курсом представлялась удобным средством для укрепления городских финансов. Между тем вторая половина III — начало II в. до н. э. — время нелегких испытаний для Ольвии. Передвижения племен в степях Причерноморья и участвовавшие в связи с этим военные столкновения, сужение собственной земледельческой базы, обострение социальных конфликтов в среде населения Ольвийского полиса — все это способствует углублению финансового кризиса, который выходит за рамки сферы обращения, обостряя, в свою очередь, кризис городского хозяйства Ольвии в целом.

Изучение ольвийских монет второй половины III — начала II в. до н. э. показывает, что городские власти прибегали ко всем средствам, которые, на их взгляд, были способны укрепить де-

нежное обращение. Неоднократно сменяются монетные типы; осуществляются неоднократные надчеканки и перечеканки находившихся в обращении монет; производятся эпизодические попытки чеканки серебра. Однако Ольвия не преодолела денежного кризиса до самого подчинения власти Скилура, царя крымских скифов.

Денежное обращение Ольвии в позднеэллинистическое время характеризуется сокращением объема чеканки. В городе, впрочем, и в конце II — начале I в. до н. э. продолжали обращаться золотые статеры лисимаховского типа, чеканенные городами западнопонтского побережья. С начала I в. до н. э., когда Ольвия вошла в состав державы Митридата, на городской рынок проникает и иноземная медь — монеты городов Понта и Пафлагонии, главным образом, тетрахапки Амиса. Немногочисленные городские монеты свидетельствуют о постепенном ограничении суверенитета Ольвии под властью Митридата.

Вслед за гетским разгромом деятельность ольвийского монетного двора замирает надолго. Лишь в начале второй половины I в. н. э. здесь отчеканены медные городские монеты и золотые статеры с именем царя Фарзоя. Вслед за этим ольвиополиты переходят к римской монетной системе. С начала II в. н. э. в Ольвию начинает проникать римская общегосударственная монета, главным образом денарии, которые становятся ощутимым фактором денежного обращения. Что касается собственно городских монет, то осуществленные при Флавиях выпуски дупондиев и сестерциев оставались в обращении до начала второй половины II в. н. э., причем монеты обоих номиналов неоднократно надчеканивались. Во второй половине II — первой трети III в. н. э. в Ольвии возобновляется эпизодическая чеканка медной монеты и при Северах на ней появляются изображения и имена императоров.

Серия меди с изображениями Севера Александра (222—235 гг. н. э.) завершает собой многовековую историю ольвийского монетного дела. Однако Ольвия не погибла вслед за этим прекращением чеканки, хотя походы готов и их союзников в придунайские провинции Римской империи подорвали ее значение как городского центра. Находки римских монет второй половины III — IV вв. н. э. позволяют предполагать, что постепенно происходит угасание денежного обращения, окончательно прекратившееся во время нашествия гуннов в 70-х годах IV в. н. э.

В истории денежного обращения Ольвии имеется немало пробелов, и многие ее звенья устанавливаются на данном этапе исследования лишь предположительно. Еще более условными представляются абсолютные датировки многих ольвийских монетных эмиссий — если не касаться монет с именами и изображениями римских императоров, то вполне твердо установленным и следует, по-видимому, признать лишь дату выпуска золотых статов и начала эмиссии борисфенов (начало последней

четверти IV в. до н. э.) и дату чеканки монет Фарзоя (время Нерона). Нет сомнения, что дальнейшее археологическое изучение остатков древнего города и других античных поселений Северо-Западного Причерноморья, а также новые исследования в области ольвийской нумизматики позволят со временем открыть такие явления из истории монетного дела и денежного обращения Ольвии, которые остаются сейчас в тени. Представляется, однако, что попытка обобщения и интерпретации накопленных в данный момент материалов не является лишней. Во всяком случае, непредвзятый подход к монетам Ольвии как к одному из важнейших источников по истории и культуре этого полиса показывает, насколько тесными были связи города во все времена его существования с центрами античного Средиземноморья. Древний город был не менее тесно связан с местными племенами Причерноморья и служил своеобразным соединительным звеном между ними и рабовладельческими обществами Греции и Рима. История ольвийского денежного обращения имеет немало оригинальных особенностей, но выражает в конечном счете общие закономерности возникновения, развития и гибели денежного хозяйства в условиях античного общества. Она является в то же время важной составной частью великого пути, пройденного народами нашей Родины.

МОНЕТНЫЕ СИСТЕМЫ
ДОГЕТСКОЙ ОЛЬВИИ

1. Античный мир не знал государственных бумажных денег с принудительным курсом, этой законченной формы знака стоимости, вырастающей непосредственно из металлического обращения или из простого товарного обращения [1. С. 99]; здесь существовала только металлическая монета. Поэтому необходимо с особой тщательностью подходить к изучению весовых систем древнего мира. В этой области науки немало специфических трудностей, породивших существенные разногласия между сторонниками традиционного направления, представленного такими учеными, как А. Бек, Т. Моммзен, И. Брандис, Ф. Хульч, К.-Ф. Лемманн-Хаупт [189; 220; 234; 235], и «новой школой», родоначальниками которой выступали Ф.-Х. Вейсбах и О. Фидебант [286; 287]. Не пытаясь здесь дать оценку многолетней и временами острой дискуссии, отметим, что К.-Ф. Лемманн-Хаупт и его последователи правильно подчеркивали недопустимость выведения идеальных весовых норм по средним весам сохранившихся монет, так что аттическая мина оказывается равной не 436,6 г, а 429, 426 или 420 г [235. С. 261—262, 283—286], римский фунт — не 327,4 г, а 320, 318 г [235. С. 268—269, 277—283] и т. п. С другой стороны, нельзя не согласиться, что реальный вес любого вида монет нельзя установить ни по весу единичных экземпляров «безукоризненной сохранности», ни по так называемому «исправленному максимальному весу» (*korrigierte Maximalgewicht*). Эти и подобные им методы субъективны по своей природе и игнорируют тот факт, что всякая группа античных монет является случайной выборкой данных и требует статистической обработки, так что действительный вес для каждой такой группы можно с известной вероятностью (и неизбежным преуменьшением) получить лишь путем взвешивания многих одинаковых экземпляров одного времени и номинала [202. С. 31—33]. Способы дальнейшей обработки этих данных могут быть неодинаковыми, но в любом случае должны учитываться не отдельные веса, а вся совокупность «без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное

подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно» [8. С. 351].

В свете сказанного следует особо подчеркнуть значение трудов А. Л. Бертье-Делагарда в области метрологии античных городов Северного Причерноморья. Он не только доказал невозможность получения сколько-нибудь надежных результатов путем взвешивания отдельных монет самой превосходной сохранности, но и самостоятельно разработал методику изучения весовых данных. Эта методика в основном не расходится с применяющимся в настоящее время приемом составления таблиц частотности, предложенным английскими учеными начала текущего столетия [219] и принятым многими, в том числе и советскими нумизматами-античниками [300. С. 29; 169. С. 50]. Если в таких таблицах самый длинный ряд весов прямо указывает ступень шкалы, наиболее близкую к действительному среднему весу данного вида монет, то при расчетах А. Л. Бертье-Делагарда, отбрасывавшего веса «экземпляров, слишком отличающихся от большей части известных» [29. С. 29], имеется даже некоторое преимущество, поскольку он учитывал терпимость при чеканке того или другого номинала. Таким приемом характеризуются не только арифметические, но и исторические особенности монетных серий, и получаемые результаты выигрывают в достоверности.

2. В изучении монетных систем древней Ольвии у А. Л. Бертье-Делагарда фактически нет предшественников. Впрочем, первая попытка в указанном направлении сделана еще Б. В. Кене. Хотя ему были известны точные веса всего лишь восьми серебряных монет Ольвии, он щедро наделял описанные им экземпляры наименованиями дидрахм, драхм, тетроболов, триболов и диоболов и усматривал при этом в денежном хозяйстве ольвиополитов во все времена одну и ту же весовую систему — «немного уменьшенную» аттическую [120. С. 50]; для подкрепления этого утверждения он не систематически отмечал рядом с известными ему весами ольвийских серебряных монет их произвольно вымышленные «первоначальные» веса [120, С. 42, 47, 50, 51, 53]. Из-за отсутствия аргументации и произвольного обращения с весовыми материалами П. О. Бурачков считал эти определения неубедительными. Располагая 35 весами серебряных монет Ольвии, он предпочел воздержаться от каких бы то ни было определений номиналов изданных им монет и ограничился голословным замечанием о том, что Ольвия «имела свою собственную систему, независимую от иноземной» [13. С. 79]. В работах А. В. Орешникова вообще отсутствуют упоминания о весовой системе ольвийских монет.

Для обоснованного суждения о монетных системах Ольвии необходимы были прежде всего точные и достоверные весовые данные по известным сортам ольвийских монет — такие материалы были собраны и систематизированы А. Л. Бертье-Делагардом. Согласно его заключению, в Ольвии сменились три

монетно-весовые системы: эгинская (конец V — середина IV в. до н. э.), аттическая (конец IV — I в. до н. э.) и римская (I—II вв. н. э.); эти выводы [29. С. 35—36, 56, 62], подкрепленные сводками конкретных весов с указанием местонахождения соответствующих монет [30. С. 62—67, № 2—24], явились существенным вкладом в науку и приняты большинством последующих исследователей.

А. Л. Бертье-Делагард свел в таблицы веса 22 золотых и более чем 200 серебряных монет, чеканенных в Ольвии, и выраженная им надежда на удвоение весовых данных за ближайшие 50 лет [30. С. 51] полностью оправдалась, так что повторное рассмотрение совокупности имеющихся в настоящее время весовых материалов нельзя не признать целесообразным. Тем более, что он вводил в свои таблицы веса недостаточно четко классифицированных монет, не считая нужным подразделять многие типы по вариантам изображений и надписей. При этом в одном случае в рамки единой группы попали монеты, представляющие неоднородные выпуски и принадлежащие не только к различным номиналам, но даже к различным весовым системам [30. С. 64, № 9; ср. 76. С. 53—54]; в другом случае подобное объединение стирает разницу между двумя эмиссиями монет одного типа и номинала, заметно отличающимися друг от друга стилистическими и метрологическими признаками [30. С. 62—63, № 3; ср. 75. С. 69—77]. Кроме того, из таблиц А. Л. Бертье-Делагарда следует исключить три веса: один принадлежит несомненно поддельной монете [30. С. 64, № 13, вес 5,07 — ГИМ], остальные, по недосмотру, попали в сводку по два раза [30. С. 64, № 14: 7,00 Б и 7,01 Э; С. 65, № 15: 3,24 Б включен дважды].

При проверке монет, веса которых были учтены А. Л. Бертье-Делагардом, оказалось невозможным изучить визуально все 250 определенных и взвешенных им экземпляров (22 золотых и 228 серебряных) ольвийской чеканки (впрочем, и сам составитель сводки собственноручно взвесил и осмотрел лишь около 80 % материала) [30. С. 53]. Тем не менее на протяжении трех десятилетий нам удалось проверить по оригиналам, слепкам или надежным воспроизведениям примерно 80 % экземпляров известных А. Л. Бертье-Делагарду монет, к которым прибавлено еще 298 экземпляров, как это наглядно представлено в табл. 6²⁶.

Заметим, что при повторном взвешивании веса некоторых известных А. Л. Бертье-Делагарду монет оказались иными; то же можно сказать и о части монет, переживших с 1913 г. свое местопребывание и подвергнутых повторному взвешиванию при

²⁶ В таблицах А. Л. Бертье-Делагарда содержится 253 веса чеканенных в Ольвии монет; кроме пяти, упомянутых выше, не могут быть использованы еще два [30. С. 63, № 3, вес 10, 13 г; С. 64, № 9, вес 2,88 г] — об этом см. [76. С. 53—54].

Таблица 6. Количество взвешенных золотых и серебряных монет Ольвии
(V в. до н. э.—I в. н. э.)

Описание монет по А. Л. Бертье-Делагарду (1913)			Количество монет по типам				
			по А. Л. Бертье-Делагарду (1913)			Учтено допол- нитель- но	Итого
			Всего	в том числе			
№ п/п	Номи- нал (в обо- лах)	Тип монеты, источник публикации		про- вере- но	не про- верено		
2	12	Геракл — колесо, Эминак; 70. Табл. XXXII, 1	18	12	6	6	24
3	12	Деметра — птица на дельфине; 13. Табл. VI, 135, № 170	22	20	2	39	61
4	6	То же; 13. № 168	2	1	1	8	10
5	12	Деметра — птица на дельфине; подобна 13. Табл. VIII, 201	1	1			1
6	3	Деметра — дельфин; 13. Табл. IV, 45	11	10	1	8	19
7	12	Деметра — птица на дельфине; 13. Табл. VI, 134	1	1		1	2
8	6	Деметра — птица на дельфине; 254. Табл. X, 11	2	2		4	6
9	6	Деметра — дельфин; 13. Табл. IV, 46—48	20	19	1	26	46
10	3	Тихе — стрелок; 13. Табл. VII, 161	9	8	1	7	16
11	3	Горгона (Деметра.— П. К.) — дельфин; 13.— Табл. III, 21	6	6		10	16
12	6	Посейдон (?) — дельфин; 268. Табл. VII, 6	1	1			1
13	12	Геракл — палица; 13. Табл. IV, 39—41	17	15	2	11	28
14	12	Геракл — венок; 13. Табл. IV, 44	7	6	1	8	15
15	6	Геракл — оружие; 13. Табл. IV, 35—38	24	21	3	34	58
16	12	Аполлон — птица на дельфине; 13. Табл. IX, 202	1	1			1
17	6	Аполлон — лира; 13. Табл. V, 79—84	59	48	11	79	138
18	3	Артемиды — лук и колчан; 13. Табл. V, 86; VI, 122	27	23	4	43	70
19	4	Гермес — кадуцей; 268. Табл. VII, 11	3	1	2	2	5
20	1	Голова быка (букраний)—тирс; 81. Рис. 2, 1—2	1	1		2	3
21		Царь Фарзой — орел; 13. Табл. IX, 208—210	10	10		3	13
22		Царь Инесимей — Аполлон; 70. Табл. XXXIII, 28	1	1		1	2
23		Царь Инисмей — Тихе; 13. Табл. IX, 212	5	5		3	8
24		Аполлон — птица на дельфине; 13. Табл. VII, 163	2	2		1	3
	2	Деметра — дельфин; подобна 254. Табл. IX, 8				1	1
	2	Деметра — птица на дельфине; подобна 254. Табл. IX, 6				1	1
Итого			250	215	35	298	548

публикации в различных зарубежных изданиях, прежде всего в аукционных каталогах; впрочем, расхождения выражаются сотыми долями грамма и объясняются неизбежными расхождениями при пользовании различными весами и гирями. Однако в отдельных случаях разница велика — это объясняется ошибками при взвешивании (такие веса исправлены).

3. Золотые монеты составляют лишь малую часть ольвийских монет, изготовленных из благородных металлов (33 экземпляра из 548, т. е. меньше 6 %), и потому в основу определения монетных систем догетской Ольвии должно быть положено серебро. По метрологическим показателям среди 515 взвешенных серебряных монет Ольвии 13 относятся к первым векам н. э.; таким образом, рассмотрению подлежат более 500 экземпляров.

К первой весовой группе серебряных монет догетской Ольвии принадлежат две эмиссии: с изображениями Геракла и надписью ΕΜΙΝΑΚΟ [70. Табл. XXXII, 1; ср. § 7] и с головой Деметры и городской эмблемой [70. Табл. XXXII, 2, 3; ср. § 9.2]. Распределение их индивидуальных весов на шкале показывает, что большинство монет первой эмиссии группируется между 11,6 и 11,15 г, а второй — между 12,35 и 11,9 г. Если не учиты-

Таблица 7. Весовая шкала тяжелых серебряных монет Ольвии V—IV вв. до н. э.

Весовая шкала, г	Количество монет по типам				Итого
	Геракл— колесо и дельфины; 70. Табл. XXXII, 1	Деметра—городская эмблема		Всего	
		I группа; 70. Табл. XXXII, 2	II группа; 70. Табл. XXXII, 3		
12,80—12,66		1		1	1
12,65—12,51		3	1	4	4
12,50—12,36			6	6	6
12,35—12,21		5	4	9	9
12,20—12,06		4	1	5	5
12,05—11,91		7		7	7
11,90—11,76		5		5	5
11,75—11,61	3	3	2	5	8
11,60—11,46	5	3		3	8
11,45—11,31	4	1		1	5
11,30—11,16	5	1		1	6
11,15—11,01			1	1	1
11,00—10,86	1				1
10,85—10,71	1				1
10,70—10,56					
10,55—10,41					
10,40—10,26	1				1
10,25—10,11	1		1	1	2
10,10—9,96		1		1	1
9,95—9,81					
9,80—9,66	1		1	1	2
Меньше 9,66	2	4	1	5	7
Всего	24	38	18	56	80

Таблица 8. Весовая шкала старшего номинала легких серебряных монет Ольвии III—II вв. до н. э.

Весовая шкала, г	Количество монет по типам				Всего
	Аполлон— городская эмблема; 254. Табл. IX, 9	Деметра— городская эмблема; 254. Табл. X, 9	Геракл— венок; 254. Табл. X, 21, 22	Геракл— палица; 254. Табл. X, 18, 19	
Больше 8,45				2	2
8,45—8,31				1	1
8,30—8,16				1	1
8,15—8,01					
8,00—7,86	1		2	1	4
7,85—7,71			1	1	2
7,70—7,56				1	1
7,55—7,41			2	2	4
7,40—7,26		1			1
7,25—7,11		1	3		4
7,10—6,96			2	2	4
6,95—6,81				5	5
6,80—6,66				1	1
6,65—6,51			2	2	4
6,50—6,36			1	1	2
6,35—6,21				1	1
6,20—6,06				2	2
6,05—5,91				1	1
5,90—5,76					
5,75—5,61			1		1
5,60—5,46					
5,45—5,31				1	1
Меньше 5,31			1	3	4
Итого	1	2	15	28	46

вать поврежденные и маловесные экземпляры, оторванные в каждой подгруппе от основной массы монет, то большинство «эминаков» (21 экземпляр из 24, т. е. 87,5 %) окажется между 11,73 и 10,24 г (средний вес 11,28 г), а большинство монет с Деметрой (48 из 56 — 85,7 %) — между 12,78 и 11,07 г (средний вес 12,05 г). Выделяя в отдельную подгруппу монеты удовлетворительной сохранности весом менее 8,6 г (5 экземпляров со средним весом 8,4 г) и подразделяя остальные на две различающиеся по стилю разновидности [75], можно установить, что большинство ранних монет группируются между 12,35 и 11,75 г., а более поздних — между 12,5 и 12,35 г (табл. 7). Средний вес 33 экземпляров первой разновидности равен 11,98 г (максимальный вес 12,78, минимальный — 11,21 г), а 12 экземпляров второй — 12,38 г (при колебаниях веса от 12,57 до 12,18 г).

Вторая весовая группа ольвийского серебра представлена монетами с изображением Геракла на аверсе; на реверсе помещены венки [254. Табл. X, 21, 22] или палица [254. Табл. X, 18, 19]; по размерам и весу сюда же подходят редкие монеты с изображениями Аполлона [254. Табл. IX, 9] и Деметры под

Таблица 9. Весовая шкала среднего номинала легких серебряных монет Ольвии III—II вв. до н.э.

Весовая шкала, г	Количество монет по типам						Итого
	Деметра—дельфин			Деметра— городская эмблема; 268. Табл. VII, 8	Геракл— оружие; 268. Табл. VII, 14,15	Аполлон— лира; 268. Табл. VII, 21—25	
	I тип; 268. Табл. VII, 3	II тип; 268. Табл. VII, 4, 9,10	Всего				
Больше 4,40		1	1		3		4
4,40—4,26		1	1			1	2
4,25—4,11		1	1		3	2	6
4,10—3,96		2	2		1	8	11
3,95—3,81		4	4		3	9	16
3,80—3,66		7	7	3	5	9	24
3,65—3,51		7	7	1	5	13	26
3,50—3,36		5	5	1	4	15	25
3,35—3,21		3	3	1	8	17	29
3,20—3,06	2		2		4	12	18
3,05—2,91	3	3	6		5	9	20
2,90—2,76	2	1	3		3	13	19
2,75—2,61	1		1		4	6	11
2,60—2,46					4	6	10
2,45—2,31		1	1		2	4	7
2,30—2,16					1	4	5
2,15—2,01					2	4	6
2,00—1,86		1	1		1	2	4
Меньше 1,86						4	4
Всего	8	37	45	6	58	138	247

покрывалом [254. Табл. X, 9]. Монеты первой подгруппы концентрируются по весу между 7,95 и 6,43 г, их средний вес составил для 12 монет из известных 15 (80 %) 7,2 г; в эти рамки вписываются и упомянутые единичные веса монет с Аполлоном (7,9 г) и с Деметрой (7,4 и 7,25 г). Более многочисленные монеты с Гераклом и палицей чеканены очень небрежно: максимальные веса 9,76 [48. Табл. XVIII, 3] и 9,33 г [268. Табл. VII, 20], минимальные — 4,72 [13. № 63], 4,66 [14. Табл. I, 32] и 4,59 г [19. № 32]; основная их часть не выделяется на весовой шкале (табл. 8), средний вес 20 экземпляров из 28 (71,4 %) равен 6,6 г.

Третья весовая группа серебряных монет Ольвии состоит из четырех эмиссий. Это монеты с типами Деметры и дельфина [254. Табл. IX, 15, 19], Деметры и городской эмблемы [254. Табл. X, 11], Геракла и оружия [254. Табл. X, 23] и Аполлона и лиры [254. Табл. X, 25]. Монеты первой подгруппы образуют на весовой шкале компактную группу между 3,95 и 3,35 г; средний вес 41 экземпляра, располагающихся между 4,17 и 2,74 г (89,1 %), составляет 3,38 г. Примыкающие к ним немногочисленные монеты с ольвийской эмблемой весят в среднем 3,59 г (6 экз. с колебаниями веса от 3,8 до 3,26 г). Монеты с

Таблица 10. Весовая шкала младшего номинала легких серебряных монет Ольвии III—начала I в. до н. э.

Весовая шкала, г	Количество монет по типам			
	Деметра— дельфин; 254. Табл. X, 10	Артемиды—лук и копчан; 254. Табл. X, 27	Тихе— стрелок; 254. Табл. X, 4	Всего
Больше 2,30	1	1		2
2,30—2,16				
2,15—2,01		4		4
2,00—1,86	2	10	1	13
1,85—1,71	1	8	3	12
1,70—1,56	8	10	5	23
1,55—1,41	2	11	2	15
1,40—1,26	2	5	2	9
1,25—1,11		13	1	14
1,10—0,96		5	1	6
Меньше 0,96		3	1	4
Итого	16	70	16	102

Гераклом и оружием сосредоточены на шкале между 3,35 и 3,21 г; средний вес 52 из 58 экземпляров (92,3 %) равен 3,24 г (при максимальном учетном весе 4,22 г и минимальном 2,28 г). Наконец, монеты с Аполлоном концентрируются на шкале между 3,5 и 3,2 г (табл. 9); средний вес для 132 экземпляров из 138 (94,2 %) составляет 3,22 г (с колебаниями от 4,34 до 2,01 г).

Среди монет первой из четырех эмиссий можно выделить несколько разновидностей: монеты, на которых Деметра и дельфин обращены влево, на реверсе нет сокращений личных имен [254. Табл. IX, 15; 268. Табл. VII, 3]; такие же монеты с сокращениями [254. Табл. IX, 19; 268. Табл. VII, 4]; монеты с именами, на которых Деметра обращена вправо, а дельфин, по-прежнему, влево [75. Табл. IV, 11]; монеты, на которых Деметра и дельфин обращены вправо [268. Табл. VII, 9, 10]. Три последние разновидности в метрологическом отношении однородны, чаще всего встречаются экземпляры с весом от 3,8 до 3,5 г (табл. 9), средний вес 34 монет из 37 (91,9 %) равен 3,59 г (максимальный вес 4,35, минимальный — 2,76 г). Монеты без именных обозначений немногочисленны; средний вес восьми экземпляров составляет 2,96 г (при колебаниях от 3,16 до 2,74 г). Если оставить эту эмиссию в стороне, веса остальных образуют ряд 3,59—3,59—3,24—3,22 г.

Последняя весовая группа серебряных ольвийских монет состоит из трех эмиссий: это небольшие монетки с Деметрой анфас и дельфином [254. Табл. X, 10], с Артемидой и оружием [254. Табл. X, 27] и с головой богини Тихе и лучником [254. Табл. X, 4]. Первые и последние группируются на весовой шкале между 1,7 и 1,55 г, вторые сосредоточены главным образом (39 экземпляров из 70, т. е. 55,7 %) между 2,00 и 1,4 г (табл. 10). Средний вес монет с Деметрой для 15 монет из известных

16 равен 1,61 г (с колебаниями от 1,91 до 1,32 г), монет с Артемидой — 1,53 г (64 экз. из 70 при максимальном весе 2,12 и минимальном — 1,04 г), а монет с Тихе — 1,56 г (для 15 экз. с индивидуальным весом от 1,89 до 1,08 г).

4. Детальное рассмотрение охарактеризованного выше серебра позволяет учесть и остальные серебряные монеты Ольвии, представленные небольшими выпусками. Монеты Эминака (рис. 11, 20) со средним весом 11,28 г не имеют младшего номинала и составляют особую эмиссию середины V в. до н. э. (§ 7). К следующему столетию можно отнести два таких же изолированных выпуска мелкого серебра: самым началом IV в. до н. э. датируются два сорта монет с букранием и тирсом (рис. 11, 21), весом соответственно 0,91 и 0,51 г (§ 8.1), а к второй четверти IV в. до н. э. относится несколько более крупная монета (вес 1,78 г) с Деметрой и дельфином (§ 8.2). Если все эти монеты принадлежат к одной весовой системе, то, принимая самые младшие за единицу, они составят ряд 24 — 2 — 1 — 4 единицы.

Около 340 г. до н. э. ольвиополиты начинают чеканку первой группы монет с Деметрой и городской эмблемой (рис. 12, 7), к которым в начале последней четверти IV в. до н. э. присоединяются серебряные и золотые монеты меньшего размера (§ 9.2, 3) — их одновременность устанавливается общим дифферентом (колос) и монограммой из букв Е и К (рис. 6, 7—9). Вес крупных серебряных монет первой группы составляет 11,98 г, а для сравнительно редких и небрежно чеканенных монет меньшего размера — 5,75 г (при колебаниях веса от 6,13 до 5,51 г и исключением поврежденных экземпляров). Золотая монета с такими же изображениями [254. Табл. IX, 1] весит 8,51 г и почти такой же средний вес нескольких серебряных монет (8,4 г). Монеты этой группы всегда имеют на аверсе монограммы или буквенные сокращения имен.

В последнем десятилетии IV в. до н. э. ольвиополиты чеканят более схематичные крупные серебряные монеты без каких-либо именных обозначений (рис. 13, 4) со средним весом 12,38 г, к которым в качестве младшего номинала могут быть присоединены упомянутые выше серебряные монеты с Деметрой и дельфином, также без именных сокращений [254. Табл. IX, 15; 13. Табл. IV, 47], весящие 2,96 г; лишены имен и мелкие золотые монеты с теми же типами [254. Табл. IX, 18; 13. Табл. IV, 45; 82]; их средний вес составляет 2,11 г (для 18 экз. из известных 19, вес которых колеблется от 2,13 до 2,08 г) [82].

При классификации серебряных ольвийских монет III в. до н. э. следует учитывать содержание имеющихся на них сокращений собственных имен. Это дает основание присоединить к монетам с Деметрой и дельфином [254. Табл. IX, 19; 76. Табл. IV, 2—11] уникальную крупную монету с Аполлоном и городской эмблемой [254. Табл. IX, 9; 13. Табл. IX, 202] — ее объединяет с первой эмиссией мелких монет сокращение АГА [76. С. 53, табл. IV, 1, 2]. В свою очередь крупные монеты с Деметрой

под покрывалом [254. Табл. X, 9; 13. Табл. VI, 134] объединяются сокращениями КРІ и КЛЕ с частью упомянутых выше монет с Гераклом и оружием [85. С. 18, табл. I, 10—14] и подавляющим большинством мелких монет с фасовым изображением Деметры [254. Табл. X, 10; 85. Табл. I, 6—9]. К этой серии принадлежит, по всей вероятности, и известная только в одном экземпляре монета с изображением бородатой головы и дельфина [268. Табл. VII, 6; 85. Табл. I, 4]. Средний вес двух монет старшего номинала этой серии равен 7,32 г; восемь монет с Гераклом из девяти известных [13. Табл. IV, 35; 17. Табл. II, bb; 85. С. 19, прим. 31, табл. I, 10—17] весит в среднем 3,28 г, а, присоединяя к ним экземпляр с бородатой головой (вес 3,37 г), средний вес этого номинала определяется 3,29 г (при колебаниях индивидуального веса от 3,78 до 2,75 г).

Младший номинал серии представлен монетками с Деметрой анфас, средний вес которых, как указано, составляет 1,61 г. Здесь, таким образом, получается ряд с весами в соотношении 4 : 2 : 1.

Выделяя из монет с типами Геракла и оружия экземпляры с сокращениями КРІ — КЛЕ, получаем в остатке такие же монеты, но с сокращениями ΕΑΝΙ [268. Табл. VII, 14; 13. Табл. IV, 36—37] или ΦΙΕΥ [268. Табл. VII, 15; 13. Табл. IV, 38]; их старшим номиналом являются три разновидности крупных монет с типом Геракла: на реверсе одних первое из приведенных сокращений окружено венком [48. Табл. XVIII, 9; 85. Табл. II, 1, 2], на других в венке изображена палица, а надпись ΕΑΝΙ находится сбоку [254. Табл. X, 21; 85. Табл. II, 3, 4], на остальных палицы нет [254. Табл. X, 22; 85. Табл. II, 7—14]. Средний вес монет старшего номинала составляет, как показано выше, 7,2 г; что касается монет с оружием, то по 40 экземплярам (из 44, т. е. 90,9 %) он равен 3,24 г (при колебаниях от 4,22 до 2,28 г); соотношение номиналов здесь 2 : 1.

Судя по сокращениям (ср. § 14.2; табл. 5), монеты с изображениями Геракла и палицы, Аполлона и лиры и Артемиды и оружия [254. Табл. X, 18, 19, 25, 27; 268. Табл. VII, 18—26] составляют шесть серий, причем в трех первых налицо все три номинала, а в трех последних — лишь два старших. Принимая во внимание только разнесенные по сериям экземпляры, можно определить, что в трех первых сериях средний вес старшего номинала равен 6,93 г (9 монет из 10, максимальный вес 7,76 г, минимальный — 6,10 г), а в трех последних — 6,96 г (10 монет из 16, при колебаниях веса учтенных экземпляров от 7,98 до 6,61 г). Для монет среднего номинала эти данные составляют 3,25 г (65 из 69, колебания от 4,34 до 2,04 г) и 3,19 г (56 из 58, пределы весовых колебаний 4,07—2,01 г). Монеты младшего номинала трех первых серий весят в среднем 1,52 г (60 из 66 при колебаниях веса от 2,12 до 1,04 г). Номиналы этих серий второй четверти II в. до н. э. (§ 14.2) относятся как 4 : 2 : 1.

Что касается монет с богиней Тихе и лучником [254. Табл. X, 4; 268. Табл. VII, 7] со средним весом 1,56 г, то они составляют самостоятельную эмиссию, относящуюся, скорее всего, ко времени Митридата Евпатора (§15.2); не исключено, что младший экземпляр того же времени представлен уникальной монетой с такими же изображениями весом 0,78 г [268. С. 93, № 8].

Из всех серебряных эмиссий доримской Ольвии не рассмотрены еще два вида монет. Первый — с изображениями Гермеса и керикея [268. Табл. VII, 11] — представлен в сводке А. Л. Бертье-Делагарда тремя весами [30. С. 66, № 19: 3,23—2,31—1,67 г]. Из них проверена лишь первая монета, хранящаяся в настоящее время в Британском музее [268. С. 95, № 11-b], но вес ее только 3,10 г; не учтенный им эрмитажный экземпляр поврежден (вес 2,93 г); второй экземпляр из Британского музея [268. С. 95, № 11-a] весит не 3,47 г, а 3,14 г. Вся эмиссия относится, скорее всего, ко времени кризиса, но недостаток материала не позволяет установить номинал и средний вес этих монет. Второй тип [голова Деметры — орел на дельфине, см. 254. Табл. IX, 6] не был известен А. Л. Бертье-Делагарду, единственный экземпляр (ГМИИ, из собрания А. Г. Голикова) весит 1,68 г. Эта монета может предположительно сопоставляться с переходными серебряными монетами предпоследнего десятилетия IV в. до н. э. (ср. § 10.4).

5. Прежде чем говорить о номиналах рассмотренных монет и принадлежности их к определенной монетной системе, следует отметить некоторые метрологические моменты²⁷. Признавая правильной констатируемый многими специалистами факт взаимосвязи между различными системами монетного веса (но не соглашаясь с возможностью возведения вообще всех мер к одной основе — вавилонскому таланту или египетскому киту), мы полагаем, что существовавшие в классическое и эллинистическое время монетные системы Восточного Средиземноморья в принципе могут быть представлены как сравнительно простые подразделения аттической (евбейской) мины весом 436,6 г, которая является $\frac{1}{60}$ таланта, равного 26 196 г. Из мины серебра по аттической системе следовало изготовить (теоретически!) 100 драхм, по коринфской — 150, по эгинской — 70, так что идеальный вес аттической драхмы, ее «норма», составляет 4,37 или 4,36 г, а эгинской — 6,24 или 6,23 г. Прочие монеты системы легко возводятся к той же весовой основе (табл. 11), так что милетский статер, чеканенный по стопе ± 62 (т. е. 62 драхмы из той же мины серебра), должен весить 14,08 г, персидский сигл (стопа ± 78) — 5,6 г; хиосско-родосская тетрадрахма посте-

²⁷ Здесь и далее приняты во внимание как метрологические экскурсы в нумизматических трудах А. Н. Зograфа [70], М. К. Крзя [229], Ч. Селтмана [275], П. Гарднера [205], Б. В. Хэда [215], К. Реглинга [262; 265], Э. Бабе-лона [179] и многих других, так и специальные метрологические работы И. Брандиса [189], Ф. Хульча [220], Э. Пернице [252], К. Ф. Леманн-Хаупта [234; 235], О. Фидебанта [286; 287] и А. Серпе [273].

Т а б л и ц а 11. Идеальные веса основных номиналов монетных систем Восточного Средиземноморья в VII—II вв. до н.э.

Номинал		Наименование	Монетно-весовая система						
В долях статера	В облах		миле- тская	фокей- ская	эгинская	персид- ская	еврейская (аттическая)	хисско- родосская	фракийско- македонская (абдерская)
2	24	Тетрадрахма (дистатер)					17,46	15,60—12,47	15,06—14,55
1 1/2	18	Тридрахма (тригеминстатер)					13,10	11,69—9,36	11,29—10,91
1	12	Статер (дидрахма)	14,08	16,42	12,48	11,20	8,74	7,80—6,24	7,53—7,28
1/2	6	Драхма	7,04		6,24	5,60	4,37	3,90—3,12	3,76—3,64
5/12	5	Пемпобол (пентобол)	5,87		5,20	4,66	3,64		
1/3	4	Тристе (тетробол)	4,69	5,48	4,16	3,73	2,91	2,60—2,08	2,51—2,42
1/4	3	Тетарта (триобол)	3,52		3,12	2,80	2,18	1,95—1,56	1,88—1,82
1/6	2	Гекта (диобол)	2,34	2,74	2,08	1,86	1,46	1,30—1,04	1,25—1,21
1/8	1 1/2	Тригеминобол	1,76		1,56	1,40	1,09	0,97—0,78	0,94—0,91
1/12	1	Гемингекта (обол)	1,17	1,37	1,04	0,93	0,73	0,65—0,52	0,63—0,61
1/16	3/4	Трингеморий	0,88		0,78	0,70	0,54		
1/24	1/2	Мисгемингекта (геминобол)	0,57	0,68	0,52	0,47	0,36	0,32—0,26	0,31—0,30
1/32	3/8	Трингеминтартеморий	0,44						
1/48	1/4	Тартеморий	0,29	0,34	0,26	0,23	0,18		
1/96	1/8	Геминтартеморий	0,15	0,17					

пенно понижается от 15,6 г (стопа ± 112) до тетрадрахмы системы кистофоров весом 12,47 г (стопа ± 140), а франко-македонская колеблется между 15,06 и 14,55 г (от стопы ± 116 до ± 120). Применявшаяся в Кизике фокейская система имеет своей основой статер весом 16,42 г (милетский статер и такая же гекта, т. е. 14,08+2,34 г), а римский фунт (либра) равен $1/80$ того же евбейско-аттического таланта (327,4 г), откуда ранний денарий соответствует идеальной норме 4,55 г ($1/72$ либры), затем снижается до 3,9 г («денарий Августа» — $1/84$ либры) и до 3,41 г («денарий Нерона» — $1/96$ либры). Такое единство весовой базы разных монетных систем позволяло производить относительно несложные пересчеты денежных сумм, выраженных в единицах одной системы, на реальные счетные монеты любой другой системы.

Идеальные расчетные нормы веса каждого номинала ни в одной реальной эмиссии не соблюдались в точности прежде всего потому, что греческое серебро чеканилось *al marcso*. Эгинские статеры VI в. до н. э. при норме 12,48 г весят, как уже отмечалось (см. § 7.3), всего 12,12 г (по 126 экз. из трех кладов); афинские драхмы первой половины V в. до н. э. весят в среднем 4,23 г вместо 4,37 г (51 экз. с индивидуальными колебаниями от 4,34 до 4,03 г) [279. С. 80], а тетрадрахмы «нового стиля» указывают на драхму весом 4,2—4,1 г [282. С. 642—648]. Кизикские статеры, идеальная норма которых превышает 16,4 г, весят в среднем 16,02 г [203. С. 31—32, 34]; родосские статеры IV в. до н. э. весят 6,66 г (25 экз.), а драхмы — 3,3 г (9 экз.), с колебаниями в первом случае от 7,26 до 6,29 г, во втором — между 3,62 и 2,97 г [179. Ч. 2, т. 2. С. 1021—1028, табл. 147].

Эти и подобные примеры убедительно показывают, что получаемый в результате взвешивания любого монетного ряда средний вес номинала не представляет собой его идеальную норму, но всегда есть величина, отклоняющаяся от нее, и притом в сторону понижения: даже изготовленные с применением машин монеты новейшего времени довольно быстро изнашиваются в процессе обращения [1. С. 91—94], дошедшие же до нас экземпляры древних монет подвергались, как правило, во время пребывания в земле активному воздействию среды, а затем очищались, и притом не всегда умело [29. С. 23]. Кроме того, при чеканке древние монетные дворы почти всегда удерживали часть металла для покрытия расходов по изготовлению монеты, а нередко стремились извлечь таким путем дополнительную прибыль для государственной казны [29. С. 18, 19, 23]; отметим, наконец, что античные центры, «вводя у себя какую-либо систему монеты, брали ее вес не из каких-либо чужих постановлений, которых, вероятно, и не знали, а с натуры, принимая ее себе за норму и в свою очередь несколько убавляя» [29. С. 18—19]. В силу этого любой средний вес, полученный непосредственным взвешиванием любого количества античных монет, ниже теоретической нормы данного вида; для получения его по-

Таблица 12. Серебряные монеты догетской Ольвии

Монетно-весовая система	Эмиссия или серия (типы, источник публикации)	Вес по эмиссиям и по номиналам, г											
		Статер		Драхма		Триобол		Диобол		Обол		Гемнобол	
		Количество монет	Средний вес. Колебание учетных весов	Количество монет	Средний вес. Колебание учетных весов	Количество монет	Средний вес. Колебание учетных весов	Количество монет	Средний вес. Колебание учетных весов	Количество монет	Средний вес. Колебание учетных весов	Количество монет	Средний вес. Колебание учетных весов
Персидская	Эмиссия Эминака; 70. Табл. XXXII, 1	21 (24)	11,28 11,73—10,24										
	Серия «букраний — тирс»; 81. Рис. 2, 1—2												
	Эмиссия «Деметра — дельфин»; подобия: 254. Табл. IX, 17							1	1,78(?)	1	0,91(?)	2	0,51(?) 0,53—0,49
Эгинская	I серия «Деметра — эмблема»; 13. Табл. VI, 135; VIII, 201	33 (38)	11,98 12,78—11,21	5 (10)	5,74 6,13—5,51								
	II серия «Деметра — эмблема»; 70. Табл. XXXII, 2, 7	12 (18)	12,38 12,57—12,18			8	2,96 3,16—2,74						
Хисско-родосская	Серия «Аполлон — Деметра»; 254. Табл. IX, 9, 15, 19	1	7,90(?)	40 (43)	3,59 4,35—2,76								
	Серия «Деметра в покрывале»; 13. Табл. III, 21; IV, 35; VI, 134	2	7,32(?) 7,40—7,25	9 (10)	3,29 3,78—2,75	15 (16)	1,61 1,91—1,32						
	Серия «Геракл»; 254. Табл. X, 21—23	12 (14)	7,20 7,95—6,43	40 (44)	3,23 4,22—2,28								
	Эмиссия «Гермес — керикей»; 268. Табл. VII, 11			4 (5)	2,87(?) 3,14—2,31								
	Серия «Геракл — Аполлон — Артемиды»; 254. Табл. X, 18, 25, 27	19 (26)	6,95 7,98—6,10	121 (127)	3,22 4,34—2,01	60 (66)	1,52 2,12—1,04						
	Эмиссия «Тихе — стрелок»; 254. Табл. X, 4					15 (16)	1,56 1,89—1,08						

следний считали возможным несколько увеличивать, однако величина такого увеличения определяется обычно на основании общих соображений и для ее вычисления невозможно выработать общие правила. Несомненно, правда, что систематическое исключение весов наиболее маловесных и пострадавших от внешних повреждений экземпляров каждого типа при сохранении весов, отклоняющихся от массы в противоположную сторону, «несколько увеличивая средний вывод, приближает его к истинному» [30.— С. 56]; однако нормальный вес древних монет только в особо благоприятных случаях и при достаточно большом количестве взвешенных экземпляров может быть вычислен с точностью, превышающей десятые доли грамма, так что расчеты, основанные на более детальных данных, обладают мнимой точностью и могут иметь, как и другие, только значение рабочих гипотез [265.— С. 5—6].

Кроме того, следует добавить еще два замечания. Во-первых, степень точности при изготовлении монеты не была одинаковой

даже по отношению к различным номиналам одной и той же серии — монеты невысокого достоинства выпускали, как правило, тем больше отклоняясь от идеальной нормы, чем мельче был номинал; отсюда следует, что для определения веса основной счетной единицы данной системы надлежит исходить по возможности из самого крупного номинала каждой серии; с другой стороны, при объединении нескольких номиналов в одну серию не приходится ожидать, что средний вес каждого из младших номиналов составит в точности соответствующую долю веса старшего. Во-вторых, одно из уязвимых мест нумизматической метрологии состоит в том, что вплоть до настоящего времени приходится в большинстве случаев довольствоваться обработкой весовых данных без надлежащего учета качества монетного металла.

6. В свете изложенного определение системы и номиналов ольвийской чеканки не представляет особых трудностей. Монеты Эминака (рис. 11, 20) со средним весом 11,28 г слишком откло-

Таблица 13. Проба серебряных монет Оливии V в. до н. э.—I в. н. э., 0/100

Тип монет	Номинал	Источник публикации	Количество монет с содержанием серебра									
			Больше 950	950—801	800—701	600—501	500—451	450—401	Меньше 400	Всего		
Геракл — колесо	Статер	70. Табл. XXXII, 1	2	1						3		
Деметра — эмблема То же	Статер Драхма	70. Табл. XXXII, 2 13. Табл. VIII, 201	2 2	1 2						7		
Деметра — эмблема Деметра — дельфин	Статер Трибол	70. Табл. XXXII, 3 70. Табл. XXXII, 7	2 1	1						4		
Деметра — дельфин	Драхма	268. Табл. VII, 4, 9		1	2	3				6		
Деметра — эмблема Геракл — оружие Деметра — дельфин	Статер Драхма Трибол	254. Табл. X, 9 13. Табл. IV, 35 254. Табл. X, 10			1 1				1	3		
Геракл — венук Геракл — оружие	Статер Драхма	254. Табл. X, 21, 22 254. Табл. X, 23	1	1	1	6	5	2		17		
Геракл — палица Аполлон — лира Артемиды — лук и колчан	Статер Драхма Трибол	254. Табл. X, 18, 19 254. Табл. X, 25 254. Табл. X, 27		1 1			1 13 3	4 16 3	2 9 5	63		
Тихе — стрелок	Трибол	254. Табл. X, 4		1	2	2				5		
Царь Инисмей — Тихе	Денарий	254. Табл. XII, 9	2	1						3		
Аполлон — эмблема	Тройной денарий	254. Табл. XI, 8	1							1		

няются от идеальной нормы эгинских статеров и могут, скорее, быть признаны за двойные «царские» сиглы персидской системы; небольшое превышение идеальной нормы последних (11,2 г) объясняется, как в херсонесской чеканке Мильтиада [274. С. 140—141, № 484—486, табл. XXIV] или в более поздней эмиссии Самоса [181. С. 113, а — f, табл. XXII], тем обстоятельством, что эти монеты могли одновременно рассматриваться и как тетрадрахмы хиосско-родосской системы [181. С. 210].

Крупные монеты с типом Деметры представляют собой несомненные эгинские статыры [29. С. 55; 215. С. 272]. Повышение среднего веса от ± 12 г для первой группы (рис. 12, 7) до $\pm 12,4$ г — для второй (рис. 13, 4) объясняется тем, что последние одновременно рассматривались и как аттические тридрахмы (§ 10.4). Статыры первой серии составляют одну серию с однотипными монетами (подобны: 13. Табл. VIII, 201] со средним весом 5,74 г, т. е. драхмами той же эгинской системы. Входящие в одну серию со статерами второй группы мелкие монетки [254. Табл. IX, 15; 13. Табл. IV, 47] являются, на что указывает их вес (2,96 г), эгинскими триболами; в аттической системе такие монеты рассматривались как тетроболы.

Серебряные монеты III — начала I в. до н. э. дают для монет старшего номинала весовой ряд 7,9 г [254. Табл. IX, 9] — 7,32 г [254. Табл. X, 9] — 7,2 г [254. Табл. X, 21, 22] — 6,95 г [254. Табл. X, 18, 19], т. е. такой номинал может рассматриваться как статер хиосско-родосской системы. Монеты среднего номинала образуют в свою очередь ряд весов: 3,59 г [254. Табл. IX, 19, X, 11] — 3,29 г [268. Табл. VII, 6; 13. Табл. IV, 36] — 3,23 г [254. Табл. VII, 14, 15] — 3,22 г [268. Табл. VII, 21—25]; такие монеты представляют собой драхмы той же системы. Мелкие монеты со средним весом 1,61 г [254. Табл. X, 10] — 1,52 г [254. Табл. X, 27] — 1,56 г [254. Табл. X, 4] можно в таком случае определить как гемидрахмы (триболы) той же системы (табл. 12) ²⁸.

7. Заслуживают внимания и немногочисленные сведения о составе ольвийского монетного серебра. Из имеющихся данных пробирного анализа по более чем ста монетам (из коллекций ГИМ, ГМИИ, МИРА, ОАМ) видно, что в период господства персидской и эгинской систем (V—IV вв. до н. э.) качество ольвийского серебра было высоким — оно не опускается для «эминаков» ниже 900 ‰, для обеих групп монет с Деметрой — ниже 800 ‰. С другой стороны, серебро хиосско-родосской системы обнаруживает в III в. до н. э. значительные колебания пробы, а монеты II в. до н. э. чеканены в большей части из сплава, содержащего менее 500 ‰ серебра, т. е. фактически из биллона. В римское время в ход вновь пошло высокопробное

²⁸ В графе «Количество монет» указано число учтенных для вычисления среднего веса (в скобках — число всех известных), в графе «Средний вес» в нижней строке приведен максимальный и минимальный вес из числа монет, учтенных для вычисления среднего веса.

серебро (табл. 13). При всей недостаточности этих данных они все же проливают дополнительный свет на историю монетного дела Ольвии и характеризуют ее денежное обращение на разных его этапах.

8. Древняя Ольвия не имела, в отличие от Афин, собственных источников серебра и для изготовления монет применялся, очевидно, привозной металл; поступал ли он в слитках, в изделиях или в виде чеканенной различными центрами Средиземноморья серебряной монеты, установить невозможно. Весьма вероятно к тому же, что в IV—II вв. до н. э. каждая последующая эмиссия изготовлялась из переплавленных ольвийских монет прежних образцов. Поэтому проведение точных анализов состава сплавов ольвийских монет с целью определения месторождений серебра вряд ли можно признать перспективным направлением исследований. Во всяком случае, гораздо вероятнее предполагать, что для целей монетного производства использовалось серебро из присредиземноморских местонахождений (Фракия, Аттика), чем допускать доставку серебра из Прикарпатья или Приуралья. Что касается меди, то в этом случае, учитывая традиции эпохи бронзы, не приходится исключать возможность поступления металла из Трансильвании или северных районов Балканского полуострова.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

1. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 13.— С. 1—167
2. Маркс К. Капитал. Т. 1.— М., 1960.— 907 с.— (Соч.: 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс; Т. 23)
3. Маркс К. Монометаллизм или биметаллизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— Т. 45.— С. 145—152
4. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 461—508
5. Маркс К. Добавление к главам о деньгах и о капитале // Там же.— Ч. 2.— С. 293—392
6. Маркс К. Фрагмент первоначального текста второй части первого выпуска «К критике политической экономии» и начало третьей главы // Там же.— С. 407—496
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Там же.— Т. 21.— С. 23—178
8. Ленин В. И. Статистика и социология // Полн. собр. соч.— Т. 30.— С. 349—351

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

9. Надписи Ольвии (1917—1965) / Сост. Т. Н. Книпович, Е. И. Леви.— Л.: Наука, 1968.— 132 с.
10. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini* / В. Latyshev.— 2 ed.— Petropolis: ed. Acad. Ross., 1916.— Vol. 1—594 p.
11. *Scythica et Caucasica e veteris scriptoribus Graecis et Latinis* / В. Latyshev.— Petropolis: ed. Acad. Ross., 1900—1906.— Vol. 1/2.— 946, 454 p.
12. *Sylloge inscriptionum Graecarum* / G. Dittenberger.— 3 ed.— Lipsia: Hirzel, 1915—1924.— Vol. 1—4.— 780, 627, 402, 638 p.

КАТАЛОГИ НУМИЗМАТИЧЕСКИХ СОБРАНИЙ

13. Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на Северном берегу Черного моря.— Одесса: Шульце, 1884.— Ч. 1.— 289 с.
14. Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова: монеты Боспорского царства и древнегреческих городов, находившихся в пределах нынешней России / Сост. А. В. Орешников.— М.: Гербек, 1887.— Вып. 7.— 124 с.
15. Московский Публичный и Румянцевский музей, нумизматический кабинет: каталог монет Сарматин Европейской и др. / Сост. А. М. Подшивалов.— М.: Гербек, 1884.— Вып. 1.— 78 с.
16. Описание древнегреческих монет, принадлежащих Московскому университету / Сост. А. В. Орешников.— М.: Гербек, 1891.— 353 с.
17. *Choix de médaille antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie de Blaramberg à Odessa*.— Paris: Didot, 1822.— 64 p.

18. *Fitzwilliam Museum: catalogue of the McClean collection of greek coins* / S. W. Grose.— Cambridge: Univ. Press, 1926.— Vol. 2.— 563 p.
19. *Königliche Museen zu Berlin: Beschreibung der antiken Münzen* / J. Friedländer, A. Sallet.— Berlin: Reimer, 1888.— Bd. 1.— 359 S.

МОНОГРАФИИ, СТАТЬИ, ЗАМЕТКИ

20. *Абикулова М. И., Пиворович В. В.* Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днепра // НАП.— 1982.— С. 30—32
21. *Анохин В. А.* Относительная стоимость золота и серебра в Ольвии и на Боспоре в конце V—начале IV вв. до н. э. // НС.— 1971.— Вып. 4.
22. *Анохин В. А.* «Борисфены» и их место в монетной системе Ольвии // АКСП.— 1984.— С. 3—36
23. *Анохин В. А.* Монеты-стрелки // Ольвия и ее округа.— Киев: Наук. думка, 1986.— С. 68—89
24. *Античная Греция: проблемы развития полиса* / Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, А. И. Павловская и др.— М.: Наука, 1983.— Т. 1.— 423 с.
25. *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа.— Прага: Артия, 1966.— 120 с.
26. *Археология СССР: античные государства Северного Причерноморья* / Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков.— М.: Наука, 1984.— 392 с.
27. *Археология Украинской ССР: скифо-сарматская и античная археология* / С. Д. Крижницкий.— Киев: Наук. думка, 1986.— Т. 2.— 591 с.
28. *Балабанов П.* Нови изследованија во ърху стрелите-пари // Нумизматака.— 1986.— Год. 20, № 2.— С. 3—14
29. *Бертье-Делагард А. Л.* Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене в половине IV в. до н. э. // НС МНО.— 1911.— т. 1.— С. 1—100
30. *Бертье-Делагард А. Л.* Материалы для весовых исследований монетных систем древнегреческих городов и царей Сарматии и Тавриды // НС МНО.— 1913.— Т. 2.— С. 49—134
31. *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья.— М.: Изд-во АН СССР, 1953.— 208 с.
32. *Блаватский В. Д.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСП.— 1959.— С. 7—39.
33. *Булатович С. А.* Клад кизикинов из Ольвии // СА.— 1970.— № 2.— С. 222—224
34. *Булатович С. А.* Клад кизикинов из Орловки // ВДИ.— 1970.— № 2.— С. 73—86
35. *Булатович С. А.* Обращение электровых монет Малой Азии в Эгейском бассейне и в Причерноморье // МАСП.— 1976.— Вып. 8.— С. 95—108.
36. *Булатович С. А.* Нова знахідка монети Кізіка // Археологія.— 1979.— № 29.— С. 95—98
37. *Булатович С. А.* Распространение золотых монет Филиппа II, Александра и Лисимаха в Северо-Западном Причерноморье // Исследования по античной археологии Юго-Запада УССР.— Киев: Наук. думка.— 1980.— С. 52—71
38. *Виноградов Ю. Г.* Новые материалы по древнегреческой экономике // ВДИ.— 1971.— № 1.— С. 64—76
39. *Виноградов Ю. Г.* Синопа и Ольвия в V в. до н. э.: проблема политического устройства // ВДИ.— 1981.— № 2.— С. 65—90 (ч. 1);— № 3.— С. 49—75 (ч. 2)
40. *Виноградов Ю. Г.* Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма // ВДИ.— 1984.— № 1.— С. 51—86
41. *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э. // ВДИ.— 1976.— № 4.— С. 20—42
42. *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Каллиник, сын Евксена: проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй поло-

- вины IV в. до н. э. // ВДИ.— 1982.— № 4, ч. 1.— С. 26—46; 1983.— № 1, ч. 2.— С. 21—39
43. Герасимов Т. Находки от электронов монеты на град Кизик от Бългрия // Годишник на Народния музей София.— 1942.— Кн. 7.— С. 77—89
 44. Герасимов Т. Съкровище от двойни бравички от с. Калугерово // Известия на археологическия Институт при Българската Академия на науките.— 1955.— Кн. 20.— С. 593—594
 45. Герасимов Т. Домонетни форми на пари у тракийското племе асти // Археология.— 1959.— Кн. 1/2.— С. 85—87
 46. Гилевич А. М. Клад «ассов» из Ольвии // НЭ.— 1972.— Т. 10.— С. 74—78.
 47. Гилевич А. М. Клад монет из раскопок Ольвии 1973 г. // ВДИ.— 1984.— № 3.— С. 82—89
 48. Гиль Х. Х. Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892 и 1893 гг. // ЗРАО, нов. серия.— 1895.— Т. 7.— С. 217—229
 49. Голенко К. В. Монетная медь городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI в боспорских находках // Палестинск. сборник.— 1964.— Вып. 11.— С. 58—73
 50. Голенко К. В. Состав денежного обращения Херсонеса в I в. до н. э. // ВДИ.— 1964.— № 4.— С. 50—73
 51. Голенко К. В. Подражания медным монетам городов Понта и Пафлагонии времени Митридата VI // ВДИ.— 1966.— № 3.— С. 142—149
 52. Голубцов В. В. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг. // ИАК.— 1914.— Вып. 51.— С. 67—118
 53. Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА.— 1954.— № 36.— 240 с.
 54. Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии.— М.: Наука, 1968.— С. 101—115
 55. Граков Б. Н. Еще раз о монетах-стрелках // ВДИ.— 1971.— № 3.— С. 125—127
 56. Данов Хр. Н. Древна Тракия.— София: Наука и изкуство, 1968.— 469 с.
 57. Димант Э. И. Монетные находки Кошарского поселения // АИСЗП.— 1978.— С. 241—249
 58. Димитров Б. За стрелите-пари от Западного и Северного Черноморско крайбрежие // Археология.— 1975.— Кн. 2.— С. 43—48
 59. Жебелев С. А. Северное Причерноморье: исследования по истории Северного Причерноморья античной эпохи.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953.— 388 с.
 60. Загинайло А. Г. Монетные находки на Роксоланском городище (1957—1963 гг.) // МАСП.— 1965.— Вып. 5.— С. 100—130
 61. Загинайло А. Г. К вопросу о монетно-весовых системах античных городов Западного и Северо-Западного Причерноморья в V—IV вв. до н. э. // НЭ.— 1974.— Т. 11.— С. 48—61
 62. Загинайло А. Г. Предпосылки возникновения денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье // Археологич. и археографич. исследования на территории Южной Украины.— Киев; Одесса: Вища школа, 1976.— С. 162—171
 63. Загинайло А. Г. К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI—IV вв. до н. э. по нумизматическим данным // МАСП.— 1976.— Вып. 8.— С. 70—83
 64. Загинайло А. Г. Каменский клад стреловидных литых монет // НАП.— 1982.— С. 20—26
 65. Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев VII—V вв. до н. э.— М.: Наука, 1971.— 267 с.
 66. Зограф А. Н. Римские монеты в Ольвии // ИГАИМК.— 1930.— Т. 6, вып. 4.— 15 с.
 67. Зограф А. Н. Монеты из раскопок Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия.— Киев: Изд-во АН УССР, 1940.— Т. 1.— С. 211—257
 68. Зограф А. Н. Находки понтийских монет мифрадатского времени в Ольвии // Ольвия.— Киев: Изд-во АН УССР, 1940.— Т. 1.— С. 293—299
 69. Зограф А. Н. Находки монет в местах предполагаемых античных святынь на Черноморье // СА.— 1941.— № 7.— С. 152—160

70. Зограф А. Н. Античные монеты // МИА.— 1951.— № 16.— 248 с.
71. Зограф А. Н. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья / В. Ф. Гайдукевич.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.— Т. 1.— С. 148—163
72. Зограф А. Н. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1938 г. // МАСП.— 1957.— Вып. 1.— С. 97—101
73. Кагаров Е. Г. Культ фетишей, растений и животных в древней Греции.— СПб.: Балашев, 1913.— 326 с.
74. Карасев А. Н. Монументальные памятники ольвийского теменоса // ОТА.— 1964.— С. 27—130
75. Карышковский П. О. О классификации серебряных статеров Ольвии IV в. до н. э. // КС ИИМК.— 1956.— Вып. 66.— С. 69—77
76. Карышковский П. И. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії: «ольвійське срібло» з напису IPE, I², № 24 // Археологія.— 1957.— № 11.— С. 45—69
77. Карышковский П. О. Стоимость монетных металлов в Ольвии и в Боспорском государстве в IV в. до н. э. // ВДИ.— 1958.— № 3.— С. 121—136
78. Карышковский П. И. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії: ольвійські «аси» // Праці Одеськ. держ. університету, сер. іст. наук.— 1959.— Т. 149, вип. 7.— С. 47—68
79. Карышковский П. О. Монеты острова Березань по материалам раскопок 1928 г. // КС ИА АН УССР.— 1959.— Вып. 9.— С. 85—89
80. Карышковский П. И. Дополнения до истории монетной sprawy Ольвии наприкінці IV ст. до н. е. // МАСП.— 1960.— Вып. 3.— С. 234—242
81. Карышковский П. О. Заметки о монетах Ольвии // СА.— 1960.— № 2.— С. 301—309
82. Карышковский П. О. Золотые монеты Ольвии с изображениями Деметры и дельфина // ВДИ.— 1960.— № 3.— С. 134—139
83. Карышковский П. О. Об обращении кизикинов в Ольвии // НЭ.— 1960.— Т. 2.— С. 3—13
84. Карышковский П. О. О монетах с надписью EMINAKO // СА.— 1960.— № 1.— С. 179—195
85. Карышковский П. О. Серебряные монеты Ольвии из раскопок 1957 г. // НЭ.— 1960.— Т. 2.— С. 14—27
86. Карышковский П. О. Ольвия и Родос по нумизматическим данным // КС ИА АН СССР.— 1961.— Вып. 83.— С. 9—14
87. Карышковский П. О. Серебряная монета Гистиэи из ольвийских монетных находок // ВДИ.— 1961.— № 4.— С. 113—114
88. Карышковский П. И. Золоті монети Лісімаха, знайдені в Ольвії // АП.— 1962.— Т. 11.— С. 97—101
89. Карышковский П. О. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма // МАСП.— 1962.— Вып. 4.— С. 87—107
90. Карышковский П. О. Монеты западнопонтийских династов, найденные в Северном Причерноморье // СА.— 1962.— № 4.— С. 49—58
91. Карышковский П. О. О надписях на ранних монетах Ольвии // МАСП.— 1962.— Вып. 4.— С. 220—227
92. Карышковский П. О. Находки римских монет в Одесской области // КС ОАМ за 1961 г.— Одесса, 1963.— С. 60—67
93. Карышковский П. О. Афинская тетрадрахма «нового стиля», найденная в Ольвии // ВДИ.— 1964.— № 1.— С. 130—134
94. Карышковский П. О. Ольвия и Боспор по нумизматическим данным // КС ОАМ за 1962 г.— Одесса, 1964.— С. 139—145
95. Карышковский П. О. Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н. э. // НЭ.— 1965.— Т. 5.— С. 62—74
96. Карышковский П. О. Находки монет Римской империи в Ольвии // НС.— 1965.— Вып. 2.— С. 50—75
97. Карышковский П. О. Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным // КС ОАМ за 1963 г.— Одесса, 1965.— С. 156—167
98. Карышковский П. О. «Борисфен» в ольвийском декрете о денежном обращении // ЗОАО.— 1967.— Т. 2.— С. 78—80

99. *Карышковский П. О.* Из истории поздней Ольвии // ВДИ.— 1968.— № 1.— С. 167—179
100. *Карышковский П. О.* Ольвийские «борисфены» // НС.— 1968.— Вып. 3.— С. 62—85
101. *Карышковский П. О.* Из истории монетного дела Ольвии в I—II вв. н. э. // НЭ.— 1971.— Т. 9.— С. 51—61
102. *Карышковський П. Й.* Срібні монети післягетської Ольвії // Археологія.— 1971.— № 4.— С. 79—84
103. *Карышковский П. О.* Вторая крупная монета царя Инесимея // Сов. коллекционер.— 1972.— Вып. 10.— С. 143—152
104. *Карышковский П. О.* Монеты ольвийской коллегии Семи // Художеств. культура и археология античн. мира.— М.: Наука, 1976.— С. 109—117
105. *Карышковский П. О.* Находки античных и византийских монет в Одесской обл. // Археологич. и археографич. исследования на территории Южной Украины.— Киев; Одесса: Вища шк., 1976.— С. 172—177
106. *Карышковский П. О.* Ольвийские экагии из собрания ГИМ // Труды ГИМ.— 1977.— Т. 149, ч. 5, вып. 1.— С. 110—120
107. *Карышковский П. О.* Из истории монетного дела Ольвии в первой половине IV в. до н. э. // АИСЗП.— 1978.— С. 83—99
108. *Карышковский П. О.* Ольвийские эпонимы // ВДИ.— 1978.— № 2.— С. 82—88
109. *Карышковский П. О.* Новые находки архаических золотых монет в Ольвии // Древности Северо-Западного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1981.— С. 95—97
110. *Карышковский П. О.* Об изображении орла и дельфина на монетах Синопцы, Истрии и Ольвии // НАП.— 1982.— С. 80—98
111. *Карышковский П. О.* Ольвия и Рим в I в. н. э. // Памятники римск. и средневеков. времени в Северо-Западном Причерноморье.— Киев: Наук. думка, 1982.— С. 6—28
112. *Карышковский П. О.* О монетах царя Фарзоя // Археологич. памятники Северо-Западного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1982.— С. 66—82.
113. *Карышковский П. О.* Ольвийские монеты, найденные на острове Левке // МАСП.— 1983.— Вып. 9.— С. 158—173
114. *Карышковский П. О.* Клад ольвийских монет из долины реки Кучурган // Новые археологич., исследования на Одессине.— Киев: Наук. думка, 1984.— С. 111—119
115. *Карышковский П. О.* Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1984.— С. 78—89
116. *Карышковский П. О.* Новые монетные находки в Северо-Западном Причерноморье // Памятники древн. истории Северо-Западного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1985.— С. 33—36
117. *Карышковский П. О.* Монетное дело Ольвии во второй половине II в. н. э. // Античная культура Северного Причерноморья в первые века н. э.— Киев: Наук. думка, 1986.— С. 25—36
118. *Карышковский П. О.* О монетном искусстве догетской Ольвии // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1986.— С. 96—105
119. *Карышковский П. О., Лапин В. В.* Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г. // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья.— Тбилиси: Мецниереба, 1979.— С. 105
120. *Кене Б. В.* Музей кн. В. В. Кочубея и исследования об истории и нумизматике греческих поселений в России.— СПб.: Экспедиция изготовления гос. бумаг, 1857.— Т. 1.— 458 с.
121. *Козуб Ю. С.* Некрополь Ольвии V—IV ст. до н. э.— К.: Наук. думка, 1974.— 184 с.
122. *Крапивина В. В.* Архаические весовые гири Березани и Ольвии // Ольвия и ее округа.— Киев: Наук. думка, 1986.— С. 105—111
123. *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР // Свод археологич. источников.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— Вып. Г4-4.— 135 с.

124. Кротокий В. В. Экономические связи Восточной Европы в первом тысячелетии н. э.— М.: Наука, 1967.— 135 с.
125. Крыжицкий С. Д. Статер Филиппа Арридея, найденный в Ольвии // НАП.— 1982.— С. 32—34
126. Крыжицкий С. Д. Ольвия: историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов.— Киев: Наук. думка, 1985.— 190 с.
127. Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1966.— 239 с.
128. Лапин В. В. Групповая находка ольвийских дельфинов на Березани // МАСП.— 1971.— Вып. 7.— С. 43—51
129. Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии.— СПб.: Балашев, 1887.— 316 с.
130. Леви Е. И. Материалы ольвийского теменоса // ОТА.— 1964.— С. 131—174
131. Лейпунська Н. О. Культ Аполлона в Ольвії // Археологія.— 1964.— № 16.— С. 21—26
132. Лордкипанидзе Г. А. О домонетной форме денежного обращения в Колхиде // Нумизматич. сборник памяти Д. Г. Капанадзе.— Тбилиси: Мецниереба, 1977.— С. 5—14
133. Марченко К. К. Модель греческой колонизации Нижнего Побужья // ВДИ.— 1980.— № 1.— С. 131—143
134. Массон В. М. Развитие обмена и торговли в древних обществах // КС ИА АН СССР.— 1974.— Вып. 138.— С. 3—11
135. Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— М.: Наука, 1964.— 91 с.— (САИ; Вып. Д1-4)
136. Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— М.: Наука, 1966.— 122 с.— (САИ; Вып. Д1-27)
137. Орешников А. В. О монетах скифских царей с именем города Ольвии // ЗРАО, нов. серия.— 1890.— Т. 4.— С. 14—24.
138. Орешников А. В. Дополнения к нумизматике Ольвии, Херсонеса и Понта // НС МНО.— 1915.— Т. 3.— С. 185—194.
139. Орешников А. В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // НС МНО.— 1915.— Т. 3.— С. 1—68
140. Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК.— 1921.— Т. 1, ч. 1.— С. 217—240; 1922.— Т. 2, ч. 2.— С. 113—138
141. Парович М. В. Про датування ольвійських монет із зображенням голови Тіхи // Археологія.— 1957.— № 11.— С. 157—159
142. Прендель Р. А. Археологические исследования на острове Березани // Труды VI Археологического съезда.— Одесса: Шульце, 1886.— Т. 2.— С. 216—219
143. Пригоровский Г. М. Новая теория происхождения денег // ИОН АН СССР.— 1931.— № 3.— С. 275—291
144. Ременников А. М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н. э.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— 148 с.
145. Ростовцев М. И. Военная оккупация Ольвии римлянами // ИАК.— 1915.— Вып. 58.— С. 1—16
146. Рубан В. В. Из истории приольвийских поселений Правобережья Бугского лимана IV—III вв. до н. э. // АИСЗП.— 1978.— С. 65—83
147. Рубан В. В. О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья // НАП.— 1982.— С. 15—20
148. Рубан В. В., Урсалов В. Н. Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугского лимана // ВДИ.— 1978.— № 3.— С. 82—88
149. Русяева Г. С. Поселения Пітухівка I біля Ольвії // Археологія.— 1968.— № 21.— С. 206—213
150. Русяева Г. С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII—V ст. до н. е. // Археологія.— 1979.— № 30.— С. 3—18
151. Русяева А. С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени.— Киев: Наук. думка, 1979.— 172 с.

152. *Русяева А. С.* Милет—Дидимы—Борисфен—Ольвия: проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ.— 1986.— № 2.— С. 55—64
153. *Сальников О. Г.* Ольвийскі «рибки»: початковий етап ольвійського грошового обігу // МАСП.— 1959.— Вып. 2.— С. 44—58
154. *Скржинская М. В.* Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // АКСП.— 1984.— С. 105—129
155. *Скржинская М. В.* Греческие серьги и ожерелья архаического периода // Ольвия и ее округа.— Киев: Наук. думка, 1986.— С. 112—126
156. *Скуднова В. М.* Монеты-стрелки из Ольвии // СГЭ.— 1956.— Вып. 9.— С. 38—39
157. *Славин Л. М.* Периодизация исторического развития Ольвии // ПИСП.— 1959.— С. 86—107
158. *Струве Ф. А.* Новые надписи ольвийские // Зап. Одесск. о-ва истории и древностей.— 1867.— Т. 6.— С. 1—29
159. *Уваров А. С.* Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря.— СПб.: Экспедиция изготовления гос. бумаг, 1851.— Вып. 1.— 138 с.
160. *Урсалов В. Н.* Новые данные по истории монетного искусства Ольвии // Памятники древн. искусства Северо-Западного Причерноморья.— Киев: Наук. думка, 1986.— С. 110—115
161. *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. // ИАК.— 1903.— Вып. 8.— 113 с.
162. *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. // ИАК.— 1906.— Вып. 13.— 306 с.
163. *Фармаковский Б. В.* Ольвия.— М.: Левенсон, 1915.— 36 с.
164. *Фармаковский Б. В.* Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. // СРАИМК.— 1926.— Т. 1.— С. 143—163
165. *Фролова Н. А.* Монеты скифского царя Скилура // СА.— 1964.— № 1.— С. 45—55
166. *Фурманська А. І.* Бронзоліварне ремесло в Ольвії // Археологія.— 1963.— № 15.— С. 61—70
167. *Харко Л. П.* Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг. // ОТА.— 1964.— С. 321—379
168. *Черненко Е. В.* Скифские лучники.— Киев: Наук. думка, 1981.— 168 с.
169. *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э.— М.: Изд-во АН СССР, 1956.— 221 с.
170. *Шелов Д. Б.* Состояние работы в области нумизматики и ближайшие задачи // КС ИИМК.— 1956.— Вып. 66.— С. 3—11
171. *Шелов Д. Б.* Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ.— 1983.— № 2.— С. 40—58
172. *Шенерт-Гейс Эд.* Торгово-экономические связи Северного Причерноморья с Грецией и их отражение в материале монетных находок // ВДИ.— 1971.— № 2.— С. 25—36
173. *Штейнванд Г. Д.* Кізікський гект Одеського музею у зв'язку з електровим карбуванням міста Кізіка // Вісн. Одеської Комісії краєзнавства, секція археологічна.— 1930.— Вып. 4/5.— С. 7—25
174. *Штігельман Ф. М.* Поселення біля Закисової балки // АП.— 1958.— Т. 7.— С. 131—142
175. *Шукин М. Б.* Царство Фарзоя: эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ.— 1982.— Вып. 47.— С. 35—38
176. *Яйленко В. П.* Материалы к корпусу лапидарных надписей Ольвии // Эпиграфич. памятники древней Малой Азии и античн. Северного и Западного Причерноморья как историч. и лингвистич. источник.— М.: Наука, 1985.— С. 161—237
177. *Andreades A. M.* A History of Greek public finance.— Cambridge (Mass., USA): Univ. Press, 1933.— Vol. 1.— 412 p.
178. *Aricescu A.* Tezaurul de semne de schimb premonetare de la Enisala // SCN.— 1975.— Vol. 6.— P. 17—24
179. *Babelon E.* Traité des monnaies grecques et romaines.— Paris: Leroux, 1901—1932.— P. 1, t. 1; P. 2, t. 1—4

180. *Balabanov P.* Nouvelle étude des monnaies—pointes de flèche de la péninsule d'Athia // *Thracia Pontica*.—1982.—Vol. 1.—P. 40—56
181. *Barron J. P.* The silver coins of Samos.—London: Athlone Press, 1966.—242 p.
182. *Belin de Ballu E.* Olbia: cité antique du littoral nord de la mer Noire.—Leiden: Brill, 1972.—205 p.
183. *Bellinger A. R.* Essays on the coinage of Alexander the Great.—New York: ANS, 1963.—132 p.
184. *Billabel F.* Die ionische Kolonisation.—Leipzig: Dittrich, 1920.—260 S.
185. *Bogaert R.* Le cours du statère de Cyzique aux V et IV s. av. J. C. // *AC*.—1963.—T. 32.—P. 85—119
186. *Bogaert R.* Méthodes d'analyse et numismatique: Le problème de cyzicène // *AC*.—1965.—T. 34.—P. 206—213
187. *Bogaert R.* Banques et banquiers dans les cités grecques.—Leyde: Sijthoff, 1968.—453 p.
188. *Bolin S.* State and currency in the Roman empire to 300 A. D.—Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1958.—357 p.
189. *Brandis J.* Das Münz-, Mass- und Gewichtswesen in Vorderasien bis auf Alexander den Großen.—Berlin: Hertz, 1866.—624 S.
190. *Burns A. R.* Money and monetary policy in early times.—New York: Knopf, 1927.—517 p.
191. *Cahn H. A.* Knidos: die Münzen des VI und V Jh.—Berlin: DAI, 1970.—245 S.
192. *Cavaignac E.* L'économie grecque.—Paris: Plon, 1951.—246 p.
193. *Condurachi Em.* Les statères de Cyzique et les routes commerciales du Hellespont au Danube // *Eirene*.—1960.—T. 1.—P. 61—68
194. *Cook R. M.* Speculations on the origin of coinage // *Historia*.—1958.—Bd. 7.—P. 257—262
195. *Dimitriu S.* O monedă divizionară din Cyzic la Histria // *Studii și cercetări de istorie veche*.—1957.—Vol. 8.—P. 103—112
196. *Dittenberger W.* Kritische Bemerkungen zu griechischen Inschriften // *Hermes*.—1881.—Bd. 16.—S. 189—191
197. *Dzikowski N.* The Olbian inscription CIG 2080 rediscovered // *JHS*.—1939.—Vol. 59.—P. 84—91
198. *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien.—Frankfurt am Main: Lang, 1983.—588 S.
199. *Einzig P.* Primitive money in its ethnological, historical and economic aspects.—London: Methuen Press, 1949.—317 p.
200. *Finley M. J.* The ancient economy.—Berkeley; Los Angeles: Univ. of Calif. Press, 1973.—282 p.
201. *Floren J.* Studien zur Typologie des Gorgoneion.—München: Beck, 1977.—236 S.
202. *Fritze H.* Aufgaben der griechischen Münzwissenschaft // *Nomisma*.—1911.—Bd6.—S. 24—33
203. *Fritze H.* Elektronprägung von Kyzikos // *Nomisma*.—1912.—Bd7.—S. 1—38.
204. *Fritze H.* Die Silberprägung von Kyzikos // *Nomisma*.—1914.—Bd9.—S. 34—56.
205. *Gardner P.* A History of ancient coinage 700—300 B. C.—Oxford: Clarendon Press, 1918.—463 p.
206. *Gerloff W.* Die Entstehung des Geldes und die Anfänge des Geldwesens.—3 Aufl.—Frankfurt am Main: Klostermann, 1947.—260 S.
207. *Giesecke W.* Antikes Geldwesen.—Leipzig: Teubner, 1938.—412 S.
208. *Graf F.* Apollo Delphinus // *Museum Helveticum*.—1979.—Bd36.—S. 2—22
209. *Graeve V.* Milet 1963 // *Istanbul Mitteilungen*.—1973/1974.—Bd23/24.—S. 63—115
210. *Gren E.* Kleinasien und Ostbalkan in der Wirtschaftlichen entwicklung der römischen Kaiserzeit.—Uppsala; Leipzig: Harrassowitz, s. a. (1941).—172 S.
211. *Hackens T.* Chronique numismatique: les monnaies grecques les plus anciennes (VII—VI s. av. J. C.) // *AC*.—1977.—T. 46.—P. 205—218

212. *Hasebroek J.* Die Betriebsformen des griechischen Handels im IV Jh. v. Chr. // *Hermes*.— 1923.— Bd 58.— S. 393—425
213. *Hasebroek J.* Anzeige: H. Schmitz. Ein Gesetz der Stadt Olbia zum Schutze ihres Silbergeldes. Freiburg, 1925 // *Philologische Wochenschrift*.— 1926.— Jg. 46, N 14/15.— S. 368—372
214. *Hasebroek J.* Staat und Handel im alten Griechenland.— Tübingen: Wasmuth, 1928.— 200 S.
215. *Head B. V.* *Historia numorum: a manual of greek numismatics*.— 2-nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1911.— 967 p.
216. *Heichelheim F.* Wirtschaftliche Schwankungen der Zeit von Alexander bis Augustus.— Jena: Fischer, 1930.— 142 S.
217. *Heichelheim F.* Die Ausbreitung der Münzgeldwirtschaft und der Wirtschaftsstil im archaischen Griechenland // *Schmoller's Jahrbuch*.— 1931.— Bd. 55.— S. 229—254.
218. *Heichelheim F.* Wirtschaftsgeschichte des Altertums vom Paläolithikum bis zur Völkerwanderung.— Leiden: Brill, 1969 (Reprint der Auflage 1938).— 3 Bde.— 1239 S.
219. *Hill G. F.* The frequency-table // *NC*.— 1924.— P. 76—85.
220. *Hultsch F.* Griechische und römische Metrologie.— 2 Aufl.— Berlin: Weidmann, 1882.— 745 S.
221. *Imhoof-Blumer F.* Die Kupferprägung des Mithradatischen Reiches und andere Münzen des Pontus und Paphlagoniens // *NZ*.— 1912.— Bd 45.— S. 169—192
222. *Johnston J.* An International managed currency in the fifth cent. // *Hermathena*.— 1932.— Vol. 47.— P. 132—157
223. *Jones R. M.* Denarii, asses and assaria in early Roman empire // *Bulletin of the Institut of Classical Studies*.— 1971.— № 18.— P. 99—105
224. *Kahrstedt U.* Athenische Wappenmünzen und kleinasiatische Elektron // *Deutsche Jahrbücher für Numismatik*.— 1939.— Bd 2.— S. 85—101
225. *Keller O.* Die Tiere des classischen Altertums.— Innsbruck: Wagner, 1887.— 488 S.
226. *Kiyonaga S.* The date of beginning of coinage in Asia Minor // *SNR*.— 1973.— T. 52.— P. 3—16
227. *Kraay C. M.* The composition of electrum coinage // *Archaeometry*.— 1958.— Vol. 1, № 1.— P. 21—23
228. *Kraay C. M.* Hoards, small change and the origin of coinage // *JHS*.— 1964.— Vol. 84.— P. 76—91
229. *Kraay C. M.* *Archaic and classical greek coins*.— Berkeley; Los Angeles: Univ. of Calif. Press.— 1976.— 390 p.
230. *Kunisz A.* Recherches sur le monnayage et la circulation monétaire sous la règne d'Auguste.— Wroclaw: Akad. RPL, 1976.— 161 p.
231. *Laloux M.* La circulation des monnaies d'electrum de Cyzique // *Revue Belge de numismatique*.— 1971.— Vol. 117.— P. 31—69
232. *Laum B.* Das Fischgeld von Olbia // *Frankfurter Münzzeitung*.— 1918.— Jg. 18, N 213/214.— S. 439—450
233. *Laum B.* Heiliges Geld: eine historische Untersuchung über den sakralen Ursprung des Geldes.— Tübingen: Mohr & Siebeck, 1924.— 164 S.
234. *Lehmann-Haupt C. F.* Historisch-Metrologische Forschungen // *Klio*.— 1913.— Bd 13.— S. 119—166
235. *Lehmann-Haupt C. F.* Forschungen zum antiken und ostasiatischen Gewichtsweisen // *Klio*.— 1936.— Bd 29.— S. 250—286
236. *Le Rider G.* Le monnayage d'argent et d'or de Philippe II frappé en Macedoine de 359 à 294.— Paris: Bourgey, 1977.— 484 p.
237. *Letronne J. A.* Lettre à Mr Malte-Brun sur quelques locutions relatives à l'expression des comptes monétaires dans le décret des habitants d'Olbia // *Nouvelles anales des voyages, de la géographie et d'histoire*.— 1823.— T. 19, p. 1.— P. 282—289; T. 20, p. 2.— P. 136—138
238. *Lewis D. M.* The chronology of the Athenian new style coinage // *NC*.— 1962.— P. 275—300
239. *Lewis D. M.* New evidance for the gold-silver ratio // *Essays Robinson*.— 1968.— P. 105—110

240. *Lindisch F.* De rebus Olbiopolitarum.— Halle a/S., 1888 (Diss.).— 50 p.
241. *Mănuclu-Adamesteanu M.* Tezaurul de semnepremonetare în formă de vîrf de săgeată de la Vişina // SCN.— 1984.— Vol. 8.— P. 17—24
242. *Mattingly H. B.* Some 'third magistrates' in the Athenian new style coinage from 140/139 to 82/81 B. C. // JHS.— 1971.— Vol. 91.— P. 85—93
243. *Mavrogordato J.* A chronological arrangement of the coins of Chios // NC.— 1918.— P. 1—79
244. *May J. M. F.* The coinage of Abdera 540—345 B. C.— London: RNS, 1966.— 298 p.
245. *Michel H.* Economics of ancient Greece.— Cambridge (Mass., USA) : Univ. Press, 1957.— 341 p.
246. *Mihailov G.* Septimius Severus in Moesia Inferior and Thrace // Acta antiqua Philippopolitana: studia historica et philologica.— Serdica: Acad. Bulg., 1963.— P. 113—126
247. *Minns E. H.* Scythians and Greeks: a survey of ancient history and archaeology on the North coast of the Euxine.— Cambridge: Univ. Press.— 1913.— 720 p.
248. *Mitrea B.* Découvertes monétaires en Roumanie 1981, 1982 et 1983 (XXV—XXVII) // Dacia.— 1984.— Vol. 28, N 1/2.— P. 183—190
249. *Mommsen Th.* Provinzialcourant der römischen Provinz Asia im Verhältniss zur Reichsmünze // ZfN.— 1887.— Bd14.— S. 40—42.
250. *Mordtmann J. H.* Epigraphische Mittheilungen: Inschrift von Olbia // Hermes.— 1878.— Bd13.— S. 373—380
251. *Mordtmann J. H.* Miscellen // Hermes.— 1885.— Bd20.— S. 314.
252. *Pernice E.* Griechische Gewichte.— Berlin: Weidmann, 1895.— 215 S.
253. *Pfeiler B.* Die Silberprägung von Milet im VI Jh. v. Chr. // SNR.— 1966.— Bd45.— S. 5—25
254. *Pick B., Regling K.* Die antiken Münzen von Dacien und Moesien.— Berlin: Reimer, 1898—1910.— Bd1, 1/2.— 920 S.
255. *Poenaru-Bordea Gh., Oberländer-Tirnovanu E.* Contributions à l'étude des monnaies — pointes de flèche à la lumière des trésors de Jurilovka // Actes de II Congr. Intern. de thracologie.— Bucureşti: Acad. RSR, 1980.— Vol. 2.— P. 141—150
256. *Preda C.* În legătură cu circulaţia staterilor din Cyzic la Dunarea de jos // Pontica.— 1974.— Vol. 7.— P. 139—146
257. *Preda C., Nubar H.* Histria III: descoperirile monetare 1914—1970.— Bucureşti: Acad. RSR, 1973.— 258 p.
258. *Preda Fl.* Vîrfuri de săgeţi cu valoare monetară descoperite pe litoralul de nord-vest al mării Negre // Analele Universităţii 'C. I. Parhon' Bucureşti.— 1960.— Ser. stiinte sociale, N 16.— P. 7—17
259. *Price M. J.* Early Greek bronze coinage // Essays Robinson.— 1968.
260. *Price M. J.* Thoughts on the beginning of coinage // Studies in numismatic method presented to Ph. Grierson.— Cambridge: Univ. Press, 1983.
261. *Quiggin A.* A survey of primitive money: the beginning of currency.— London: Strand, 1963.— 22, 344 p.
262. *Regling K.* Dareikos und Kroiseios // Klio.— 1918.— Bd14.— S. 91—112
263. *Regling K.* Die antike Münze als Kunstwerk.— Berlin: Schoetz & Parrhysius, 1924.— 148 S.
264. *Regling K.* Die Münzen von Priene.— Berlin: Schoetz, 1927.— 218 S.
265. *Regling K.* Münzkunde // Einleitung in die Altertumswissenschaft / A. Gercke, Ed. Norden.— Leipzig; Berlin: Teubner, 1930.— Bd 2, H. 2.— 37 S.
266. *Reinach Th.* L'Histoire par les monnaies.— Paris: Leroux, 1902.— 269 p.
267. *Robinson E. S. G.* The date of the earliest coins // NC.— 1956.— P. 1—8.
268. *Robinson E. S. G.* Coins of Olbia // NC.— 1937.— P. 91—101.
269. *Sallet A.* Die Marken von Olbia // ZfN.— 1883.— Bd10.— S. 144—147.
270. *Schmitz H.* Ein Gesetz der Stadt Olbia zum Schutze ihres Siblingeldes.— Freiburg in Baden: Waibel, 1925.— 31 S.
271. *Schönert-Geiss Ed.* Die Münzprägung von Byzantium: Autonome Zeit.— Amsterdam: Hackert, 1970.— 174 S.
272. *Scorpan G.* Vîrfuri de săgeţi — semne premonetare şi monede histriense cu 'roata' descoperite la Tomis // SCN.— 1980.— Vol. 7.— P. 25—34

273. Segrè A. Metrologia e circolazione monetaria degli antichi.— Bologna: Rossi, 1928.— 548 p.
274. Sellman C. T. Athens: its history and coinage before the Persian invasion.— Cambridge: Univ. Press, 1924.— 20, 228 p.
275. Sellman C. T. Greek coins: a history of metallic currency and coinage down to the fall of the Hellenistic kingdoms.— London: Methuen, 1955.— 2nd ed.— 311 p.
276. Severeano G. Sur les monnaies primitives de scythes: lingote monnaie en forme de pointe de flèche // Buletinul Societății numismatice Române.— 1926.— An. 21, N 57/58.— P. 1—6.
277. Seyrig H. Monnaies hellénistiques de Byzance et de Calcédoine // Essays Robinson.— 1968.— P. 183—200
278. Sorda S. A proposito di un rinvenimento di punte di freccia // Annali del Istituto Italiano di numismatica.— 1980.— T. 26.— P. 185—200.
279. Starr Ch. G. Athenian coinage 480—449 B. C.— Oxford: Clarendon Press, 1970.— 13, 97 p.
280. Sutherland C. H. V. Coinage in the Roman imperial policy 31 B. C.— A. D. 68.— London: Methuen, 1951.— 210 p.
281. Svoronos I. N. Mathēmata nomismatikēs: ta prōta nomismata // Journal Intern. d'archéologie numismatique.— 1906.— T. 9.— Sel. 147—236
282. Thompson M. The new style silver coinage of Athens.— New York: ANS, 1961.— 747 p.
283. Thompson M., Mörkholm O., Kraay M. C. An inventory of Greek coin hoards.— New York: ANS, 1973.— 18, 408 p.
284. Thompson W. E. The value of the Kyzikene stater // NC.— 1963.— P. 1—4
285. Thompson W. E. Gold and silver ratios at Athens during the fifth cent. // NC.— 1964.— P. 103—123.
286. Viedebant O. Forschungen zur Metrologie des Altertums // Abhandlungen der philos.—hist. Klasse der Sächsischen Akademie der Wissenschaften.— 1917.— Bd 34, H 3.— 8, 184 S.
287. Viedebant O. Antike Gewichtsnormen und Münzfüsse.— Berlin: Weidmann, 1923.— 8, 166 S.
288. Vinogradov J. Olbia: Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer.— Konstanz: Universitätsverlag, 1981.— 48 S.
289. Wade-Gery H. T. The ratio of silver to gold during the Peloponnesian war // NC.— 1929.— P. 16—38
290. Weidauer L. Probleme der frühen Elektronprägung.— Fribourg: 'Office du Livre', 1975.— 114 S.
291. Wells H. B. The arrow-money of Thrace and Southern Russia // JSAN.— 1978.— Vol. 9, N 1, p. 1.— P. 6—9, 12; N 2, p. 2.— P. 24—26, 31
292. Wells H. B. A further study of the arrowhead-money // JSAN.— 1981.— Vol. 12, N 3.— P. 53—54
293. West A. B. The early diplomacy of Philip II of Macedon illustrated by his coins // NC.— 1923.— P. 169—210
294. West A. B. Fifth and fourth century gold coins from the Thracian coast.— New York: ANS, 1929.— 183 p.
295. West L. C. Gold and silver coin standards in the Roman Empire.— New York: ANS, 1941.— 199 p.
296. Will Ed. De l'aspect éthique des origines grecques de la monnaie // Revue numismatique.— 1955.— Vol. 17.— P. 5—23.
297. Willers H. Geschichte der römischen Kupferprägung vom Bundesgenossenkrieg bis auf Kaiser Klaudius.— Leipzig; Berlin: Teubner, 1909.— 228 S.
298. Youroukova Y. Coins of the Thracians // British archaeological reports: supplementary ser.— Oxford, 1976.— N 4.— 153 p.
299. Ziebell W. Olbia: eine griechische Stadt in Südrussland.— Hamburg: Jurgens, 1937.— 78 S.
300. Zograph A. The Toapse hoard: with some notes on the Lysimachean staters struck at Byzantium // NC.— 1925.— P. 29—52.
301. Zograph A. Ein Bronzemedallion von Assos // ZfN.— 1926.— Bd 36.— S. 68—72.
302. Zograph A. Zur antiken Münztechnik // Numismatik.— 1932.— Bd 1, N 3.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИСЗП	— Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья.— Киев : Наук. думка, 1978.— 279 с.
АКСП	— Античная культура Северного Причерноморья.— Киев : Наук. думка, 1984.— 216 с.
АП	— Археологічні пам'ятки Української РСР
ВДИ	— Вестник древней истории
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва)
ГМИИ	— Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва)
ГЭ	— Государственный Эрмитаж (Ленинград)
ЗООА	— Записки Одесского археологического общества
ЗРАО	— Записки Русского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической Комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИОН АН СССР	— Известия Отделения общественных наук АН СССР
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры
КС ИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КС ИА АН УССР	— Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КС ИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КС ОАМ	— Краткие сообщения Одесского археологического музея
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИРА	— Музей истории религии и атеизма (Ленинград)
НАП	— Нумизматика античного Причерноморья.— Киев : Наук. думка, 1982.— 164 с.
НС	— Нумизматика и сфрагистика
НС МНО	— Нумизматический сборник Московского Нумизматического общества
НЭ	— Нумизматика и эпиграфика
ОАМ	— Одесский археологический музей АН УССР
ОТА	— Оливия: теменос и агора.— М.; Л. : Наука, 1964.— 382 с.

ПИСП	— Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху.— М. : Изд-во АН СССР, 1959.— 304 с.
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа
СГАИМК	— Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры
СРАИМК	— Сообщения Российской Академии истории материальной культуры
AC	— L'Antiquité classique
ANS	— The American Numismatic Society (New York)
DAI	— Deutsches Archäologisches Institut (West-Berlin)
Essays Robinson	— Essays in Greek coinage presented to Stanley Robinson / C. M. Kraay, G. K. Jenkins.— Oxford: Clarendon Press, 1968.— 264 p.
JHS	— The Journal of Hellenic Studies
JSAN	— The Journal of the Society for ancient numismatics
NC	— The Numismatic Chronicle
NZ	— Numismatische Zeitschrift
RNS	— The Royal Numismatic Society (London)
SCN	— Studii si cercetari de numismatica
SNR	— Schweizerische Numismatische Rundschau
ZfN	— Zeitschrift für Numismatik

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
ВВЕДЕНИЕ	
§ 1. Из истории изучения денежного обращения Ольвии в XIX—XX вв.	5
§ 2. К характеристике эпиграфических источников по истории денежного обращения Ольвии	10
§ 3. Периодизация истории денежного обращения Ольвии	19
ГЛАВА I. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ОЛЬВИИ В ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (середина VI — середина IV в. до н. э.)	
§ 4. Зарождение денежного обращения в Северо-Западном Причерноморье	27
§ 5. Ольвийские дельфины	34
§ 6. Ранние ольвийские ассы	41
§ 7. Первые серебряные монеты Нижнего Побужья	49
§ 8. Денежное обращение Ольвийского полиса в первой половине IV в. до н. э.	52
ГЛАВА II. ПЕРЕХОД ОЛЬВИИ К ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МОНЕТНОЙ СИСТЕМЕ (вторая половина IV в. до н. э.)	
§ 9. «Медь и серебро» ольвийского декрета о деньгах	57
§ 10. Утверждение золотого стандарта в денежном обращении Ольвийского полиса	63
§ 11. Относительная стоимость монетных металлов в Ольвии во второй половине IV в. до н. э.	70
ГЛАВА III. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ОЛЬВИИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ (начало III — середина I в. до н. э.)	
§ 12. Стабилизация денежного обращения Ольвийского полиса на основе золотого стандарта (около 300—250 г. до н. э.)	77
§ 13. Кризис денежного хозяйства Ольвии (около 250—200 г. до н. э.)	86
§ 14. Попытки преодоления кризисных явлений в денежном обращении Ольвийского полиса (около 200—150 г. до н. э.)	96
§ 15. Денежное обращение Ольвии в позднеэллинистическое время (около 150—50 г. до н. э.)	101
ГЛАВА IV. ПЕРЕХОД ОЛЬВИИ К РИМСКОЙ МОНЕТНОЙ СИСТЕМЕ	
§ 16. Золото царя Фарзоя и современные ему городские разменные монеты	108
§ 17. Утверждение римской монетной системы в денежном обращении Ольвийского полиса	112

ГЛАВА V. ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ ОЛЬВИИ В РИМСКОЕ ВРЕМЯ
(конец I — конец IV в. н. э.)

§ 18. Время Флавиев и Антониннов (69—192 гг. н. э.)	116
§ 19. Время Северов (193—235 гг. н. э.)	124
§ 20. Прекращение ольвийской монетной чеканки и угасание денежного обращения в Нижнем Побужье	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	131
ПРИЛОЖЕНИЕ. Монетные системы догетской Ольвии	135
Список использованной литературы	153
Список сокращений	164

Монография

ПЕТР ОСИПОВИЧ КАРЫШКОВСКИЙ

МОНЕТЫ ОЛЬВИИ

*Очерк денежного обращения
Северо-Западного Причерноморья
в античную эпоху*

Утверждено к печати ученым советом
Одесского археологического музея АН УССР

Редактор *Т. Н. Телиженко*

Оформление художника *С. В. Назарова*

Художественный редактор *С. П. Квитка*

Технический редактор *Т. С. Березяк*

Корректоры *О. А. Газрилец, С. Д. Семенова,
И. В. Кривошеина*

ИБ № 9037

Сдано в набор 30.09.87. Подп. в печ. 07.01.88. БФ 01503.
Формат 60×90/16. Бум. тип. № 2. Лит. гарн. Выс. печ.
Усл. печ. л. 11,0. Усл. кр.-отг. 11,25. Уч.-изд. л. 12,15.
Тираж 18 000 экз. Заказ 7-684. Цена 75 к.

Издательство «Наукова думка».
252601 Киев 4, ул. Репина, 3.

Отпечатано с набора Киевской книжной типографии
научной книги в журнальном производстве РПО
«Полиграфкнига», 252030, Киев, 30, ул. Ленина, 19. Зак. 0-18.

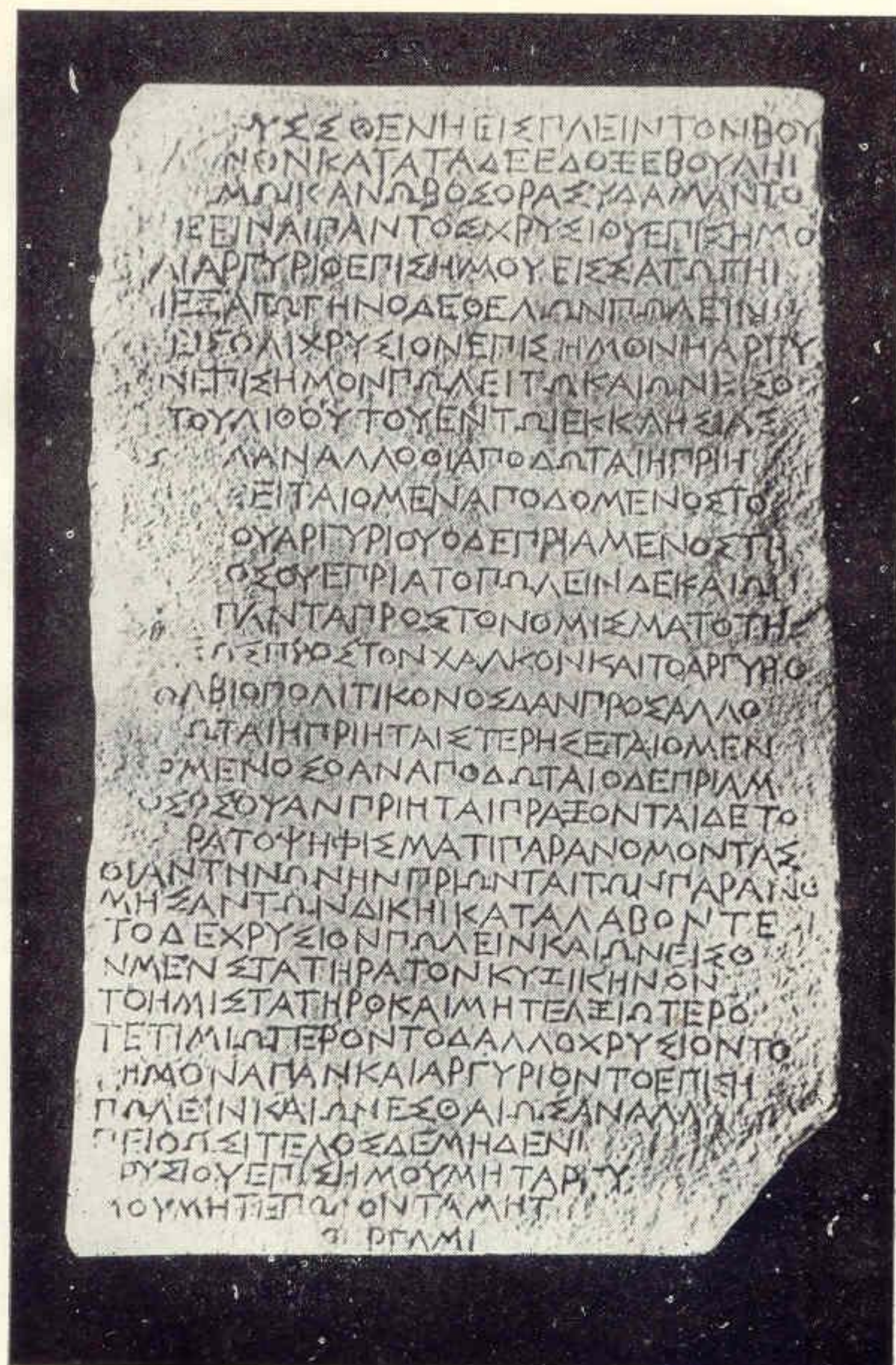

Рис. 1. Декрет ольвиополитов о денежном обращении (фото).
Мрамор. Анкара, Университетский музей.

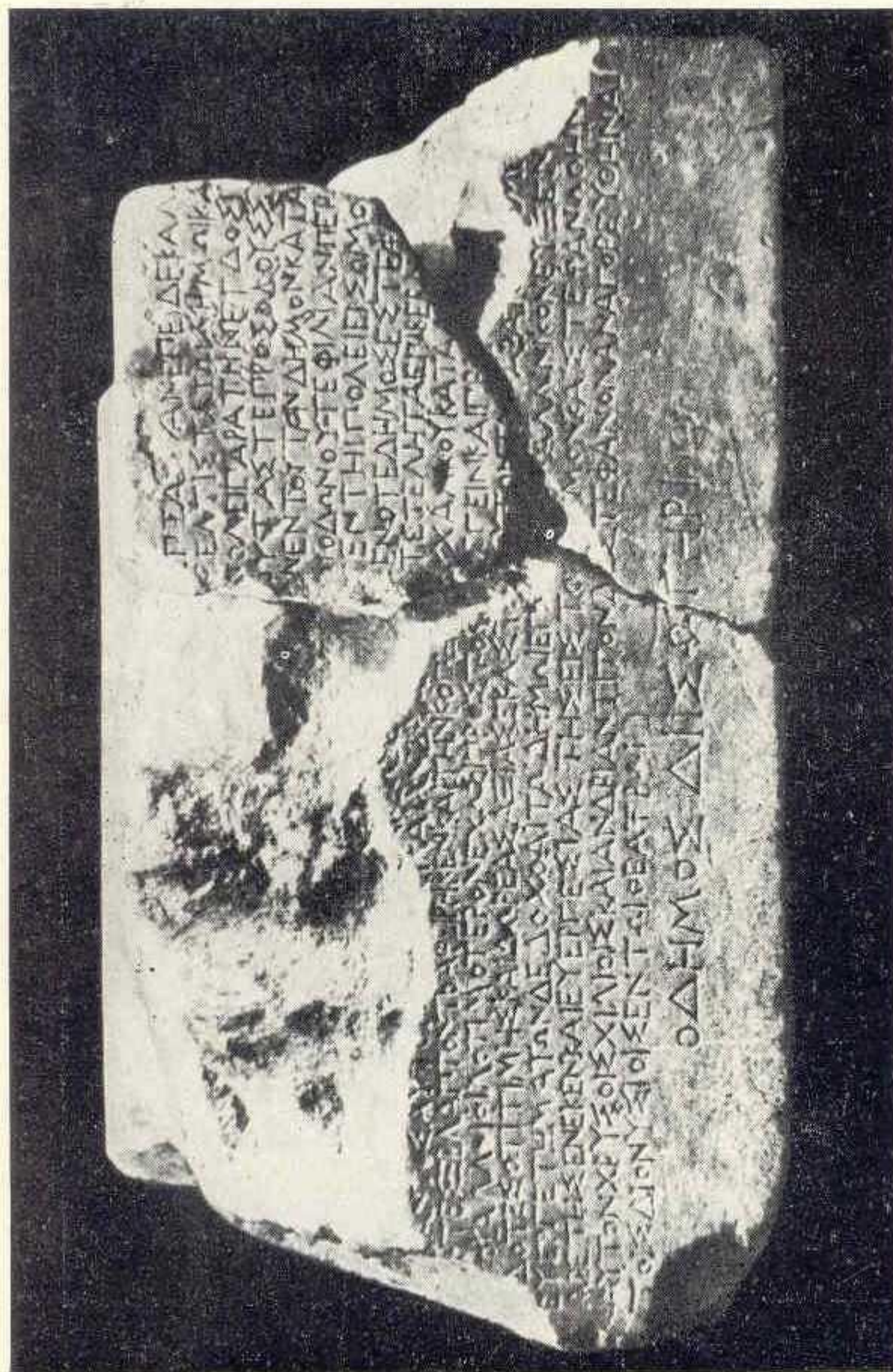

Рис. 2. Декрет оливополютов о награждении Каллиника, сына Евксена (фото). Мрамор. Одесса, Археологический музей.

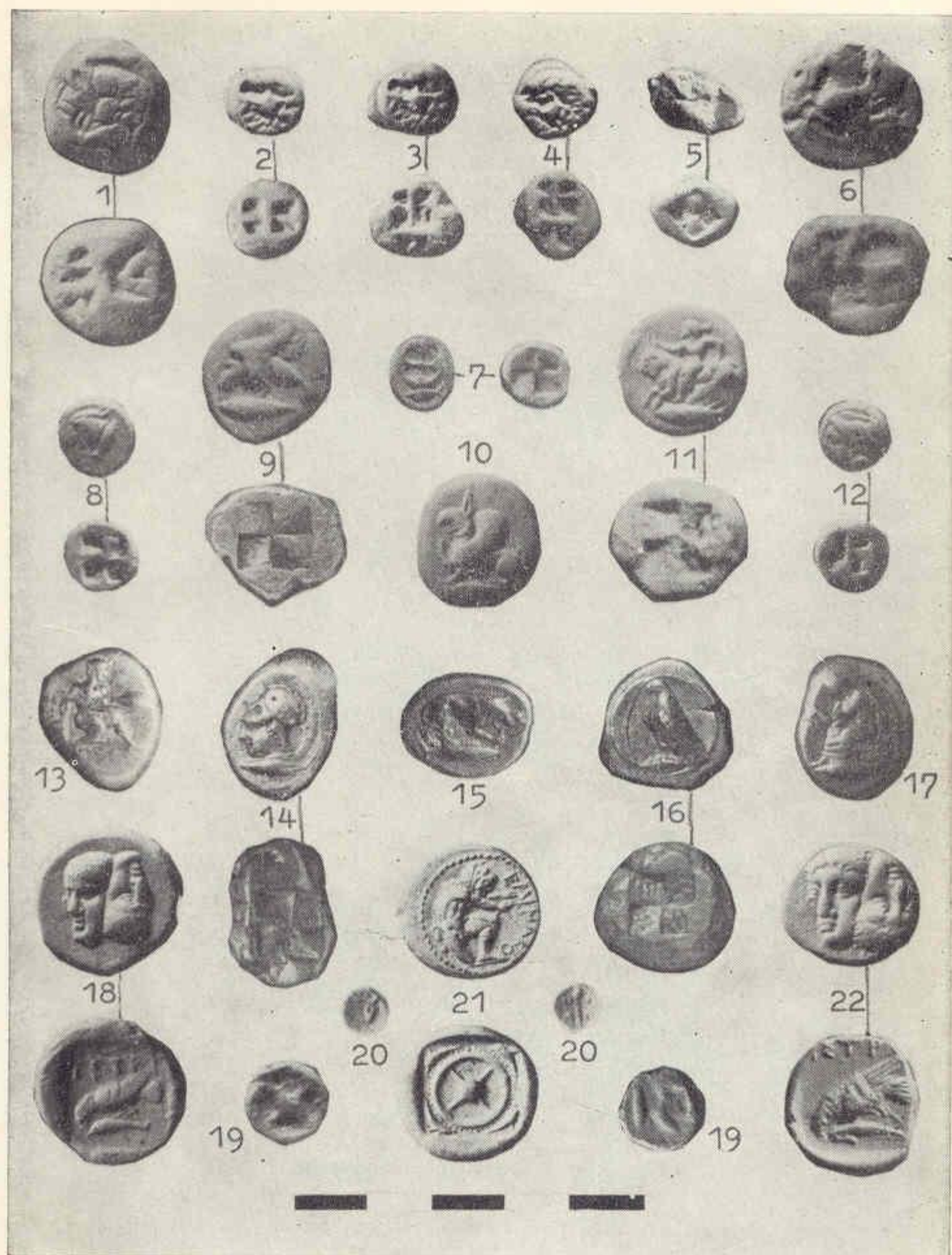

Рис. 11. Монетные находки в Северо-Западном Причерноморье и первые серебряные монеты Ольвии (начало VI — начало IV в. до н. э.)

1—4 — Лидия или Иония; 5, 12 — Фокея и Митилена; 6 — Лампсак; 7—11, 13—17 — Кизик; 18, 19, 22 — Истрия; 20, 21 — Ольвия. 1—4 — найдены на Березани; 5—12, 19 — в Ольвии; 13—17 — в Орловке; 18 — в Роксоланах; 22 — в Висунцах (1—17 — электр; 18, 20—22 — серебро; 19 — бронза).

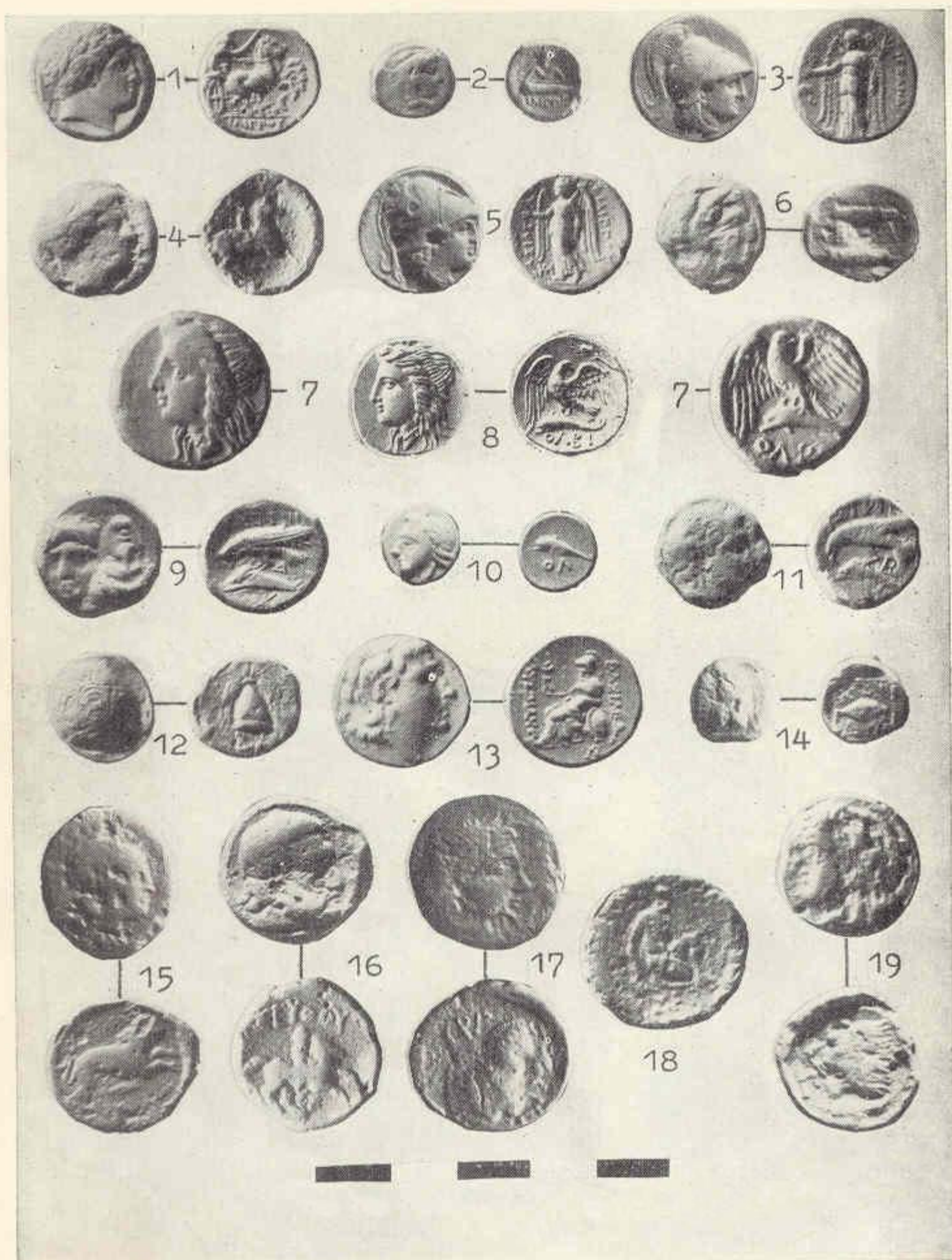

Рис. 12. Монетные находки в Ольвии и ольвийские монеты IV в. до н. э.

1—6, 12 — Македония; 7, 8, 10 — Ольвия; 9, 11 — Истрия; 13, 15 — государство Лисимаха; 14 — Кардия; 16 — Одрисское царство; 17 — Тира; 18 — Херсонес Таврический; 19 — Пантикапей. 1—6, 9, 11—19 — найдены в Ольвии (1—3, 5, 8, 10, 13 — золото; 7, 9 — серебро; 4, 6, 11, 12, 14—19 — бронза).

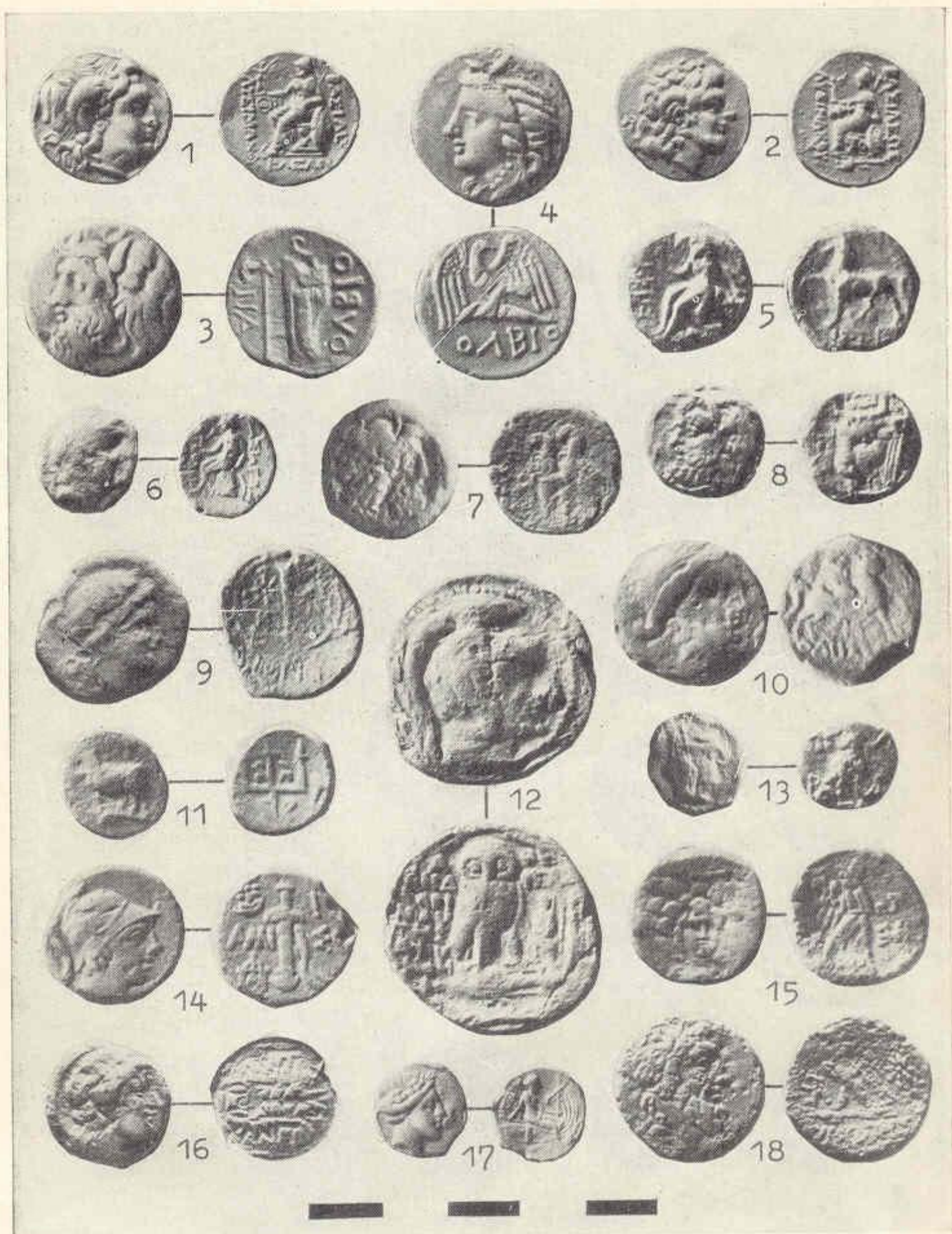

Рис. 13. Монетные находки в Ольвии и ольвийские монеты конца IV — начала I в. до н. э.

1, 10 — Одесс; 2 — Томи; 3, 4 — Ольвия; 5 — Керкинитида; 6 — государство Селевкидов; 7 — государство Птолемеев; 8 — Пантикапей; 9 — Дионисополь; 11 — Византий; 12 — Афины; 13 — Тира; 14, 15 — Амис; 16 — Малая Скифия; 17 — Гистия; 18 — Синопа. 1, 2, 5—18 — найдены в Ольвии (1, 2 — золото; 4, 12, 17 — серебро; 3, 5—11, 13—16, 18 — бронза).

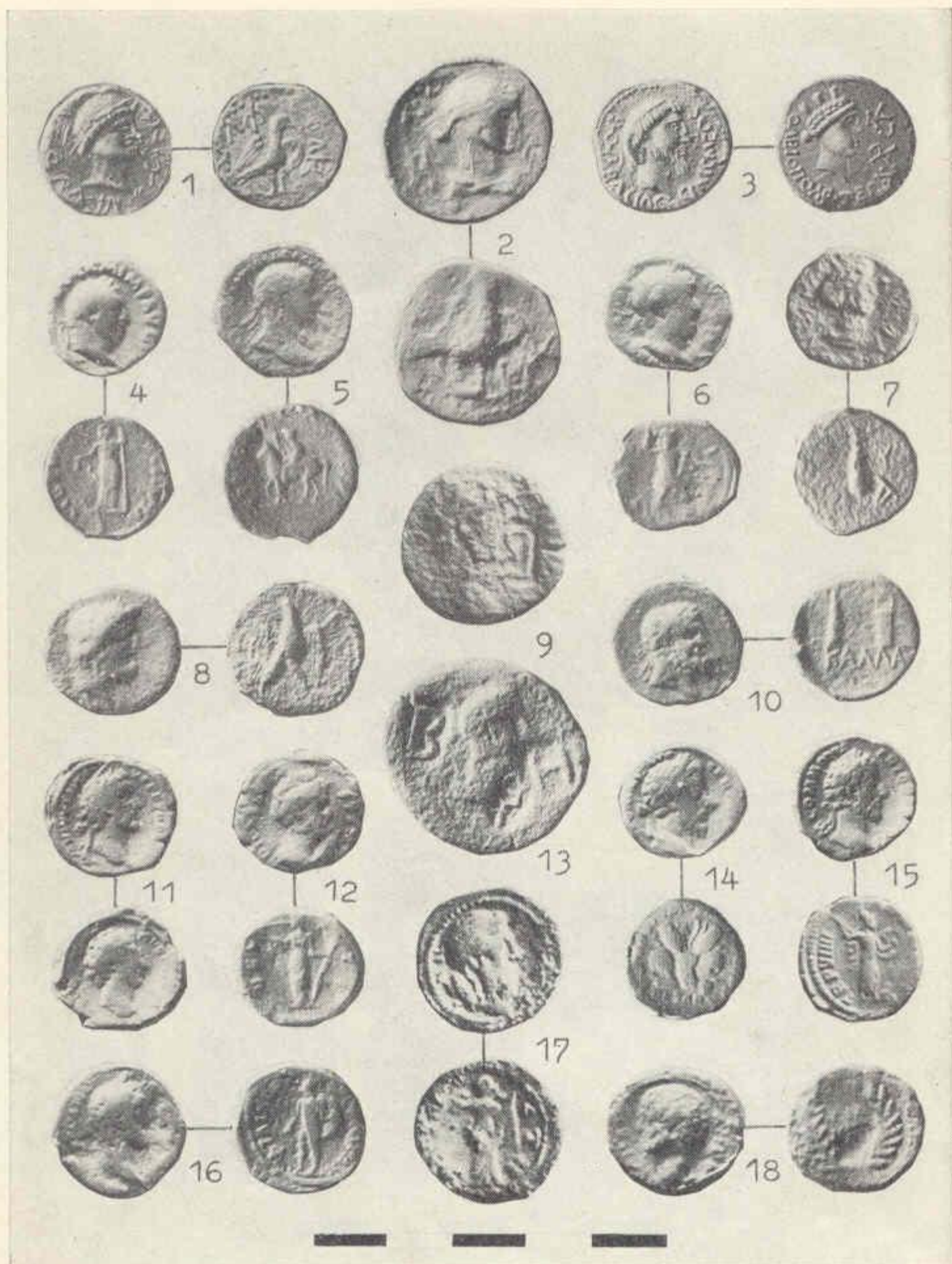

Рис. 14. Монетные находки в Ольвии и ольвийские монеты I—II вв. н. э.

1—3, 13 — Ольвия; 4—6, 9, 11, 12, 14, 15 — римские императорские эмиссии (4 — Вителлий; 5 — Траян; 6, 9 — Адриан; 11 — Антонин Пий; 12 — Фаустина Старшая; 14 — Марк Аврелий; 15 — Коммод); 7, 8, 10, 16—18 — римские провинциальные эмиссии (7 — Тира; 8 — Томи; 10 — Каллатия; 16 — Филиппополь; 17 — Амастрия; 18 — Тиум). 4—12, 14—18 — найдены в Ольвии (1 — золото; 2—6, 11, 12, 14, 15 — серебро; 7—10, 16—18 — бронза).

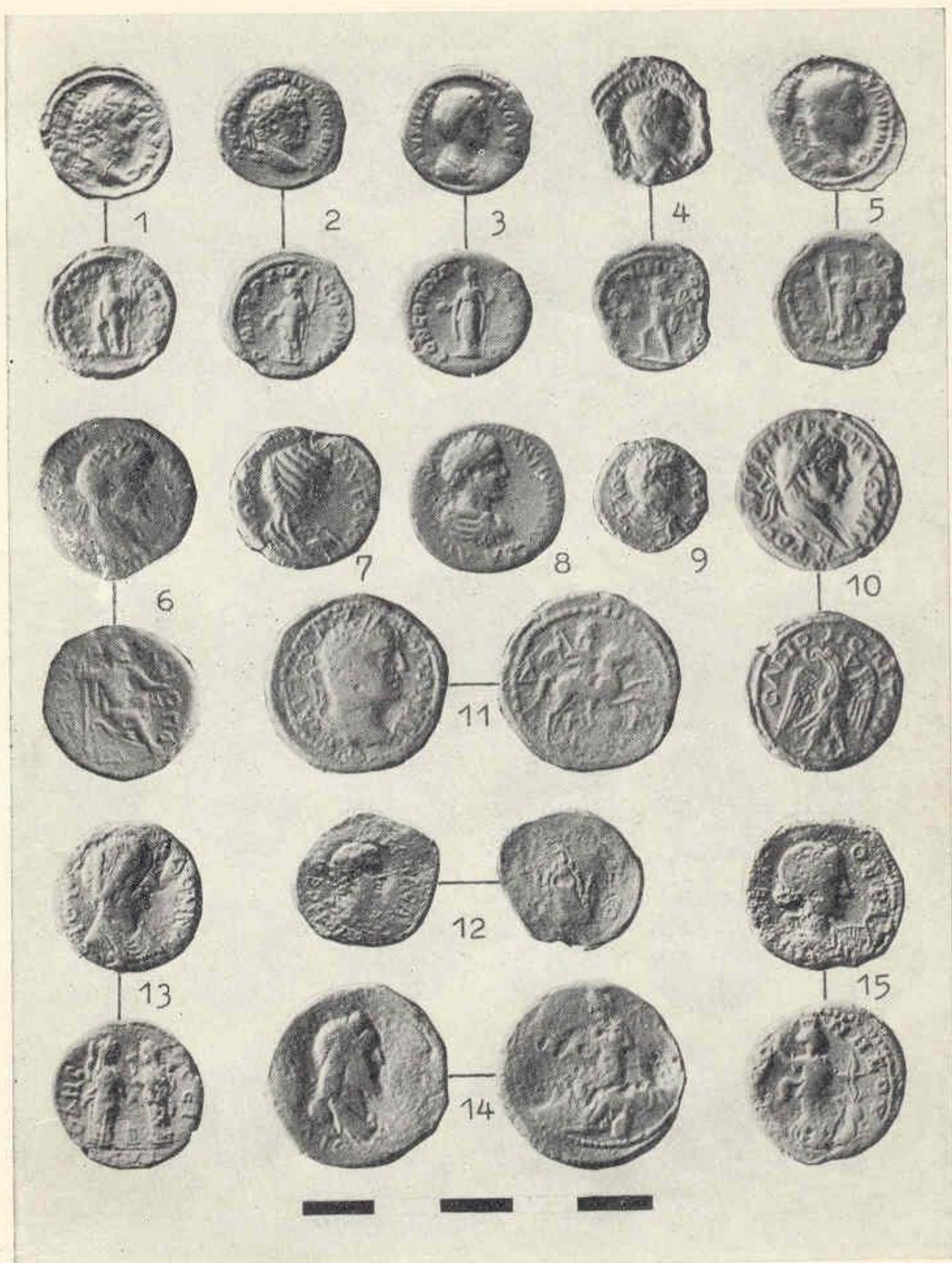

Рис. 15. Монетные находки в Ольвии и ольвийские монеты первой трети III в. н. э.
 1—5 — римские императорские эмиссии (1 — Септимий Север; 2 — Каракалла; 3 — Плавтилла;
 4 — Элагабал; 5 — Север Александр); 6—15: римские провинциальные эмиссии (6—10 — Ольвия;
 11 — Тира; 12 — Кесария Каппадокийская; 13 — Одесс; 14 — Боспор; 15 — Херсонес Тавриче-
 ский). 1—5, 11—15 — найдены в Ольвии. (1—5, 12 — серебро; 6—11, 13—15 — бронза).

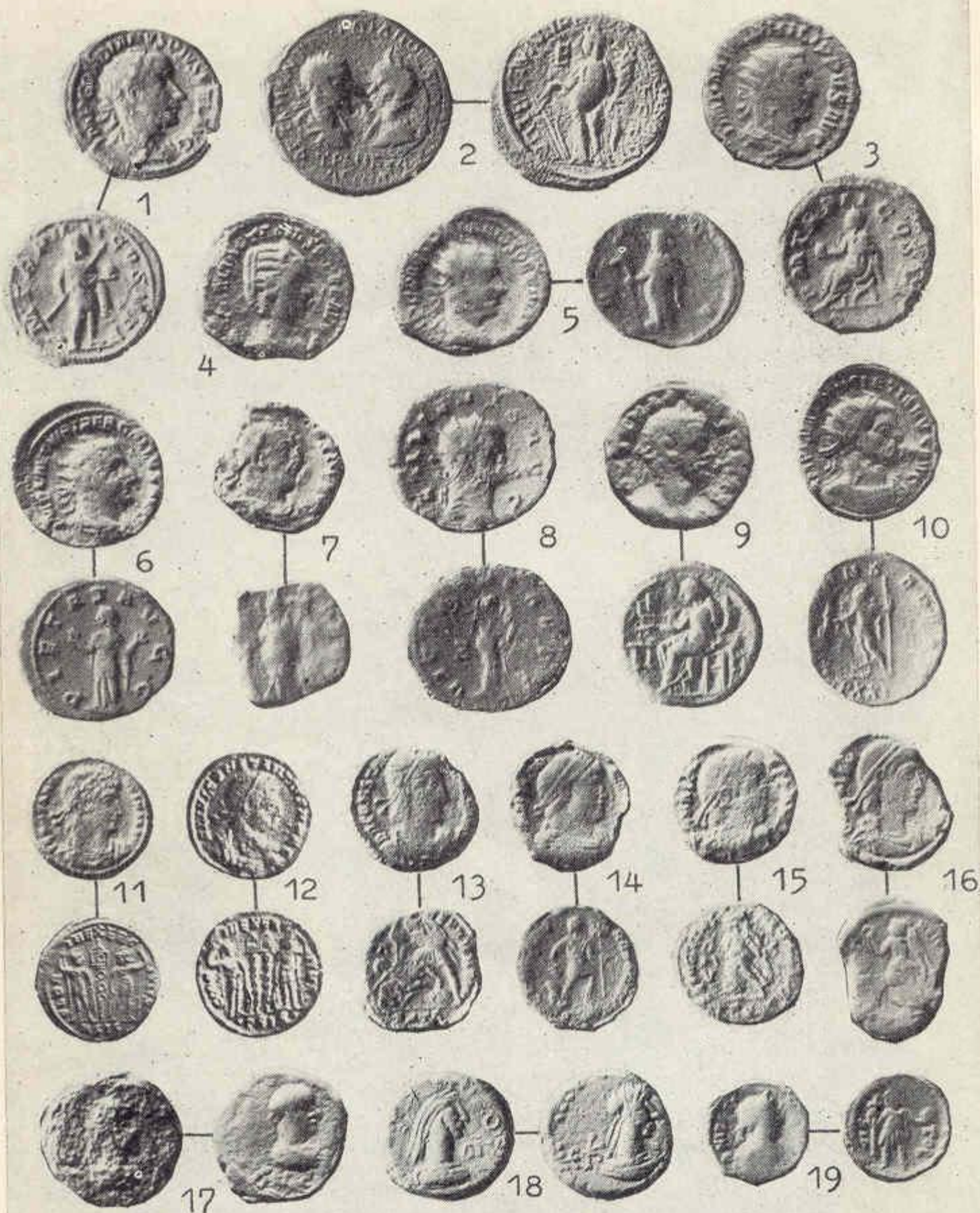

Рис. 16. Поздние монетные находки из Ольвии (середина III — середина VI в. н. э.)
 1, 3—8, 10—16, 19 — римские императорские эмиссии (1 — Гордиан III; 3 — Филипп Араб; 4 —
 Отацилия; 5 — Траян Деций; 6 — Требониан Галл; 7 — Валериан; 8 — Галлиен; 10 — Диоклетиан;
 11 — Константин I; 12, 13 — Констанций II; 14 — Валентиниан I; 15, 16 — Валент;
 19 — Юстиниан I); 2 — Маркианополь (Гордиан III); 9 — Александрия Египетская (Клавдий II);
 17, 18 — Боспор (цари Фофорс и Рескупорид V). (1, 3—8, 10 — биллон; 2, 9, 11—19 — бронза).